

6

РУССКАЯ РЕЧЬ 1979

НОЯБРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ДЕКАБРЬ

В номере:

И. Ф. Протченко, М. В. Орешкина. Животворное взаимодействие	8
---	---

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. В. Одинцов. Поворот Пушкина к реализму	19
С. И. Котков. Наедине с минувшим	19
Н. С. Валгина. Необычное... в обычном (Заметки о пунктуации А. Ахматовой)	22
И. С. Ильинская. Советские писатели о современном русском языке	30
Т. С. Шеханова. В «прекрасном и яростном мире» слова А. Платонова	36

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

А. Платонов. Цветок на земле	43
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. А. Плотникова. Спусти или через	47
С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка». Ответственность за выполнение плана — ответственность за невыполнение плана	51

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. А. Ковалев. Литературный язык и язык художественной литературы	55
---	----

ЛЕКСИКА

Н. Г. Юсупова. «Родственники» животных	63
--	----

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Р. П. Рогожникова. А также...	69
---------------------------------------	----

СРЕДИ КНИГ

М. С. Суханова. <i>Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка</i>	60
Г. И. Миськевич. <i>Брагина А. А. Русское слово в языках мира</i>	66

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

И. Г. Добродомов. Евгений Федорович Будде (1859—1929)	73
---	----

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

<i>К 250-летию А. В. Суворова</i>	
А. И. Горшков. А. В. Суворов — знаток и мастер русского слова	76
Г. С. Баранкова. Зодиак	81
А. В. Барандеев. О традиционной форме географических названий	86

ОЛИМПИЙСКИЕ АРЕНЫ МОСКВЫ

Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Измайлово. Крылатское	90
--	----

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. Скадел. Язык друзей (Русский язык в ЧССР)	94
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Е. А. Левашов. Фехтование и «фехтовальные» слова	98
Е. П. Ходакова. «Глаголом жги сердца людей»	102
Р. А. Юналеева. Шапка не только «шапка»	106
В. А. Никонов. Ответы на письма читателей	111

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Взимается... пени? Памятный мемориал; Ас	110
М. М. Маковский. Русские имена	121
Кроссворд	122
Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1979 год	123

На обложке рисунок В. Толстоногова
При перепечатке ссылка
на журнал «Русская речь» обязательна

© Издательство «Наука», «Русская речь», 1979

ЖИВОТВОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В приветствии товарища Л. И. Брежнева участникам Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР» (май 1979 г.) отмечена огромная роль языков всех наций и народностей СССР в развитии культуры, науки и народного образования Советской страны, определено значение русского языка: «В условиях развитого социализма, когда экономика нашей страны превратилась в единый народно-хозяйственный комплекс, возникла новая историческая общность — советский народ, объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека. Свободное владение, наряду с родным, русским языком, добровольно принятым в качестве общего исторического достояния всеми советскими людьми, способствует дальнейшему упрочению политического, экономического и духовного единства советского народа» («Правда», 23 мая 1979 года).

Русский язык в нашей стране признан языком дружбы, единства и братского сотрудничества всех наций и народностей, населяющих Советский Союз. Как язык межнационального общения он активно взаимодействует с другими языками народов Страны Советов. Известно, что СССР — одно из самых крупных многонациональных государств в мире, у нас насчитывается около 130 языков, причем свыше 70 из них являются в настоящее время письменными литературными языками. Сравнивая эти данные с положением в дореволюционной России, когда письменность имела лишь у 20 народов, мы с гордостью отмечаем, что именно в советскую эпоху впервые получили письменность около 50 ранее бесписьменных народов. Таких примеров в языковом строительстве, в последующем бурном развитии культуры и просвещения ранее отсталых народов совершенно не знает вся предшествующая история человечества. За сравнительно небольшой

период времени в стране осуществилась подлинная культурная революция. Ранее угнетавшиеся и неграмотные народы царской России, обретя свободу, получили доступ к знаниям.

Насколько глубокие перемены произошли в послеоктябрьское время, можно судить по следующим нескольким фактам. Из данных переписи 1897 года, использованных В. И. Лениным при характеристике грамотности в дореволюционной России, видно, что в составе всего населения страны грамотные составляли 21 процент, а если не учитывать детей-дошкольников в возрасте до 9 лет — 27 процентов. В среде трудового народа, в национальных районах наблюдалась сплошная неграмотность. Так, в дореволюционный период на Украине не было ни одной школы на украинском языке, а неграмотное население составляло 75 процентов (среди женщин еще больше — 90 процентов); в Белоруссии не знало грамоты около 80 процентов населения; что же касается других национальных и более окраинных территорий (Средняя Азия, Казахстан и т. п.), то там уровень грамотности был совсем ничтожным.

За короткий исторический срок Советский Союз превратился в страну сплошной грамотности, передовой науки и техники, высокоразвитого народного хозяйства. Ныне наша страна, вступив в эпоху зрелого социализма, встречает очередную 62 годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в расцвете творческих сил народов, строящих коммунизм.

В развитии массового, повсеместного просвещения, культуры народов Советской страны, национальной по форме и социалистической по содержанию, в становлении и создании передовой государственности, в возникновении новой исторической общности людей — советского народа выдающуюся роль сыграл ранее и продолжает играть в наши дни великий русский язык.

При помощи русского языка в нашей стране осуществляется взаимный обмен опытом и приобщение наций и народностей к русской и мировой культуре, к культурным достижениям всех народов СССР.

Писатель Юван Шесталов — представитель небольшого северного народа манси, на языке которого говорит всего семь тысяч человек, размышляя о роли родного и русского языка в своей жизни, говорит: «Сегодня я думаю и пишу на двух языках — русском и мансийском. Этими

двумя крыльями я поднимался к людям, к взаимопониманию... Первая книга, которую я узнал, называлась «Букварь». Еще одно название было у нее — «Новый путь»... Только в Ленинграде, далеко от родных мест, я научился понимать и чувствовать красоту и возможности языка моего маленького народа. Вероятно, этого не произошло бы, если бы не было животворного воздействия русского языка» («Комсомольская правда», 2 июня 1979 года).

Роль русского языка в качестве свободно избранного населением Советской страны средства межнационального общения, его большое и благотворное влияние на другие языки не является случайностью, а исторически глубоко обусловлено всем ходом жизни, общественным развитием.

В. И. Ленин указывал, что в условиях многонациональной страны «потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...» (В. И. Ленин. Т. 23, с. 424—425).

Хотя русский язык являлся средством межнационального общения и в дореволюционной России, однако сплошная неграмотность трудящихся масс, реакционная национальная политика царизма сдерживали повышение его роли и развертывание процессов взаимодействия языков. После революции функции русского языка неизмеримо расширились, чему способствовали естественная тяга трудящихся национальных районов к овладению языком русского народа в новых условиях дружбы, сотрудничества и взаимной помощи, издание в невиданных масштабах на русском языке художественной литературы, периодической печати, распространение радио, кино, телевидения и т. п. Этому способствовали благоприятные условия развития самих национальных языков, расширение их общественных функций, быстрый темп развития просвещения. Вместе с распространением грамотности на родном языке и повышением общей культуры нерусского населения, достигнутой через знание национального языка, расширились и масштабы использования языка межнационального общения, активизировалось языковое взаимодействие.

Если в первые годы после революции основной базой развития лексико-семантической системы, так же как и

других областей младописьменных и бесписьменных языков, служили внутривидовые потенциальные ресурсы этих языков, то дальнейший ход развития большинства литературных языков народов нашей страны стал все больше определяться процессами взаимодействия и взаимообогащения языков.

В целом можно выделить три главных фактора развития литературных языков: развертывание внутривидовых возможностей каждого языка; прямое взаимодействие различных литературных языков друг с другом (например, украинского и белорусского, узбекского и таджикского и т. п.); влияние русского и — через его посредство — других языков.

Остановимся на третьем из указанных факторов. Взаимодействие русского языка с другими языками нашей страны — процесс двуединый: обогащая другие языки, русский язык также обогащается в процессе взаимодействия с языками наций и народностей СССР. Особенно ярко это проявляется в словарном составе. Многочисленные заимствования слов из русского языка или через его посредство в языки народов СССР сопровождаются довольно значительными лексическими заимствованиями в русском языке как из иностранных, так и из языков народов СССР, например, из языков родственных — украинского, белорусского, а также из финно-угорских, кавказских, иранских, палеоазиатских, алтайских и других, в особенности из тюркских языков. Например, из украинского в русский в разные годы вошли слова: хутор, тысячница, хата-лаборатория, хлопец, девчата и другие. Свидетельством активного воздействия на русский язык в разные исторические периоды выступают слова тюркского происхождения и слова, проникшие из различных восточных языков через тюркские языки: базар, мечеть, меджлис, майдан, арык, кишпак, чайхана и другие.

Надо сказать, что вопрос о заимствованиях в русском языке из других языков народов СССР и шире — о влиянии последних на русский — еще недостаточно освещен, хотя он заслуживает самого пристального внимания, поскольку одинаково большой научный интерес представляют собою обе стороны этого плодотворного взаимодействия языков. Несомненно, будущие исследования в этой области обогатят науку многими сведениями о тесных связях русского и других народов. Такие исследования взаимно дополняют встречную картину влияния русского

языка на развитие и обогащение языков народов, с которыми происходит языковое взаимодействие.

Взаимодействие русского языка и других языков народов СССР осуществляется на всех лингвистических уровнях: лексико-семантическом, фразеологическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом. Это вполне понятно, ибо указанные уровни (или системы) неразрывно связаны в общей структуре языка, они диалектически взаимопроникают в процессе активной жизни языка, его функционирования в обществе. Изменения в одном уровне языка приводят в большей или меньшей мере к специфическому воздействию на другие его уровни, как это и должно быть по законам диалектического развития. Здесь следует, однако, подчеркнуть, что степень проницаемости различных уровней языка далеко неодинакова. Менее показательны в этом отношении фонетика и морфология. Наиболее открытой и поддающейся для иноязычного воздействия сферой языка и наиболее «чувствительной» к изменениям в жизни общества является сфера лексико-семантическая и тесно связанная с нею фразеология; последняя же тесно связана со сферой стилистико-синтаксической. Этим объясняется особая важность изучения национально-русского взаимодействия в лексико-фразеологическом аспекте.

Самым характерным и типичным процессом в ходе развития лексико-семантических систем литературных языков народов СССР в послереволюционное время явилось формирование новых лексико-семантических подсистем в словарном составе языков. Что означает это понятие? «Лексико-семантическая подсистема — это часть лексико-семантической системы данного языка, сформировавшаяся в определенный период его развития... Они (подсистемы) образовались не просто путем постепенного внутривидового развития языка, а главным образом благодаря активному воздействию общества на развитие языка в течение сравнительно короткого периода при широком взаимодействии и взаимообогащении языков» (Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. «Развитие языков народов СССР в советскую эпоху». М., 1968, с. 279—280). Следует оговориться, что изучение подсистем указанного типа не исключает, а, наоборот, предполагает рассмотрение истории отдельных слов и их разрядов, тематических групп, так же как и исследование других сторон лексико-семантической системы языка.

Создание новых лексико-семантических подсистем в старописьменных и младописьменных языках происходило по-разному. Если в младописьменных языках (например, в якутском, осетинском, удмуртском, хакасском, бурятском, кабардинском, калмыцком и др.) некоторые новые подсистемы этого плана создавались заново, то есть без предшествующей основы, то в старописьменных языках (например, в армянском, грузинском, украинском и др.) они формировались на уже имевшейся базе тех разновидностей, которые получили известное развитие в дореволюционные годы. Указанное различие вполне естественно вытекает из такого важного фактора, как весьма существенная разница в объеме выполняемых общественных функций языков (в одном случае — ранее бесписьменных, младописьменных, в другом — старописьменных).

Вспоминая это прошлое, мы можем сказать, что в первые послереволюционные годы, когда насущной задачей была ликвидация безграмотности, а затем и необходимость дальнейшего перехода на всеобщее образование (начальное, восьмилетнее, полное среднее), огромную роль сыграла разработка письменности и столь необходимых лексико-семантических подсистем в младописьменных, а ранее вовсе бесписьменных языках. Решение этой исходно-ключевой задачи определило дальнейший поступательный ход научного и общекультурного прогресса некогда отсталого населения национальных районов, бурный рост не только уровня развития родных языков, но также искусств и различных аспектов общественно-производительной и духовно-эстетической сторон жизни людей.

Говоря об использовании внутривидовых возможностей национальных языков, мы отмечаем, что этот источник является главным, определяющим фактором в развитии любого литературного языка. Некоторую оговорку можно сделать по отношению к особенностям пополнения общественно-политической лексики, научно-технической терминологии, путей стилистической дифференциации значительного числа литературных языков народов СССР (за исключением отдельных старописьменных, например армянского, грузинского), поскольку в этих сферах отмечается бесспорно сильное влияние русского языка, выходящее за рамки локального и принявшее межнациональный характер.

Заемствуемая из русского (или через посредство русского) языка лексика указанных выше разрядов в основ-

ной своей массе поступает через литературный язык, в отличие от дореволюционного времени, когда взаимодействие языков ограничивалось в основном пределами устной разговорной речи ввиду явной неразвитости литературно-языкового взаимодействия. Мощными катализаторами этого процесса в послереволюционные годы стали школа, вся система народного образования, театр, кино, другие средства массовой информации. В результате происходит обогащение лексики национальных языков, особенно в области общественно-политической, научно-технической терминологии.

Общность процессов общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни с логической последовательностью ведет к формированию общего лексического и фразеологического фонда, а также параллельно-сходных явлений в развитии синтаксиса национальных языков.

При обогащении словарного состава заимствующих языков происходит не только непосредственное, но и косвенное влияние. В их лексико-семантической системе появляются новые оттенки значений, экспрессивно-стилистические варианты, активизируются и обогащаются потенциальные синонимические ряды, происходит образование новых слов и новых значений от заимствованных основ, создаются новые фразеологизмы, возникают лексические и фразеологические кальки. Соплемяся на мнение академика И. К. Белодеда, который приводит убедительные данные из области близкородственных русско-украинских языковых контактов советской эпохи: «Под влиянием словообразовательных моделей русского языка в украинском языке наблюдается, например, возросшая продуктивность отглагольных имен существительных с суффиксом *-к-* (закладка, плавка, приписка, стіннівка, засипка и др.), существительных с суффиксом *-ник, -ист*, реже *-щик* (землепрохідник, кранівник, бульдозерист, скреперист, заправщик и др.)... Творческие контакты украинского языка с русским содействуют расширению и активизации в украинском языке ряда синтаксических конструкций...

В свою очередь, русский литературный язык воспринял некоторые лексические и словообразовательные элементы украинского языка, например: *делянка, пятисотенница, тысячница, косовица* и др.; по образцу украинской модели слов типа *хлібороб* образованы соответствующие

русские слова типа *хлебороб, хлопкороб* и др.» (И. К. Белодед. Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. М., 1972, с. 178—179).

В качестве иллюстраций приводятся обычно примеры создания русских географических названий с использованием украинской модели словообразования на *-щина* (Смоленщина, Псковщина, Брянщина, Тамбовщина и т. п.), а также факты распространения в русской среде украинских образных выражений пословичного типа: *моя хата с краю; язык до Киева доведет* и другие.

При расширении исследований о влиянии национальных языков на русский язык в лексико-фразеологической сфере важным представляется выделение в русском языке таких разрядов слов и фразеологических оборотов, которые заимствованы из других языков, проследить, как и когда они формировались. При определении и классификации тематических и лексико-словообразовательных разрядов (или групп) важно было бы показать сферы функционирования и особенности стилистического употребления этих заимствований в русском языке (например, в художественной литературе, публицистике и др.). Среди других сторон исследования данной проблематики можно также указать следующие важные вопросы: какова степень освоения слов в различных тематических и словообразовательных группах, как протекали процессы фонетико-морфологической адаптации заимствований, каковы особенности их «приспособления» к грамматической системе русского языка, какие выявляются способы словообразования от заимствованных основ, какие наблюдаются особенности в орфографической передаче указанных заимствований, что выявляется в русской лексикографической практике по отношению к данной категории слов (степень охвата их толковыми и другими словарями, приемы толкования значений этих слов и др.).

В результате взаимодействия русского и национальных языков происходят процессы, оказывающие влияние на формирование стилей национальных языков.

Русский язык имеет развитую стилистическую систему, которая оказывает плодотворное влияние на формирование и совершенствование стилей других языков нашей страны. Это влияние двоякое — опосредованное и непосредственное. Влияние первого типа представляет собою как бы воздействие сложившихся в русской стилистиче-

ской системе эталонов, образцов конкретных стилей, выработанной стилистической специализации языковых элементов (например, в организации делопроизводства, судопроизводства; в жанрах служебной и личной переписки и т. п.).

В результате непосредственного или прямого воздействия наблюдается возникновение ряда новых явлений: вариантность и синонимика языковых единиц, включение дополнительных тематических групп слов, моделей, оборотов, конструкций, что происходит под влиянием различного рода заимствований (лексико-словообразовательных, морфолого-синтаксических, фразеологических и звуковых).

В художественной литературе младописьменных народов на основе фольклора и при плодотворном воздействии высококоразвитой русской литературы и литератур других народов, созданных на старописьменных языках, в младописьменных языках развиваются стили прозы, поэзии, драматургии.

Существенное влияние на развитие стилей, в особенности научного и публицистического, оказывает переводческая практика, в ходе которой происходит обогащение опыта создания соответствующей литературы на родных национальных языках, накопление стилистических элементов разных языковых ярусов, сходных или общих большинству стилевых разновидностей языков социалистических наций.

Становление и развитие системы образования на родных национальных языках, так же как и всерасширяющееся изучение русского языка и опыт преподавания на нем в национальных республиках способствовали и способствуют совершенствованию соответствующих функциональных стилей в данной области.

На состоявшейся в мае этого года в Ташкенте Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР» были обсуждены проблемы дальнейшего совершенствования изучения и преподавания русского языка в национальных республиках страны, выработаны рекомендации для расширения и повышения эффективности этой важной работы в будущем.

*И. Ф. ПРОТЧЕНКО
М. В. ОРЕШКИНА*



Поворот Пушкина к реализму

К уроку литературы

Для того, чтобы глубоко понимать поэзию, важно знать не только биографию поэта, так сказать, жизнь внешнюю, но и жизнь внутреннюю, духовную, творческую: с чего начал поэт, как он развивался, чего достиг. Сейчас Пушкин для нас вершина поэзии. Всех поэтов мы соотносим с ним. Пушкин — первый русский поэт.

Но исторически он не первый, стихи писали и до Пушкина, и прекрасные. Однако именно Пушкин произвел революцию в поэзии, стал родоначальником русской литературы. Как же это произошло? В чем сущность произведенных изменений?

Всякое творчество начинается с подражания, с постижения, обработки наследства. И Пушкин начал с освоения или усвоения поэтического мастерства своих предшественников. А язык поэзии тогда был «языком богов».

В точности неизвестно, как говорили боги, но, во всяком случае, люди так не разговаривали. «Когда по небу тень лилась...», — писал поэт, — это означало: ночь наступала.

Доколь сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом... [т. е. умрешь]

К Батюшкову

Доселе в ревности беспечной
Брели по розам дни мои... [т. е. мне жилось хорошо]

Послание к Юдину

Вспомним, как позже Пушкин напишет в «Евгении Онегине» о размышлениях «неведомого, но милого» поэта:

Он мыслит: «Буду ей спаситель,
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренный цветок
Увял еще полураскрытый...»

И даст грустный перевод на общеупотребительный язык всех этих поэтических формул: огонь вздохов, искушающий сердце; ядовитый червь, точащий стебелек лилеи и другие —

Все это значило, друзья;
С приятелем стреляюсь я.

Но это позже, а молодой Пушкин легко выучивает «язык богов». «Огонь любви» и «пламень сердца», увядающий цветок как символ погибающей молодой жизни — этим языком он и говорил в стихах:

Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный не увял!..

К Батюшкову

А коса — это коса смерти: так положено было изображать смерть. Зато жизнь — это не просто жизнь, это «правдний жизни», «пир жизни», где пьют из «чаши бытия», «чаши жизни». Ход жизни представлялся в виде нити, которую пряла старая Парка. Если мы откроем «Иконологический лексикон», изданный в Санкт-Пётр-

бурге в конце XVIII века, то узнаем, как следовало изображать парок и как они должны были выглядеть: «Сии богини, по мнению баснословцев, имели власть над человеческою жизнью и пряли оную наподобие ниток... Сия таинственная нить значит тленность человеческой жизни... Представляются они в виде трех весьма престарелых женщин...». Если нить из белого льна, то жизнь долгая и благополучная, если из черного — несчастливая. Одна богиня держит прялку, другая прядет лен, третья перерезывает нить. Перерезала — человек умер. Все это изображалось и на полотнах художников, и в сочинениях стихотворцев. Когда Пушкин писал: *За богинею слепою, не за Хлоей полечу*, то современник его прекрасно понимал, о чем писал поэт: слепой богиней было Счастье. Откроем старинный фоллиант под названием: «Емвлемы и символы»: «Фортуна, богиня счастья и случаев, изображается лысою, с завязанными глазами и крыльями у ног, из коих одна стоит на коловратном колесе, а другая на воздухе».

Здесь же рядом другие изображения: Слава представляется «иногда в образе жены, преужасной величины, с крыльями, испещренными многими глазами с премногими устами и ушами; иногда в развеваемом одеянии с крыльями и трубою одною или двумя; иногда бегущею на крылатом коне и трубящею в трубу».

Победа представлялась «...крылатою женою с рогом изобилия и пальмовою ветвью». Поэтому и у поэтов часто встречаем выражения: «победа летела во след герою», «под крылом славы», «стоустая слава», «труба славы», причем эти метафоры (для нас) были частью, атрибутом реального изображения символа. Образно-перифрастические выражения и описания использовали все поэты, встречаются перифразы и у Пушкина.

*

Но пройдет совсем немного лет, и Пушкин заговорит в стихах иначе. Академик В. В. Виноградов как-то заметил, что «молодой Пушкин и Пушкин половины двадцатых годов писали на разных языках. Искусственные, условные, беспредметные формулы раннего элегического стиля, разрушаясь, превращаются в иронические метафоры национально-бытовых явлений» (В. В. Виноградов, *Стиль Пушкина*. М., 1941). Именно тогда Пушкин набро-

сал свою замечательную статью «О прозе», где писал: «Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах как это все ново и свежо, разве оно лучше, потому только, что длиннее.

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: Сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса — и продолжай — будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет».

Пушкин уже не принимает и как бы не понимает, не хочет понимать поэтической изысканности. Когда, например, в стихах Кюхельбекера, его милого друга Кюхли, встретилась почти обычная перифраза: «Я всегда в уединеньи Пас стада главы моей...» (поэт имел в виду «созданья вдохновения, Сны и грезы, и видения»), Пушкин шутя написал ему в письме: «Пас стада главы моей [вшей]?». Обычной метафорой начиналось и стихотворное послание Батюшкова Гнедичу:

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает...

Пушкин, прочитав, рассмеялся: «Батюшков женится на Гнедиче!». «Как ландыш под серпом убийственным жнеца...» — начал Батюшков одну из своих элегий. Пушкин заметил: «Не под серпом, а под косою. Ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных». Пушкин стал внимателен к слову, он требует от себя и от других простоты и точности выражения.

Вообще же движение Пушкина к реализму начиналось с отталкивания: сначала он писал то же, что и все, и так же, как и все. (Разумеется, лучше многих, но в принципе — так же); затем он стал писать о том же, что и все, но не так, стал писать по-иному, экспериментируя, пробуя, вводя новые приемы; и уже в 30-х годах — все было не так, как у других. Самый перелом в творчестве Пушкина, его поворот к реализму хорошо виден на примере «Песни о вещем Олеге».

Олег — излюбленный герой русских исторических сказаний и изображений художников. Что можно рассказать о могучем князе, о полководце, о войне? Что вообще рассказывают в таких случаях? Конечно, про геройские дела, про подвиги, войны, победы. А тем более про такого полководца; ведь он покорил даже Византию. Что самое замечательное и знаменательное в походах Олега? На этот вопрос легко ответит любой мало-мальски знакомый с отечественной историей: «Ну, конечно, Олегов щит на вратах Цареграда!».

Так и рекомендовалось изображать Олега. Возьмем старое художественное руководство А. Писарева «Предметы для художников» (СПб., 1807):

«Действие происходит в виду Царя-града. Олег, окруженный своими полководцами, гордо ждет послов греческих, за которыми несут дары. Послы с покорностью просят Олега о мире и подают ему статьи договора. Вдоль берега видны шатры высаженного войска для приступа, а на море суда Олеговы. Засим следует представить Олега, когда он прибывает щит свой к цареградским воротам при глазах своего и неприятельского воинства. Он, кажется, говорит: пусть позднейшие потомки узрят его тут».

Вот как надо было изображать Олега — и кистью художника, и пером стихотворца. Н. М. Карамзин в статье «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художества» писал: «Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к цареградским воротам, в глазах греческих вельмож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель будущих своих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: «Кто более и славнее меня в свете?».

Именно этот сюжет многократно воспроизводился в картинах, иллюстрациях. Он же служил материалом для поэтов. В частности, думу «Олег Вещий» написал К. Ф. Рылеев:

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань — за мир позорный
К Олегу шлет Леон.
Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань...

Не в трюмлет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

Все в точном соответствии с рекомендациями историка. Пушкин к последним строкам заметил: «Но не с гербом России... во-первых, потому, что во времена Олега Россия не имела еще герба. Наш *двуглавый орел* есть герб Российской империи и знаменует разделение ее на Западную и Восточную; у нас же он ничего не значит». А в письме К. Ф. Рылееву во второй половине мая 1825 года из Михайловского Пушкин с дружеской откровенностью писал: «Что сказать тебе о думах? Во всех встречаются стихи живые... Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест*... Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского пет в них ничего, кроме имен (исключаю «Ивана Сусанина», первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант)». И затем прибавлял: «Ты напрасно не поправил в „Олеге“ герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Также повеси щит свой на вратах на показание победы».

Как характерна здесь для Пушкина забота и о точности, и о народности (национальности) поэтического слова! Ему претят штампы литературно-живописной изобразительности, условно-риторический пафос, ходульность стиля и образов. Художественным вызовом, стилистическим протестом против классических и сентиментально-романтических шаблонов стала «Песнь о вещем Олеге». Пушкин, опираясь на непритязательную простоту летописного рассказа, находит формы реалистического выражения, создает национальный, народный колорит стиля. Показателен уже выбор сюжета: о воинской славе и подвигах Олега говорится вскользь, а в центре стихотворения совсем другое. В одном из писем Пушкин замечал:

«Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического». Пушкина привлекает это простодушие и драматическая живость летописного

сказания, его трогательная естественность и вместе с тем живописная рельефность и стилистическая красочность.

И соответственно вся обстановка, все краски у Пушкина — былинные, народно-поэтические. Богатырь Олег едет по полю на верном коне, пирует с боевыми товарищами, размышляет над предсказанием кудесника. Историко-бытовой колорит, лексика истории (дружина, кудесник, отроки-друзи, тризна, волхвы и др.), слова самые обычные, взятые из языка повседневного общения, создавали необычность (для того времени) и стилистическую новизну «Песни». Обратите внимание, какие, например, использованы здесь эпитеты. Они совершенно лишены обычной литературной изысканности и цветистости: *верный конь, буйный набег, темный лес, мудрый старец, могильная земля, синее море, позлащенное стремя, конь ретивый* и т. п. В драматических сценах, в репликах князя заметно тяготение к простому, фамильярно-бытовому языку, вместо эффектных, величественных речей героя (ведь все-таки князь, герой не только литературный, но и в жизни) — естественное, живое просторечие: «Теперь отдыхай... Прощай, утешайся, да помни меня...»; «А где мой товарищ?.. Здоров ли?..»; «И думает: „Что же гаданье?..“». «Твой старый хозяин тебя пережил...» и др.

*

Для Пушкина потеряли привлекательность средства сильные, яркие сами по себе (ими жили поэты-романтики). Это был уже пройденный этап. Он стремится к простоте средств. Из обычного материала создать шедевр — вот настоящее искусство! Но это значило перенести центр тяжести на организацию языковых средств, усложнить художественную композицию, применить новые, сложные, ранее недоступные писателям способы и приемы изображения. Это и был поворот к реализму.

В. В. ОДИНЦОВ
Рисунок Ю. Космынина

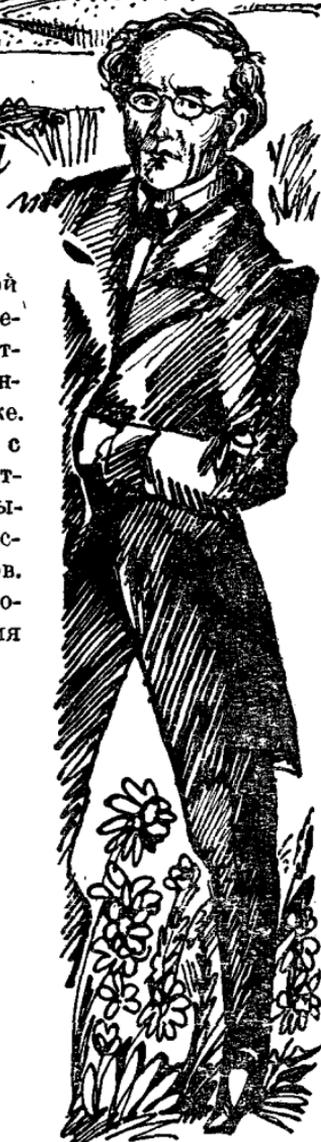


В произведениях художественной литературы, отдаленных от нас во времени, можно встретить употребление отдельных слов в значениях, утраченных позднее в литературном языке. Современники воспринимают их не с той семантикой, с которой их употребляли авторы, а с той, которая им ныне свойственна. Вследствие этого трансформируется и образность этих слов. Пример подобного рода находим во второй строфе известного стихотворения Ф. И. Тютчева:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздно́й борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...



Восхищенный стихотворением Тютчева, Л. Н. Толстой особо выделил строки *Лишь паутины тонкий волос//блестит на праздной борозде*, а в беседе с А. Б. Гольденвейзером 1 сентября 1909 года заметил: «Здесь это слово *праздной* как будто бессмысленно и не в стихах так сказать нельзя, а между тем, этим словом сразу сказано, что работы окончены, все убрали, и получается полное впечатление. В умении находить такие образы и заключается искусство писать стихи, и Тютчев на это был великий мастер» (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, 1959, с. 315). Прошло несколько дней и, вспомнив те же строки, Лев Николаевич сказал: «Мне особенно нравится *праздной*. Особенность поэзии в том, что в ней одно слово намекает на многое» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. II, 1955, с. 63).

Художественный смысл слова *праздный* в данном конкретном случае получает подлинное раскрытие лишь в свете того семантического наполнения, которым слово обладало в тютчевское время.

В современном русском литературном языке прилагательное *праздный* означает 'свободный от дел, занятий; проводящий время в праздности, безделье', 'не заполненный трудом, деятельностью, протекающий в праздности, безделье', переносно: «бессодержательный, пустой, бесцельный»; значение 'ничем или ничем не занятый, не заполненный; пустой, порожний' признается устаревшим (17-томный «Словарь современного русского литературного языка», т. XI, 1961). А в первой половине XIX века последнее значение выступало едва ли не в качестве основного: *праздный* 'ничем или ничем не занятый; порожний', 'ничем не занимающийся, живущий без дела,' 'недельный, пустой; суетный' (Словарь церковнославянского и русского языка 1847 года). Так, у Пушкина эпитет *праздный* выражал преимущественно значения 'пустой, порожний, ничем не заполненный, свободный от дел, не занятый' (Словарь языка Пушкина, т. III, 1959). В общем тогда семантика слова не была настолько негативной, как обнаружилось впоследствии, по мере приближения к нашему времени. В определении *праздный*, помимо иных, выступали и такие значения, как 'чуждый забот и тревог, погруженный в полный покой'. Вот эта семантическая возможность слова и отозвалась в стихотворении Тютчева. *Праздная борозда* — это не просто ничем и ничем не занятая, свободная от злаков и сохи, «порожня» от того и другого, а борозда, оваянная безмятежным покоем. В полной гармонии с этим представлением звучат заключительные строки:

И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

Возможность художественного воплощения в выражении *праздная борода* именно такого состояния поля находит объяснение в исторической судьбе слова *праздный* в русском языке. Старославянское образование *праздный*, как и многие другие слова с неполногласием, принадлежало высокому стилю речи. В памятниках древнерусской эпохи прилагательное *праздный* означало не только 'не занятый ничем, находящийся без дела' или 'пустой, пустующий', но вместе с тем и 'праздничный'. *Праздной* в этом смысле слыла, например, пасхальная, так называемая светлая неделя (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка). Данное старинное значение отмечалось и во времена Тютчева: *праздная неделя* 'святая неделя' (Словарь 1847 г.). От подобного значения до значения 'пребывающий в состоянии отдохновения', как говорится, рукой подать. В свете этой семантики слова определение борозды как *праздной* 'находящейся в состоянии безмятежного покоя, в известном смысле праздничного' является поэтически правомерным. Нелишне отметить: в Словаре В. И. Даля характеризуемое в качестве старинного приводится выражение *праздное поле*. Ср. любопытные параллели из деловой письменности XVIII века: «помъщикамъ... крестьянъ своихъ.. сѣменами снабдить, дабы земля праздно не лежала; если же гдѣ сыщутся праздня и впускъ лежащія земли, то бы оныя отдавать малопомѣстнымъ и безъпомѣстнымъ» (Картотека ДРС Института русского языка).

С семантикой 'празднично отдыхающая' *праздная борода* органически входит в гамму светлых, пронизывающих стихотворение «праздничных» образов. Это и *дивная* пора, и осенний день как бы *хрустальный*, и *лучезарны* вечера, и *чистая и теплая* лавурь. Иная семантика эпитета *праздная* была бы в этой светлой гамме художественных определений противоречивой.

Итак, вследствие возможных с течением времени семантических изменений отдельные слова, в которых получают воплощение художественные образы, в сознании последующих поколений иногда существенно преобразуются. В этих случаях первоначальный, авторский смысл художественного образа выявляется исключительно в контексте той лингвистической ситуации, в условиях которой творил автор, при ближайшем соприкосновении с ней или, иначе говоря, когда исследователь остается наедине с мившим.

С. И. КОТКОВ

Рисунок Ю. Космынина



тверждая своей поэзией малую форму, А. Ахматова сумела сообщить ей интенсивность выражения. Как писал Б. Эйхенбаум, «лаконизм и энергия выражения — основные особенности поэзии Ахматовой. Эта манера не имеет импрессионистического характера (как казалось некоторым критикам, сравнившим стихи Ахматовой с японским искусством), потому что

она мотивируется не простой непосредственностью, а напряженностью эмоции» (Б. Эйхенбаум. О поэзии. Л., 1989). Стих как неизбежный результат взволнованности, речь как движение души — это не просто звонкие слова о лирике Ахматовой, это ее истинный смысл, ее глубинное свойство. В этом вся Ахматова — глубоко чувствующая и играющая в жизнь, спокойная и внутренне встревоженная, интимно лиричная и психологически сложная, истомленная и томящая... Героиня Ахматовой, по меткому выражению Б. Эйхенбаума, есть воплощенный «оксюморон». Она вся соткана из парадоксов. И как раз это, придавая ей загадочность, вскрывает самое сокровенное: поэзия Ахматовой проста и легка для мгновенного восприятия, она обнажена, но «прелесть нагой простоты» здесь оборачивается предельной скупостью слов и смысловой и эмоциональной наполненностью. О такой поэзии проще сказать словами самой Ахматовой (цитируется по книге: Анна Ахматова. Бег времени. М.—Л., 1965):

Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной...

Царскосельская статуя

Арсенал поэтических средств у Ахматовой предельно скуп, но именно это подчеркивает своеобразие художественного метода поэтессы: она немногословна, но глубока; чужда игры в слово, но вместе с тем умеет так нарушить обычные словесные ассоциации, что любое обыденное слово предстает обновленным и вступает в неожиданные семантические связи. Ее словарь, ритмика, интонации немногочисленны, но насыщены. Ахматова легко читается, но постижение движений ее души приходит не сразу. Ощущение своеобразия ахматовского почерка зарождается постепенно, как бы накапливаясь по мере чтения ее стихов, ибо перед нами обычные слова, обычные ритмы и рифмы, обычные, как нам кажется, чувства и переживания и, наконец, обычная, вполне регламентированная пунктуация... Но за этой обычностью скрывается такая лирическая эмоциональность, такое своеобразие духовного мира и постижения тайн бытия, что поэзия Ахматовой при всей ее конкретности и даже сюжетности, становится психологически сложной и двойственной, напряженной и острой.

Не изменяет себе Ахматова и в обращении со знаками препинания. Пунктуационный анализ произведений отдельного автора, как правило, сводится к иллюстрированию своеобразия в употреблении знаков.

Нерегламентированная пунктуация и связывается с авторской индивидуальностью. Не такая Ахматова. И здесь она уникальна своей... обычностью. Она разочарует исследователя, попытавшегося во что бы то ни стало отыскать «авторские» знаки. Их нет в прямом смысле этого слова. Ее знаки подчинены нормативным правилам. Но поэтесса умеет так их расставить, что обычный нормативный знак «заиграет» особыми красками — разрушит ритмическую плавность, остановит внимание, — пронзит своей неожиданностью...

Пунктуационное своеобразие Ахматовой складывается не из суммы не по правилам употребленных знаков, а в результате разрывов строки, паузного членения, интонационных перебоев и срывов. Все это фиксируется знаками.

В этом смысле очень показательны точки Ахматовой. Характерна, например, точка, разрывающая строку. Чаще это начало строфы:

Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.

Из книги «Вечер»

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога...

Из книги «Белая стая»

Засыпаю. В душный мрак
Месяц бросил лезвие.
Слова стук. То бьется так
Сердце теплое мое.

Из книги «Белая стая»

Необычное... в обычном

Заметки о пунктуации
А. Ахматовой



Точки, дробящие начальную строку, мгновенно обрывают не успевшую еще подняться интонацию — пульс стиха уже забился, причем неровно, хотя достаточно четко и ощутимо. Строка лишилась цельности звучания, а интонация приблизилась к разговорной, подчеркнув непосредственность и ненарочитость описания состояния героини.

Иной эмоциональный заряд несет в себе разрыв строки в середине стиха, когда он резко обрывает ровное, повествовательно начавшееся описание. Это — как вдруг лопнувшая струна. Точка-пауза здесь не только не снимает напряжения, напротив — нагнетает его:

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.

Из книги «Белая стая»

Строку *Я очень спокойная. Только не надо* можно воспринять и прочитать двояко: интонационно напряженно перед точкой, и тогда смысл предстанет предельно обнаженным — спокойствия нет и не может быть; другой вариант более сложный — с интонацией конца предложения, которая подчеркнет прямое, буквальное значение слова *спокойная*, и тогда общий смысл фразы будет воспринят как навязчивое, самой себе внушаемое желание героини приобрести это состояние вопреки реально сложившейся ситуации. Как видим, точка, нормативно фиксирующая конец предложения, может передать паузу разного эмоционального содержания.

В том же стилистическом ключе воспринимается разрыв строки в конце ее, когда точка помещается перед последним словом — началом новой фразы. Такое членение дает эффект интонационного влета, который резко сменяется спадом во второй строке:

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.

Из книги «Белая стая»

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольней.
Северные элегии

Анализируя поэтический метод Ахматовой, Б. Эйхенбаум в свое время обратил внимание на этот прием: «Особенно излюблены Ахматовой точки перед концом строки — последнее слово,

относящееся уже к следующей фразе, благодаря этому выступает из ритмического ряда со своей интонацией и приобретает особую выпуклость» (Б. Эйхенбаум. О поэзии).

Интересно, что Ахматова варьирует этот прием, находит множество нюансов в его осуществлении, подчиняя ритмико-интонационное членение стиха своему конкретному замыслу, настроению. Прерывистая, дробленая строка сообщает стиху энергию выражения, ощущение сжатости построения фразы, хотя, как правило, Ахматовой не свойственна синтаксическая компрессия в результате пропусков слов, что, в частности, в высшей степени присуще слогу М. Цветаевой. Ахматова достигает впечатления спрессованности речи иными средствами и способами. Это прежде всего разное расположение в строке точек-пауз. В зависимости от этого, то ослабляется дробность фраз, то усиливается. На подвижность ахматовской интонации, прерывистый ее характер указал еще в 1914 году Н. Гумилев (Письма о русской поэзии.— «Аполлон», 1914, № 5). Это как «„короткость“ дыхания».

Наибольшая резкость свойственна перебоям во второй строке, когда последнее слово первой фразы не «умещается» здесь — перенос его на следующую строку удваивает смысловую нагрузку слова. Значение таких акцентно выделенных слов обнажается до предела, до вещной зримости. Недаром большею частью это глаголы-сказуемые, то есть наиболее весомые члены предложения.

В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.

Из книги «Четки»

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними...

Из книги «Четки»

Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.

Разрыв

И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, господи, тихо,
Что слышно, как время идет.

«Когда погребают эпоху...»

Так вот она, последняя! И ярость
Стихает. Все равно что мир оглох...

«И снова осень валит Тамерланом...»

Пристрастие Ахматовой к дробленной строке, к излюбленному приему достигает своего виртуозного воплощения в следующих стихах, где поэтесса завершает строку перенесенным из предыдущей фразы словом. Оборванная строка обостряет, подчеркивает предыдущее, а выделенное слово снабжается такой энергией, что обрастает добавочным, но очень большим, сфокусированным здесь смыслом — сначала настороженность, затем встревоженность и, наконец, уже холодное ощущение обреченности:

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

.
Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть лучше, что я не стала
Вашей женой.
Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.

Из книги «Вечер»

Так Ахматова восстанавливает силу слова в стихе, его содержательную сущность, то есть то, что свойственно слову в живой, реальной речи. Если вспомнить то время, когда начинала Ахматова, те искания и преобразования, которые были свойственны поэтической мысли начала века, то еще более значительным и плодотворным покажется ее творчество — она вернула слову его живую душу, его сущность, тогда как символисты, скажем, увлекались лишь его звуковой оболочкой, оставляя смысл затемненным, туманным. Музыкальность звучания заслоняла для них поиски свежего значения, наполненности смыслом. Слова Ахматовой, выстроенные в краткие, но полные, ясные по своему составу фразы, обретают рельефность, смысловую весомость и конкретность. Они звучат первозданно и потому производят впечатление неопозитивированной обыденности, они лишены символической сложности и мистических ассоциаций. Короткие, между точками, фразы помогают сделать речь естественной, непринужденной и одновременно сдержанной и обдуманной. Прозрачность и

ясность ахматовских фраз — это в какой-то степени реакция на символизм; ее духовная обнаженность, обыденность — это эстетическая позиция.

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.

Из книги «Четки»

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.

Из книги «Белая стая»

Однако разговор о пунктуации Ахматовой неправомерно было бы закончить лишь указанием на стилистико-функциональную значимость точки. Хотя это действительно яркая примета поэтической манеры поэтессы. Ахматова, конечно, пользуется всеми знаками. Крайне редки у нее только скобки, что объяснимо опять-таки лаконизмом и прозрачной ясностью ее фраз. Как и точка, все другие знаки тоже нормативны, хотя в некоторых случаях употребляются они несколько сгущенно или нарочито подобранно, с целью активизировать ритмику стиха.

Так тире, например, может организовать весь ритмико-интонационный рисунок стихотворения, разъединив слова так, что они, удаленные друг от друга, произносительно подчеркиваются, не сливаются. Строка становится резкой, бьющей, беспокойной:

Это — выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это — теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это — пчелы, это — донник,
Это — пыль, и мрак, и зной.

Про стихи

А вот стихи, где поэтессе потребовались буквально все знаки препинания. Буйные противоречивые чувства облечены здесь в речь острую, колкую и даже гневную, обнажающую душевный разлад. Недаром стихотворение называется «Смятении»:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только взглянула: этот
Может меня приручить.

Взглянула

Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.
Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.

В стихотворении «Лишняя» тоже много знаков. Но особенно интересно тире. Хотя на первый взгляд оно в начальных строках немотивированно (между подлежащим и сказуемым), на самом же деле вполне «законно», так как указывает на пропуск объектного местоимения *нас*, пропуск, который ощущается именно благодаря знаку:

Тешил — ужас. Грела — вьюга.
Вел вдоль смерти — мрак.
Отняты мы друг у друга...
Разве можно так?

И, наконец, многоточие. Оно употребляется с размахом, активно, ярко, словно помогая растянуть предельно сжатый стих за эскизными набросками угадать нечто исчезающее и тревожащее:

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в дому твоём живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?
Шереметевские липы...
Переключка домовых...

Из книги «Тростник»

Или в другом случае, когда многоточие подчеркивает песенную плавность, нескончаемость, которые особенно контрастируют с диссонансирующей последней строкой (например, в «Песенке слепого» из пьесы «Пролог»):

Не бери сама себя за руку...
Не веди сама себя за реку...
На себя пальцем не показывай...
Про себя сказку не рассказывай...
Идешь, идешь — и споткнешься.

Многоточие может и открыть повествование, начав его как бы с середины, указав на скрытый, предшествующий контекст. Этому в значительной степени помогает союз *и*, связывая нечто незримое и ускользающее с тем, что реально и ощутимо:

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.

Из книги «Четки»

...И кто-то, во мраке деревьев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!»

Из книги «Четки»

Как видим, понимание Ахматовой роли пунктуации находится в полном соответствии с ее общим художественным методом: как строга она в обращении с поэтическим словом, освобождая его от гипнотической власти музыкальной символики и возвращая его живому речевому употреблению, так скупа она и на субъективные вольности в пользовании знаками. Ориентация на разговорные интонации и акценты, умение уловить и показать различную силу этих акцентов позволяют Ахматовой, без насилия над правилами, достичь максимальной выразительности при пунктуационном оформлении стихотворной речи и тем самым укрепить социальную практику употребления знаков, обогатив ее заново выявленными возможностями. Ее знаки, традиционные с точки зрения синтаксической (они сохраняют свои обычные функции в пределах синтаксических единиц), оригинальны в другом смысле — они помогают поэтессе резко изменить отношения между поэтической строкой и фразой, сменить акценты в строке и фразе. Во всем верная себе, своей эстетической позиции, Ахматова и в обращении со знаками остается Ахматовой: ее необычность... в обычном, ее пунктуация лишена нарочитой усложненности, но выразительные возможности знаков, как и все в поэтическом слове поэтессы, предстают «нарядно обнаженными».

Н. С. ВАЛГИНА
Рисунок Б. Захарова



советские писатели о современном русском языке

Размышления писателей о слове или о каком-либо выражении обнаруживают, как правило, два различных подхода к наблюдениям. Первый подход заключается в том, что писатель регистрирует, объясняет, оценивает то или иное лексическое явление, рассматривая его как объективно существующий факт общенародного языка. Другой подход подчинен преимущественно тем художественным задачам, которые возникают перед писателем в работе над произведением. Оба эти подхода нередко совмещаются, перекрещиваются в одном высказывании и разграничить их не всегда легко. Однако остановимся здесь на таких замечаниях, в которых прежде всего проявляется первый из этих двух подходов.

Стремление к точности словоупотребления заставляет писателя в первую очередь задумываться над значением слова, толкая его на поиски различных, подчас очень топких смысловых оттенков.

Например, сравнивая в диалоге своих персонажей сочетание двух слов *много обещающий* с единым сложным образованием из тех же компонентов — *многообещающий*, Александр Крон в романе «Бессонница» ярко выявляет их смысловое различие:

«— ...Вы знаете Вдовина? Правда, талантливый?

— Талантливый? Скорее, много обещающий.

Она смотрит на меня подозрительно.

— Это одно слово или два?

— Два.

— Ну, как же вы не язва?..» («Новый мир», № 5, 1977).

Вадим Шверубович, сын прославленного актера Художественного театра В. И. Качалова, говоря о душевном состоянии своего

В художественных произведениях современных писателей встречается немало заметок-высказываний о русском языке. Не являясь специальными рассуждениями на лингвистические темы, они интересны как отражение непосредственной реакции на речь со стороны тех, кто в силу профессии особенно чуток к языку как к материалу своего творчества. Больше всего внимание писателей привлекает словарный состав языка.

отца, оказавшегося первое время после Октябрьской революции за пределами родины, пишет:

«Главное было — ностальгия. При всей нелюбви к иностранным, „ученым“ словам я сознательно не говорю „тоска по родине“, чтобы подчеркнуть болезненность, близость к душевному заболеванию того состояния, в каком Василий Иванович находился. Как, сказав вместо „горло болит“ — „ангина“, подчеркиваешь медицинскую категорию своего состояния. Он был болен этой тоской» (О людях, о театре, о себе. М., 1976).

Сближая два термина и противопоставляя им соответствующие нетерминологические сочетания, автор улавливает тонкие семантические различия этих двух лексических категорий.

В своих лингвистических заметках авторы часто касаются стилистической окраски слова.

Писатель С. Дангулов в романе «Кузнецкий мост» (М., 1973) говорит об «исконно русском» слове *угодила*, что в данном контексте надо понимать не столько как указание на происхождение слова, сколько как оценку его разговорно-стилистического тона. В Лондоне, в квартире Черчилля происходит разговор между русским дипломатом и неким молодым человеком, или англичанином, знающим русский язык, или русским эмигрантом, работающим у Черчилля: «У вас ремонт?— Да недавно закончился... бомба угодила в казначейство,— ответил он по-русски. Он так был рад возможности произнести это исконно русское «угодила», что не заметил: в самом факте было мало причин для радости».

В том же романе встречается следующее сопоставление разностильных лексических элементов в речи дипломата, обращенной своему приятелю:

«— Не думаю, чтобы у нас было разное представление о вещных, как ты говоришь, истинах. Наверно, правду и ложь мы видим одинаково. Но там, где ты скажешь «Врешь, каналья!», я скажу: «На мой взгляд, уважаемый коллега, вы несколько отклонились от истины». Конечно, и я могу сказать: «Врешь, каналья!», но я не имею права говорить это, так как завтра мне надо вновь сесть с ним за стол переговоров. Оттого, что ты говоришь «врешь», а я говорю «отклонился от истины», ты не становишься честнее меня».

Писатели отмечают также принадлежность слова или выражения к письменной речи, иногда указывая на его связь с определенным жанром, на его специфический стилистический нюанс. «...Я нагнулся или, как, пишут, склонился над учебником...» (А. Алексин. Поздний ребенок).

«Напрягаться, или, как иногда пишут в романах, „превращаться в слух“ („я весь превратился в слух“) нам не пришлось...» (В. Солоухин. Славянская тетрадь).

«„Вздых облегчения вырвался из моей груди“ — как написали бы в старинном романе» (там же).

Отмечаются также и другие оттенки стилистической окрашенности слова.

В оценке Леонида Мартынова глагол *кушать* — «слащавое словечко». «— Угощайтесь,— говорила она. Тогда [начало 20-х годов] еще не вошло в обиход слащавое словечко «кушайте!»— Угощайтесь,— говорила она.— Ешьте!» (Л. Мартынов. Воздушные фрегаты).

О «слащавом» оттенке этого слова в приведенной форме (повелительное наклонение 2 лица множ. числа) предупреждал уже в 30-х годах известный языковед-стилист Л. В. Щерба (см. Современный русский язык).

Здесь уместно вспомнить также и стихотворение Леонида Мартынова:

Бывает мне противно слушать
Слова, лакеям по плечу,
Как, например, «Извольте кушать»,
Когда я просто есть хочу.

Мы правдой мир вооружаем

Оценка сочетания *извольте кушать* как лакейского («лакеям по плечу») характеризует его в социальном плане, что идет из его прежнего, утраченного теперь дореволюционного употребления (ср. подобострастно-вежливое сочетание *кушать подано* в речи слуг, обращенной к господам).

Очень определенная стилистическая характеристика дается слову *гражданин* в функции обращения как слову официального стиля, противопоставленному слову *товарищ* в той же функции. В повести Юрия Сбитнева «Жизнь как жизнь» в диалоге инспектора ГАИ и шофера Жаплова читаем:

«— Думали... Много думаете, гражданин...— инспектор заглянул в документы — гражданин Жаплов, потому и нарушаете.

Сохраняя спокойствие, по опыту зная, что вспыльчивость в разговорах с сотрудниками ГАИ — дело дохлое, Иван попробовал пошутить:

— Гражданин вроде бы как под следствием и судом положено говорить, а я ведь товарищ, товарищ старшина...

Но безобидная эта шутка не понравилась инспектору:

— Как мне вас называть я не хуже вашего знаю! А вот документы заберу. И протокол оформлю» («Новый мир», № 12, 1975).

Интересна стилистическая эволюция параллельного лексического образования женского рода — *гражданка*, отмеченная В. Катаевым в «Траве забвения» попутно с указанием на изменение стилистической окраски у ряда других наименований лиц женского пола за истекшие 50—60 лет. Вспоминая годы первых лет революции, проведенные им в Одессе, он пишет о своих юношеских стихах, которые «должны были произвести сильнейшее впечатление на одну гражданку»:

«Пишу „гражданку“ потому, что в то легендарное время до-революционные слова вроде „барышня“ или „мадемуазель“ были упразднены, а слово „девушка“ как обращение к девушке, впоследствии введенное в повседневный обиход Маяковским, еще тогда не вошло в моду и оставалось чисто литературным. Сказать же „молодая особа“ было слишком в духе Диккенса, старомодно, а потому смешно и даже непристойно. „Красавица“ еще более смешно. „Дама“ оскорбительно-насмешливо. Оставалось „гражданка“ — что вполне соответствовало духу времени...

Теперь [в шестидесятые годы] я бы просто сказал „девушка“, тогда же можно было сказать только „гражданка“, в крайнем случае „молодая гражданка“ — не иначе!» («Новый мир», № 6, 1967).

Профессиональное чутье в употреблении слов и выражений отражено также в замечаниях некоторых авторов. Отмечается, например, характерное для речи боксеров сочетание *выходить в ринг*: «...именно так они говорят — не «на ринг», а «в ринг», — подчеркивает автор статьи «Три раунда в атакующем стиле» («Неделя», № 9, 1975). Ринг для боксера — это место состязания, огороженное канатами, в середине, внутри которого он дол-

жен войти. Для зрителя — это площадка, арена, на поверхности которой происходит состязание.

Из местных, территориальных особенностей лексики, помимо диалектизмов, отмечаемых различными авторами, интересно указание Марины Цветаевой в «Повести о Сонечке» на одно из лексических отличий речи старых петербуржцев от речи москвичей: «Обнаружила я ее Петербург сразу, по ее «худо» вместо московского «плохо».

— А это очень худо? — Что? — Говорить «худо» — И сама смеется. — Для Вашего худа, Сонечка одна рифма — чудо» («Новый мир», № 3, 1976).

Авторы реагируют также на появление новых слов и главным образом на появление новых значений у слов, уже существовавших, а также у слов, употреблявшихся ранее преимущественно в качестве терминов. Например, В. Солоухин не раз отмечает модное, как он говорит, словечко *вакуум* в его новом нетерминологическом значении: «Всякая пустота, всякий, говоря современно, вакуум стремится втянуть, засосать в себя извне то, что ближе лежит» (Письма из Русского музея).

Константин Воробьев замечает новый оттенок в значении глагола *достать*: «Он купил этот тренинг [тренировочный костюм. — И. И.] с великим трудом перед самым отъездом, что называется достал и поэтому рассчитывал на его неповторимость» («Наш современник», № 12, 1975).

На заметку берутся также неологизмы — сочетания, например, *с ходу* у В. Катаева в значении «сразу, без задержки, подготовки»: «Она (армия) заняла без труда Фокшаны, затем, как теперь говорят, с ходу захватила крепость Слободзею» («Новый мир», № 10, 1975).

У С. Залыгина отмечается — *в районе* в значении «приблизительно, около», употребляемое вопреки запретительным указаниям нормативных словарей (см., например, словарь-справочник «Трудности словоупотребления», 1973): «...неприлично выпрашивать у господ бога любовь, находясь в районе сорока-сорока пяти лет!» — мысленно произносит героиня его романа «Южно-американский вариант», на что ее воображаемый собеседник — милиционер замечает: «Слова то у Вас, гражданка: «находясь», «в районе» — «Сойдет!..» — отвечает она» («Наш современник», № 1, 1973).

Обращают внимание писатели также и на архаизмы, в том числе и на архаическое ударение в современных словах:

«Ее возраст был и в произношении, она говорила «библиотеки», — отмечает С. Дангулов об одном из персонажей романа «Кузнецкий мост».

Но гораздо чаще заметки об архаических словах встречаются, естественно, в произведениях, в которых говорится о прошедшем. Так, например, у Валентина Катаева в произведении «Кладбище в Скулянах» («Новый мир», № 10, 1975), построенном на мемуарах его прадеда и деда, неоднократно встречаются пояснения слов из лексики XIX века, утраченных языком впоследствии. Автор объясняет значение таких слов, как *отмарш* («по-видимому, отмарш — это по-теперешнему отбой»), *пироскаф* (пароход), *охотник* («восемнадцатилетний юноша... немедленно отправился добровольцем, или, как тогда говорили, охотником, на поле брани»), *зубр* («Курская губерния славилась своими помещиками-реакционерами, как их тогда называли «зубрами»).

Более «молодые», близкие к нам по времени архаизмы, в том числе и так называемые историзмы — слова, вышедшие из употребления вместе с исчезнувшими предметами и понятиями, — встречаются, например, у Даниила Гранина в повести «Обратный билет». Вспоминая Ленинград двадцатых годов (1926—1928), автор пишет:

«На углу Моховой был закрытый распределитель «Красная звезда», были магазины ЛСПО, ЗРК, к магазинам прикреплялись, на заборной книжечке ставился штамп магазина, и только там можно было «отовариваться». Все это были слова тех лет, не собранные ни в один словарь. Заборные книжки выдавали в конторах жактов по бумажкам, которые назывались негибайками. За квартиру платили по так называемым жировкам — жиро-приказам» («Новый мир», № 8, 1976).

Заметки наших современных писателей о языке, как можно судить из приведенных выборочно примеров, свидетельствуют о большой языковой наблюдательности авторов, их развитом языковом чутье и могут служить ценным подспорьем для характеристики лексики современного русского языка и надежным ориентиром для определения современных лексических норм.

И. С. ИЛЬИНСКАЯ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Когда надо употреблять сочетание *по согласованию*, а когда — *по согласовании*?», — спрашивает москвич В. С. Кустов.

Употребление данных сочетаний зависит от их значения. Первое имеет значение «на основе согласования», второе — «после согласования».



В «ПРЕКРАСНОМ И ЯРОСТНОМ МИРЕ» СЛОВА А. ПЛАТОНОВА

●

В 1925 году Горький писал Ромену Роллану: «Истекший год дал несколько очень заметных фигур, возбуждающих очень хорошие надежды. Это: Фадеев..., Андрей Платонов..., Н. Тихонов...». Впоследствии Горький же, пристально следящий за всем новым и живым в молодой советской литературе, неоднократно отмечал «очень своеобразный язык» прозы Платонова.

«В уездном саду была деревянная кузница. Вокруг нее росли лопухи и крапива, далее стояли яблоневые и вишневые деревья, а между ними произрастали кусты крыжовника и черной смородины, и выше всех был клен, большое и грустное дерево, давно живущее над местным бурьяном и всеми растениями окрестных дворов и садов» — так начинается один из пронзительнейших рассказов Платонова о неприкаянности, одиночестве и сиротстве и об уходе героев от существования, в конце которого «с облегчением сжимают веки, наблевшие от зрения в течение жизни», туда, где люди «создают себе нужную родину на месте долгой бесприютности». В самой первой, вступительной фразе — тот камертон, звучание которого дает настрой всему произведению. Попробуем рассмотреть здесь глагольный ряд. *Росли* (нейтральный глагол) лопухи и крапива. *Стояли* (тоже привычная, не привлекающая внимания форма) яблоневые и вишневые деревья. *Произрастали* кусты крыжовника — тут уже будто бы намечен переход к определенной, подчеркнутой фиксации внимания. И вот ломается вроде бы уже устоявшаяся инерция построения фразы. После настораживающего и сосредотачивающего внимание — «и выше всех».

читаем: «*Был* клен». *Был* — глагол привычно-нейтральный, но в данном контексте наиболее емкий, углубляемый следующим за ним причастием «живущее» и поэтому переводящий повествование в план сказового, эпического зачина «жил-был...».

Такая стереотипная основа фразеологического мотива, не названного, но присутствующего (а фразеологизм несет в себе концентрированный смысл какой-то целой истории, целого рассказа, точнее — целого сюжета) характерна для насыщенной прозы Платонова. Стереотип емок. И Платонов, отойдя от фразеологизма, оставляет его мотив, намек на него, несущий в себе все богатство ассоциаций и эмоций, но не в столь категоричной форме, что дает большую свободу введения его в ткань художественного произведения.

В том же рассказе «Глиняный дом в уездном саду» читаем: «Не видно было жителей, которые бы входили в это жилище, хлопали дверью, жили и зажигали свет в окне в осенние вечера». Если опять обратиться к глагольному ряду, то будет заметно, как по мере развития фразы энергия глаголов переводит повествование в иной план: сначала — обыденно-бытовой («входили, хлопали дверью») сменяется далее обобщенным («жили») и затем еще более широким, дающим философское осмысление — «зажигать свет в окне»... Ведь обыденный зачин требовал бы привычного «зажигать свет в комнате», но писатель привлекает мотив фразеологизма «свет в окне». И тогда фраза приобретает, по мере ее развертывания, определенный стилиобразующий стержень — и в смысле логического хода, и в смысле образного развития, и в смысле ритмоинтонационного оформления.

Вместе со своими героями Платонов смотрит «на доброе — на бабочку, на корову, на цветок, на прохожего душушку-бедняка...» Так и называются некоторые его рассказы: «Корова», «Такыр». Но непросто «Цветок» (рассказа с таким названием у Платонова нет), а «Цветок на земле» или же «Неизвестный цветок», потому что писатель пристально и пристрастно вглядывается в окружающий его мир и интересуется его «не то, что кажется всем снаружи, а то, что скрыто втайне внутри и невидимо». И тогда происходит прозрение, постижение чего-то основного в рассматриваемом предмете. Вот платоновское описание цветка: «В середине лета цветок распустил венчик вверх. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоя-

щим цветком». Но далее зоркость одного, первого взгляда (ведь увидено же!) продолжена рассматриванием: «Венчик у него был простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды». «Простого светлого цвета» — два как будто взаимоисключающих определения рядом. И первое готовит — *и обманывает*, потому что «светлый» — это даже не неопределенность, это неопределимость цвета — столько разных оттенков! Но здесь же и еще один смысл эпитета «простой» — он утверждает *естественность*: для природы рост цветка на мертвых камнях это обычно, а стало быть — просто.

Андрей Платонов ставит во главу угла конкретность предмета, увлеченность им, стремление постигнуть его смысл, дать его как можно полнее.

Например, платоновские обороты: «песок пустыни», «ветви дерева», «подножие травы». Информация дается полностью, подчеркнута, с ударением: именно *песок* пустыни интересует автора, ветви именно *дерева*, и — вдруг! — подножие... нет, не горы, не холма — всего лишь *травы*, но неожиданность слова дает такой внутренний простор, емкость словосочетания, что ощущение первоначальной неудобочитаемости пропадает, остается остраненность предмета, вскрывается вдруг его суть: трава в пустыне действительно велика по своей сути, по роли.

Образ создается не простым сравнением, а неожиданным, глубинным значением слова — значением слова, контекстуально осмысленным.

Так, в рассказе «Фро» героиня в ожидании письма смотрит на *железо* ящика (а не на «железный»), поскольку подчеркивается не то, что ящик «почтовый» (это — первый смысл, поверхностный, служебный), а происходит уточнение и детализация («железо») там, где, казалось бы, деталь не нужна. Но именно она-то — эта *излишняя* деталь — и оказывается носителем основного смысла (железо как нечто холодное, неподвижное, мертвое — в противоположность порывистой, пылкой героине), и этот смысл можно было бы ощутить и в словосочетании «железный ящик», но в нем господствует объект, а не его свойство, у Платонова же акцент именно на свойство: свойство предстает через восприятие героини, причем восприятие враждебное (т. е. косвенно дается характеристика героини), и свойство доминирует, неожиданно изменяя суть предмета.

А вот совершенно иного рода остранение, но тоже типично платоновское: «На сельских улицах пахло гарью — это лежала зола на дороге, которую не разгребали куры, потому что их поели». После слов «потому что» привычная логика построения такого рода конструкций диктует (и мы ждем обещанного): «потому что они были разогнаны», или «были сыты», или... множество других вариантов продолжения предложения, но одинаково предполагающих кур *живыми*, и вдруг неожиданно — микропотрясение. Открывается неестественность *события*. Здесь — не искусственное остранение предмета речи сравнением либо метафорой, а естественное удивление. Налицо тонкая безыскусственность построения, ее обусловленность внутренним восприятием героя, почти всегда духовно близкого автору. Постоянно присутствует взгляд не со стороны, не скользящий и забывающий, а вглядывающийся и постигающий.

Платоновская проза не декоративна, не орнаментальна, не украшена. Внешне она бесформенна, ни сюжетно, ни жанрово не замкнута. Стройность и единство достигаются за счет логики развития образа, своеобразия хода размышления и порожденной этим ходом интонацией.

Герой Платонова слишком глубок. Всегда осмыслен его взгляд — будь то «чудак», «природный дурак» или ребенок.

Проследим внутреннюю речь одного из платоновских «чудаков» — Маркуна из одноименного рассказа писателя: «Большое и неизвестное ударило его во сне. Он стал ловил, что ушло и не вернется. Но след, прямой, острый, остался в душе и изменил ее».

Это описание того самого неразвитого сознания, которое гнезилось в головах забитых и замученных нуждой мужиков из «Ямской слободы»: «Некогда было опомниться и подумать головой о постороннем, — и так постепенно и нечаянно он отвык от размышления; а потом, — когда захотел, — уже нечем было: голова от бездействия ослабла навсегда».

Революция стимулирует процесс обретения слова героем: «Голова, заросшая покойным салом бездействия, воображала и вспоминала смутно, огромно и страшно, — как первое движение гор, заледеневших в кристаллы от давления и девственного забвения. Так что, когда шевелилась... мысль, он слышал ее гул в своем сердце» (там же).

Тема пробуждения мышления разрабатывается далее в языке стариков и детей. Их речь более связна и стройна, но не менее необычна, чем у безъязыких «чудаков».

Разговор старика и ребенка похож на разговор людей, говорящих как бы на разных языках. Вот диалог из рассказа «Цветок на земле»:

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трех девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.

— А тебе ведь темно спать, — говорил Афоня. — На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь, ничего не видишь.

— Да я уж все видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слезы в них плачут?

— Они выпцвели, Афонюшка, они от цвета выпцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.

Определения в этом диалоге по-детски неумелые и — одновременно — по-платоновски дающие иной, отличный от привычного угол зрения: ведь спать действительно «темно», и мы верим, что у старика глаза и в самом деле «белые и слезы в них плачут». Не только верим, но и видим — настолько все образно. Старик у нас приходится принаравливать к объяснению, которое было бы доступно восприятию ребенка. Принаравливать — чтобы быть понятым и чтобы постигнуть что-то для себя, посмотрев на мир, на природу детскими глазами. Сознание ребенка еще не заслонено собой, любовью к себе. Старики пытаются переживать у детей эту открытость — и передавать им свой опыт. Их разговор — это вопросы и ответы.

Почему именно — старик и ребенок? Часто старики у Платонова — немощные, и по этой причине — выбывшие из повседневности, как бы пребывающие уже во вневременном, безбытовом, как и дети, состоянии. И тогда эта открытость, незасоренность сердца переходящим и неглавным делает внутренний мир героев — и старика, и ребенка — *похожим*.

Так, в рассказе «Цветок на земле» внук постоянно тормошит деда: «Дед, ты опять спишь?» Внук хочет понять, что самое главное в жизни. Для деда это главное — «Цветок на земле», существующий и тем самым представляющий жизнь, красоту, движение в наличии, являющийся символом жизни.

Речь платоновских «чудаков» и «странников» близка к детской. Теперь мы уже можем определить, чем же

Серьезной готовностью вскрывать суть вещей и явлений, по-детски самостоятельно, независимо от авторитарного слова. Герои Платонова медленно и мучительно, но ищут свои слова. Писатель не желает пользоваться старыми словами: привычное сочетание слов вызывает в сознании читателя привычное узнавание, а речь идет каждый раз о новом. Стремясь сохранить эту новизну образа, Платонов скорее не назовет это явление *прямо*, пытаясь избежать хода воспринимающего сознания читателя по привычному, а стало быть — более легкому, механическому, не затрагивающему воображение пути.

Вот как возникает такое «непрямое» слово героя:

«Чагатаев: — Рожай его скорее, он будет рад.

Вера: — Он будет вечный страдалец.

Чагатаев: — Мы больше не допустим несчастья.

Вера: — Кто такие мы?

— Мы, — тихо и *неопределенно* подтвердил Чагатаев. Он почему-то стыдился говорить ясно, и слегка покраснел, словно тайная мысль его была нехороша...».

Здесь есть одно очень точное слово, показывающее, что Чагатаев трепетно, ответственно относится к тому, о чем идет речь. Чагатаев не повторил, а *подтвердил*, то есть сам себя еще раз спросил и все же ответил так: «Мы...» Мы — коммунисты, строители новой жизни.

Кроме недоговоренности, есть и еще одна особенность платоновской речи — избыточность. Да, Платонов назовет, но тогда уж договорит все до конца, исключая всякую возможность «спутать» с уже бывшим, читанным, слышанным. На самом же деле цель тут не выговорить все до конца (в многоплановой прозе это и невозможно), а только отграничить уже отработанное от того, о чем говорится. Остается смысл — но смысл, обогащенный данной ситуацией, воскрешенный ее неповторимостью.

В повести Платонова «Джан» речь идет о счастье народа — «наибольшего бедняка на свете», живущего «на дне ада» пустыни. Коммунист Чагатаев, вернувшийся к своему народу, чтобы устроить там счастье и социализм, «...хотел из одного своего сердца, из тесного ума и воодушевления создать здесь впервые истинную жизнь...» Он слышит такой разговор:

«— Когда будем спать, то согреемся... от бедности чего же больше делать? Одна ты осталась, поневоле глядишь и любишь...»

— Больше нечего, — соглашалась женщина, — нету

никакого добра у нас с тобой, я все думала-передумала и вижу, что люблю тебя.

— Я тоже тебя, — говорил муж, — иначе не проживешь...»

Добро-хозяйство, кошма и чугуны для еды — всего этого нет, потому что здесь — предел бедности: Гюльчатая сохранила тряпку, в которую некогда заворачивала Чагатаева, а сейчас он «взошел на гору своего ума», вернулся спасать свой народ. Остается другое добро — любить, быть добрым, человечным. Одно слово перетекает в другое. Смысл сказанного усложняется: только добротой и любовью может здесь выжить человек.

На протяжении всего творческого пути Андрея Платонова занимает «сокровенный человек», «одухотворенный человек», со своеобразием его слова, с необычностью его позиций, с его постоянным духовным поиском. Платонов утверждает: человек — единственный, кто может «понять, высказать и одолеть» «великое немое горе вселенной». Человек — хозяин. Платонов с пристрастием исследует «происхождение мастеров», которым равно понятны «рост травы и вихрь пара». Платонов с чуткостью прислушивается к «течению времени» — времени, которое на его памяти было охвачено пламенем революции, пожарами гражданской войны, огненными испытаниями Великой Отечественной — событиями, участником которых он был. Платонов мог бы сказать о себе словами, которые он говорил об одном из своих любимых героев, Чагатаеве: «Раньше он думал, что большинство ничтожных и даже важных событий его жизни забыты навсегда, закрыты навечно последующими крупными фактами, — сейчас он понял, что все в нем цело, неуничтожимо и сохранно, как драгоценность...». И в этом собрании открытий, переживаний, сомнений и надежд — главное добро (выражаясь языком Платонова) человека. И платоновский герой, как и сам Платонов, не хочет терять это добро, и, чтобы победить время, обращается к читателю: «Я запомнил их, ты запомни меня, а тебя еще кто-нибудь запомнит...»

Т. С. ШЕХАНОВА

А. ПЛАТОНОВ

ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днем спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался,— сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду,— ответил дед.— Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать,— обещал дедушка Тит.— Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трех девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.

— А тебе ведь темно спать,— говорил Афоня.— На дворе солнце горит, там трава растет, а ты спишь — ничего не видишь.

— Да я уж все видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слезы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали, мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде у деда были хлебные крошки, и там жил еще один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть он живет отдельно. Руки у дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала, как кора на дереве, и под кожей видны были толстые черные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, по смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Не спи, дедушка! — спросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать подсадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, унавшую из бороды деда, и ели ее; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

— Мамы нету, папы нету, дедушка спит, — говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно; тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже уморились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка, — просил Афоня, — Ты спишь?

— А? Нету, я не сплю, — отвечал дедушка Тит с печки.

— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь там?

— А? Нету, я все обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

— Дедушка Тит, а ты все знаешь?

— Все, Афоня, я все знаю.

— А что это, дедушка?

— А чего тебе, Афонюшка?

— А что это все?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись, дедушка, скажи мне про все!

— А? — произнес дедушка Тит.

— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня. — Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей теплой землей.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка! — сказал Афоня. А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснется.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колесики их скрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе



стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про все! А ты спишь и спишь, а потом умрешь, мама говорит — тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про все?

— Обожди, дай мне квасу испить, — произнес дед и слез с печи.

— Ты опомнился? — спросил Афоня.

— Опомнился, — ответил дед. — Пойдем сейчас белый свет пытать.

Старый Тит испил квасу, взял Афонию за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повел Афонию полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про все! А этот цвет растет, он не все!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь: песок мертвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живет и не дышит, он мертвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит, — сказал Афоня, — тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый?.. А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе

сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда все берется. Цветок этот — самый святой труженик, он и смерти работает жизнь...

— А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.

— Одинаково, — сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот желтый цвет на лекарство идет, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снес. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, желтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про все! — сказал Афоня. — Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрешь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошел спать в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал желтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнес в аптеку на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принес его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— Спасибо, тебе, Афонюшка, — сказал дед. — А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мертвом песке живут?

— Не сказывали, — ответил Афоня. — Ты вой сколько живешь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про все. Ты не знаешь.

— Правда твоя, — согласился дед.

— Они молча живут, надо у них допытаться, — сказал Афоня. — Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся и поглядев головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

1945

Цитируется: А. Платонов «В прекрасном и яростном мире»
М., 1965.

Рисунок Б. Захарова

СПУСТЯ

ИЛИ

ЧЕРЕЗ

Предлоги *спустя* и *через* в сочетании с *после* употребляются при обозначении последовательности во времени каких-либо событий, действий или фактов. Сопоставим предложения: «*Спустя* две недели *после* праздников наши знакомые вернулись в Москву» и «*Через* две недели *после* праздников наши знакомые вернулись в Москву». И в том, и в другом случае предложные сочетания *спустя ...после* и *через ...после* обозначают, во-первых, что наши знакомые возвратились в Москву по прошествии некоторого времени (*спустя, через две недели*), и, во-вторых, что точкой отсчета этого времени были праздники (*после праздников*). Отсюда можно сделать вывод, что сочетания *спустя ...после* и *через ...после* синонимичны.

Предлог *через* как первообразный (т. е. не связанный по происхождению со словами других частей речи) способен выражать несколько разных значений, одно из которых — обозначение временной последовательности (*через некоторое время, через месяц, через час* и т. п.).

Предлог *спустя* — непервообразный; по происхождению он — деепричастие от глагола *спустить*. Но в отличие от ряда других отглагольных предлогов (например: *находя, пройдя, не доходя*) предлог *спустя* существенно отличается по значению от глагола *спустить* (сообщив движение, направить сверху вниз). В современном русском языке предлог *спустя* выражает не пространственные, а временные отношения и употребляется при существительных, называющих единицы измерения времени (*час, день, месяц, год*), а также при слове *время*. Изменения в значении слова *спустя* по сравнению со значением глагола *спустить* наметились уже в начале XVII века и способствовали тому, что деепричастие *спустя* вошло в число слов, которые «уже совсем готовы,— по определению В. В. Виноградова,— превратиться в предлоги...» (Русский язык. Грамматическое учение о сло-

ве. Изд. 2. М., 1972, с. 316. Подробнее о переходе деепричастия *спустя* в предлог см. в книге Е. Т. Черкасовой «Переход полнозначных слов в предлоги». М., 1967, с. 233—237).

Первые примеры использования слова *спустя* как предлога зафиксированы в XVII веке: «И вы, Михайло и Артемей, изстояв в Можайску долгое время и *спустя* лутшую пору, как были ведренные дни... пошли из Можайска к Вязьме на великую силу с большим ослушаньем» (Отрывок из розыскного дела, 1634). Употребление предлога *спустя* с существительными, называющими временные отрезки, в XVII и XVIII веках часто сопровождалось сочетаниями с предлогами *по* (*по принятии, по том, по прошествии*) или *после* (*после того, после похода*): «После князя Иванова походу неделю *спустя*» (Роспросные речи стряпчего князя Ф. Щербатого, 1614); «А *после* того ден з десять *спустя* государь его пожаловал» (Посольство дьяка Федота Елчина, 1639—1640); «Отпустил *по принятии* от вас писем часа з три *спустя*» (Письмо Петра I к князю А. И. Репнину, 1708). В дальнейшем необходимость в подобном употреблении отпала, и *спустя* вошел в ряд предлогов, выражающих временные отношения.

В отличие от других предлогов *спустя* может стоять не только перед существительными или количественно-именным сочетанием (пришел *спустя* два часа; пришел *спустя* два часа *после* начала уроков), но и после них (пришел два часа *спустя*; пришел два часа *спустя после* начала уроков). В дальнейшем преобладающим стало второе — постпозитивное — употребление. Возможно, что на это повлияло французское сочетание *quelques années après* 'несколько лет спустя', где предлог *après* следует за количественно-именным сочетанием (см. Ф. Рейф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. СПб., 1835).

Из всех предлогов, выражающих временные отношения, *спустя* по значению обнаруживает наибольшую близость к *через*. Об этом свидетельствуют словари русского языка. Так, в академическом 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» предлог *спустя* определяется: 'по прошествии (какого-либо времени)', а одно из значений *через*: 'спустя какой-нибудь промежуток времени'. «Словарь трудностей русского языка» (М., 1976) указывает, что предлоги *через* — *спустя* «синонимичны при указании на промежуток времени, по истечении которого совершается что-либо, но различаются оттенками значения». Как синонимичные употребляет эти предлоги М. Шолохов в романе «Тихий Дон»: «*Через* два дня Горчаков умер. *Спустя* еще один день Листницкого отправили в Тихорецкую».

В чем же различие предлогов *спустя* и *через*? При употребле-

нии *спустя* подчеркивается тот момент (обычно в прошлом), с которого начинается отсчет времени: *спустя год* (начиная с какого-нибудь времени или события); *спустя три месяца*; см. также название романа А. Дюма: «Двадцать лет спустя». Предлог *через* не только указывает на время события в прошлом, по отношению к которому ведется отсчет времени, но и на то время, когда должно последовать какое-либо действие, событие (*через полчаса вернусь, уеду через полгода*). Например, ремарка, заканчивающая третье действие пьесы А. П. Чехова «Чайка»: «Между третьим и четвертым действием проходит два года», могла бы быть заменена в начале четвертого действия предложным сочетанием: «Через два года». Именно такой ремаркой начинает М. А. Булгаков четвертое действие пьесы «Дни Турбиных»: «Через два месяца. Крещенский сочельник 1919 года».

Предлоги *спустя* и *после* близки по значению, что находит подтверждение и в специальных лингвистических трудах. В «Этимологическом словаре русского языка», составленном А. Преображенским, *спустя* определяется: «*после* (например: спустя лето)». В этом случае сочетание предлогов *спустя* — *после* выступало бы как тавтологическое, дважды повторяющее одно и то же, но разными словами (*спустя и после*). Однако предлог *спустя*, как и *через*, указывает не только на последовательность, как *после* (*после обеда*; «После бала» — название рассказа Л. Н. Толстого; «Сто дней после детства» — название кинофильма), а и на время, по прошествии которого что-нибудь произошло, происходило или — реже — что-нибудь произойдет.

Тот факт, что все три предлога *спустя*, *через* и *после* указывают на временную последовательность фактов, явлений и действий (то есть на то, что одно из них происходит раньше другого), но не тождественны по значению, делает возможным объединение предлогов *спустя... после* и *через... после*. При этом *после* уточняет и конкретизирует те отношения, которые обозначаются предлогами *спустя* и *через*. Сочетания предлогов *спустя... после* и *через... после* выступают обычно как синонимичные. Именно так употребляются они в интересном сочинении Г. Чичерина «Моцарт» (Л., 1971): «Три года *спустя после* „Люччо Силла“ была поставлена в Мюнхене „Мнимая Садовница“» и «*Через* шесть лет *после* этого яркого расхождения между чуждой итальянской и собственной моцартовской сущностью был поставлен в Мюнхене „Идомея“».

В употребительности сочетания *спустя после* в языке художественной литературы и шире — в языке научных, публицистических произведений и в переписке — нет строгой и четкой последовательности. Одни авторы пользуются в своих произведениях сочетаниями *спустя после* и *спустя... после*. Например, у А. С. Пушкина

кина: «Несколько дней *спустя после* приезда учителя, Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в медвежьей комнате...» (Дубровский); «Не запомню, сколько лет *спустя После* рождедства Спасителя, Царь Дадон со славой царствовал в Светомире, сильном городе» (Бова); «*Спустя* несколько дней *после* сего знаменитого совета, узнали мы, что Пугачев, верный своему обещанию, приблизился к Оренбургу» (Капитанская дочка). В прозе М. Ю. Лермонтова, как правило, при обозначении аналогичных отношений употребляется только один предлог — *через* или *спустя*: «Дня *через* четыре приезжает Азамат в крепость»; «*Спустя* несколько дней узнали мы, что старик убит»; «Четверть часа *спустя* Печорин вернулся с охоты...» (Герой нашего времени. Бэла).

Другие писатели, например А. П. Чехов и И. А. Бунин, отдают предпочтение сочетанию предлогов *через... после*: «Он был вдов, но *через* год *после* свадьбы сына не выдержал и сам женился» (Чехов. В овраге); «А ровно *через* неделю *после* того именно это и случилось» (Бунин. Огонь пожирающий); «Письмо, полученное мною недели *через* две *после* того, было кратко...» (Бунин. Чистый понедельник).

Какой же из способов выражения *спустя... после* или *через... после* предпочтительнее в случаях, когда надо указать не только на промежуток времени между фактами, явлениями, событиями, но и на точку его отсчета? Полагаем, что оба способа возможны, но эти сочетания предлогов в языке современной научной и художественной литературы нечасты в употреблении и между ними существуют стилистические различия. При этом *спустя... после* воспринимается как более книжное и устаревающее. Сферой его применения является повествование (историческое или художественное), стремящееся к точной фиксации описываемых событий во времени. Например: «Два десятилетия *спустя после* основания Юзовки на Юге плавил железо около двадцати заводов» (А. Бек. События одной ночи); «Обо всем, что происходило дальше, есть очень краткие (и неточные) заметки Блока в дневнике 1918 года и подробный рассказ Любови Дмитриевны, записанный сорок лет *спустя после* события» (Вл. Орлов. Гамаюн); «*Спустя* много лет *после* смерти Врубеля Коровин напишет» (Ш. М. Молева. Жизнь моя — живопись); «Бунин родился *спустя* почти десять лет *после* реформы» (А. Твардовский. О Буине).

В. А. ПЛОТНИКОВА

Отвечает



ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА

«Как правильно сказать, — спрашивают, обращаясь в „Службу языка“, — возложить ответственность за выполнение плана или невыполнение плана, нести ответственность за успешный ход работы или срыв работы?».

В современном русском литературном языке существительное *ответственность* выступает в нескольких функциях.

Ответственность — это философский термин, категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, которое харак-

теризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм.

Ответственность — юридический термин, обозначающий предусмотренную законом обязанность отвечать в установленном порядке за какие-либо противоправные, противозаконные действия. Юридическая ответственность подразделяется на административную, гражданскую, дисциплинарную, уголовную и наступает лишь при нарушении законодательства, причинении ущерба, невыполнении каких-либо обязательств или служебных обязанностей. Она всегда связана с понятием вины, и поэтому как юридический термин существительное *ответственность* управляет такими словами и словосочетаниями, которые служат наименованиями тех или иных нарушений, проступков, преступлений: *ответственность за несвоевременное представление документа, ответственность за нанесение ущерба, ответственность за хищение*. Приведем пример из юридического журнала: «Верховный Суд СССР обобщил практику применения судами законодательства об ответственности за контрабанду» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1978, № 6).

Наконец, *ответственность* — широко употребляемое слово общелитературного языка. Оно имеет значение — 'возлагаемое на кого-либо или взятое

кем-либо обязательство отвечать за свои действия, поступки, выполнение обязанностей в осуществлении какой-нибудь деятельности'.

В русском языке слово *ответственность* появилось как синоним слова *ответ*, которое издавна обозначало указанное понятие. В Толковом словаре В. И. Даля, например, одно из значений существительного *ответ* истолковывается следующим образом: «Ответственность, обязанность отвечать в чем за что, повинность ручательства за что, долг дать в чем отчет». В качестве иллюстраций в словаре приведены речения: «Один (только) ответ, а власти (воли) нет»; «Первый в совете, первый в ответе» и др. В свою очередь о слове *ответственность* (как и устаревшем для наших дней *ответствие*) говорится: «Ответ в значении обязательного ручательства, под страхом ответа, взысканья». И сегодня существительное *ответ* выступает в значении 'ответственность', как правило, в сочетаниях *призвать к ответу*, *(быть) в ответе*: «— У нас порядок такой заведен — главный специалист за свое производство в ответе, значит он и командир на своем участке» (Л. Иванов. На берегах Иртыша.— «Наш современник», 1978, № 11).

Существительное *ответственность* фразеологически не связано в своем употреблении; широко используется во всех

стилях литературного языка, хотя сферой его преимущественного распространения, очевидно, является язык массовой информации и официально-деловая речь. Оно может употребляться как без зависимых слов, так и в предложной конструкции *ответственность за кого, что-либо*.

«Требование крепить организованность, повышать ответственность и дисциплину на всех участках выражает настоящие интересы народа» («Правда», 21 марта 1979); «Однако крепче кровных уз действует моральный кодекс коллектива, где взаимное доверие, ответственность, выручка, взаимопомощь стали законом» («Советская Россия», 12 апреля 1979). В подобных случаях ответственность понимается широко: она не связывается с выполнением какой-либо частной задачи, а выступает в качестве характеристики того или иного лица, коллектива, способных сознательно и с высоким чувством долга исполнить все, что входит в круг их общественных обязанностей. Такое использование существительного *ответственность* связано с одним из оттенков значения прилагательного *ответственный*, от которого оно образовано,— 'связанный с пониманием важности чего-либо, готовности отвечать за кого, что-либо': *ответственный человек, ответственное отношение к делу*.

Однако более обычно употребление существительного *ответственность* с предлогом *за* и зависимыми словами, обозначающими 'объект ответственности'. Это управление свойственно и прилагательному *ответственный*: *отдел, ответственный за обеспечение работ* (значительно реже встречается конструкция *ответственный в чем-либо: быть ответственным в своих поступках*). «Объектом ответственности» могут быть самые разнообразные явления окружающей действительности, процессы и явления общественной жизни, ход тех или иных событий, отдельные люди и т. д.: *ответственность за природу, ответственность за воспитание подрастающего поколения, ответственность за судьбы мира, ответственность за ребенка*.

Очень часто при существительном *ответственность* используются слова и словосочетания, которые служат обозначением цели или ожидаемого результата какой-либо деятельности, указывают на то, ради чего собственно возлагается или берется ответственность: «Необходимо добиваться дальнейшего усиления идейно-воспитательной работы среди сельского населения. Воспитывать у трудящихся села высокую ответственность за всестороннее и динамичное развитие сельского хозяйства...» («Правда», 6 мая 1979); «Бодров помолчал. Теперь во-

прос был ему ясен: речь шла об ответственности, о его личной ответственности за успешный исход реконструкции завода, на которую отпускались миллионы» (А. Кабаков. Пришел новый директор.— «Наш современник», 1978, № 5).

Вместе с тем *ответственность* предполагает принятие на себя вины за упущения, недобросовестное отношение к обязанностям, какие-либо нежелательные последствия тех или иных действий. Поэтому вполне возможны и допустимы такие обороты со словом *ответственность*, где (как и при применении его в юридической терминологии) указывается на различного рода нарушения, проступки, упущения: «Телеграмма возлагала личную ответственность на Крынкина за задержку в переброске отрядов и грозила ему революционным трибуналом» (А. Фадеев. Последний из удэге); «Все приходит к мнению, что руководители предприятий и учреждений должны нести более серьезную ответственность за проволочки с трудоустройством выпускников» («Правда», 22 февраля 1979). Понятие вины, влекущей за собой наказание, выступает на передний план и в таких сочетаниях: *привлечь к ответственности, понести ответственность*.

Из сказанного ясно, что возможно употребление выражений *ответственность за выполнение плана, ответственность*

за соблюдение договорных обязательств и ответственность за невыполнение плана, ответственность за несоблюдение договорных обязательств. Однако они имеют разный смысл и поэтому используются в разных ситуациях. Представим, что на предприятии в начале года издается приказ, в котором говорится о мерах, принимаемых для успешного выполнения годового плана. В данном случае выполнение пла-

на — цель деятельности коллектива, поэтому в приказе должно быть сказано: «Возложить ответственность за выполнение плана на руководителей подразделений». Если план по чьей-либо вине окажется невыполненным, то эти лица будут подлежать ответственности (или на них будет возложена ответственность) уже за невыполнение плана.

С. И. ВИНОГРАДОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Семья москвичей Плоткиных спрашивает: «Как сказать правильно: Молодой человек *призывного* или *призывного* возраста? Когда провожали в армию сына, то слышали и *призывного*, и *призывного*». Правильно — *призывного*. Слово *призывной* имеет значение «относящийся к призыву на военную службу», *призывный* означает «звущий», например: «...На призывный звон гитары выйди, милая моя!» (А. К. Толстой. «Гаснут дальней Альпухарры...»).



«Бабушка произносит *творог*, и я вслед за ней. А в магазине меня поправили: *творог...*», — пишет М. Вересков из Минска.

Оба варианта произношения слова *творог* в современном русском языке равноправны (см.: С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1978).



А. Руденко (Выборг) пишет: «В печати можно встретить сочетания *в адрес* и *по адресу* в аналогичных текстах. Какое надо считать правильным?». Этот вопрос интересует и А. Жабина (г. Нерехта). Правильны оба сочетания, но употребление их в разных контекстах зависит от значения. Так, сочетание *в адрес* имеет значение «на имя кого-либо» и употребляется в таких предложениях: *Корреспонденция (письма) в адрес «Русской речи»; по адресу* означает «в отношении кого-либо»: *Замечания по адресу Петрова*.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой“ язык и обработанный мастерами», — говорил М. Горький.

Из этих слов ясно, что понятие «литературный язык» в том обычном смысле, в котором оно употребляется, обозначает не какой-то самостоятельный язык, противостоящий народному, а только определенный слой языка. Литературный язык есть язык образцовый, обработанный, являющийся как бы обобщением выразительных возможностей общенародного языка.

*

Сфера употребления литературного языка весьма широка. Это язык художественной литературы, театра, радио, науки, прессы, школы, государственных и общественных учреждений.

Существует разделение литературного языка на литературно-книжный и литературно-разговорный.

Для литературно-разговорного языка характерен такой порядок слов, при котором на первом месте оказываются слова, наиболее значимые для говорящего. Например: *До Калуги — сколько остановок?*, *Эта книга — сколько стоит?*, *Коньки — вы где купили?*

Большую роль в литературно-разговорном языке играет интонация.

Бернард Шоу справедливо утверждал: «Есть 50 способов сказать „да“ и пятьсот способов сказать „нет“ — и только один способ их написать».

Устная речь по характеру своему, по силе воздействия отличается от речи письменной; иногда она имеет даже преимущества.

Очень метко это выразил М. Ю. Лермонтов в одном из своих писем: «Право — следовало бы в письмах ставить ноты над словами, а то теперь читать письмо — то же, что глядеть на портрет: нет ни жизни, ни движения; выражение неподвижной мысли: что-то, отзывающееся смертью» (М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. М., 1953).

Эти «ноты над словами», то есть оттенки интонации, передает литературно-разговорный язык. Особое значение эти «ноты над словами» имеют для театра, радио и телевидения.

Например, в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» Хлестаков рассказывает о своем знакомстве с Пушкиным. Игравший Хлестакова Игорь Ильинский придавал реплике Пушкина, которую будто бы воспроизводит Хлестаков, старческую интонацию: «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало часто говорю ему: „Ну, что, брат Пушкин?“ — „Да так, брат, отвечает, бывало,— так как-то все...“ — „Большой оригинал!“».

Этот отрывок смешон сам по себе: банальная фраза выдается как суждение «большого оригинала». Однако интонация Ильинского усиливает комический эффект: в представлении Хлестакова Пушкин — глубокий старец: «друг» поэта даже не видел его портретов.

Интонация играет особую роль в искусстве оратора, учителя, лектора. «Учитель,— говорил Ключевский,— что проповедник: можно слово в слово записать проповедь, даже урок; читатель прочтет записанное, но проповеди и урока не услышит» (В. О. Ключевский. Очерки и речи. М., 1913).

Для литературно-разговорной речи характерны паузы, которые помогают раскрыть содержание произносимой фразы, наблюдаются пропуски легко подразумеваемых слов, которые лингвисты называют эллипсисами. Например: «Лошадь укусил слепец,— увлеченно передает событие его очевидец,— она побежала. Пастух — за ней, она — от него».

Часто в литературно-разговорном языке встречаются вводные слова и предложения: *знаете ли, понимаете ли, так сказать, если можно так выразиться, надо сказать* и т. д.

*

В создании литературного языка принимают участие самые разные мастера: писатели, критики, общественные деятели, ученые, поэтому и сама обработка общенародного языка носит различный характер.

Ученый, например, старается очистить язык от архаизмов, диалектизмов и просторечия. Иной же подход к языку наблюдается у писателя, мастера художественного слова. Задача художественной литературы — правдивое отражение жизни. А так как в жизни

встречаются диалектизмы, профессионализмы, просторечные слова и т. п., то они естественно должны быть и в языке художественной литературы (или в художественной речи, как его иногда называют). Используются они писателями чаще всего при воспроизведении речи персонажей.

Очень выразительно, например, просторечие в устах кухарки из комедии Льва Толстого «Плоды просвещения». Она так рассказывает о жизни своих господ: «Только, господи благослови, глаза продерут, сейчас самовар, чай, кофе, щиколад. Только самовара два отопьют, уж третий ставь. А тут завтрак, а тут обед, а тут опять кофий. Только отвалятся, сейчас опять чай. А тут закуски пойдут: конфеты, жамки — и конца нет. В постели лежа — и то едят».

После нескольких реплик удивленных мужиков кухарка вновь возвращается к той же теме: «Какие у них дела? В карты да в фортетьяны — только и делов. Барышня, так же, бывало, как глаза продерет, так сейчас к фортетьянам, и валяй! А эта, что живет, учительша, стоит, ждет, бывало, скоро ли опростаются фортетьяны; как отделалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортетьян поставят, да по двое, вчетвером запузыривают. Так-то запузыривают, аж здесь слышно». Находясь в окружении общепотребительных слов, просторечные слова кухарки здесь совершенно необходимы: ведь художник отобразил реальную жизнь, и просторечные слова вошли в рассказ кухарки как равноправные.

При воссоздании исторического прошлого в художественной литературе широко используются архаизмы, то есть слова устаревшие и выходящие из общего употребления. Например, в стихотворении Пушкина «Пророк»:

Востань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей...

Архаические слова *виждь* (в значении 'смотри'), *внемли* (в значении 'слушай, воспринимай'), *глагол* (в значении 'слово'), были бы неуместны, скажем, в научной статье, но они вполне соответствовали духу этого стихотворения, придавая ему оттенок старины и общий колорит торжественности, значительности сказанного.

Другое свойство языка художественной литературы — его образность, которая достигается сопоставлением двух явлений и перенесением по сходству свойств одного явления на другое. Скажем, железо твердо, характер человека тверд, отсюда — *железный характер*. Свойство *железа* перенесено на свойство характера,

Каждый из нас безошибочно определит, какое из двух следующих выражений является образным, переносным, а какое прямым, буквальным: *золотое сердце и золотое кольцо, ядовитое замечание и ядовитая змея, тяжелое горе и тяжелый камень, совесть грызла его и собака грызла кость, любовь остыла и чай остыл.*

Образность языка проявляется прежде всего в изобразительно-выразительных средствах его: в эпитетах, метафорах, сравнениях и т. п. Они делают изображение более доступным восприятию читателей, помогают нагляднее выразить мысль, описать предмет. Когда мы читаем у Кольцова:

И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит...

мы лучше представляем себе ветхость и дряхлость изображаемой поэтом избышки.

Однако назначение средств образной речи не только в этом. Каждый согласится, что полтавский бой описан в учебниках истории более исчерпывающе, чем у Пушкина в поэме «Полтава», а Днепр в учебниках географии — точнее, чем у Гоголя, утверждавшего, что редкая птица долетит до середины Днепра; тогда, как известно, воробей легко перелетает через реку даже в ее устье. Назначение метафор, метонимий, сравнений — передать отношение автора изображаемому. И Днепр потому так велик у Гоголя, что ему хочется передать свое восхищение родиной, Украиной, ее прекрасной, величественной рекой.

Целенаправленность слов, их подчиненность в конечном итоге авторскому замыслу, идейному содержанию произведения — еще одно важное свойство языка художественной литературы.

Эту особенность образной речи так раскрывает В. Г. Короленко в письме к начинающему поэту, где сказано: «Помнится, еще Лессинг ставит требование, чтобы поэтическая речь возбуждала больше *представлений*, чем в ней заключено *слов*. Мне сейчас приходит на память пример, который приводил Тургенев из Пушкина:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной...

Посмотрите, как тут тремя, четырьмя штрихами нарисована целая картина. Воображение читателя тронуту, возбуждено этими меткими определениями, и оно уже само рисует остальное. Вы как будто видите и цвет песка, и безоблачное горячее небо, и мрачный профиль дерева, — хотя об этом прямо не упоминается. Вот это называется *силой* стиха. Сила эта состоит в том, что в данной комбинации слов каждое слово, кроме прямого представления, вле-

жет за собой целый ряд представлений, невольно возникающих в уме» (В. Г. Короленко о литературе, М., 1957).

Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлевы» отмечает, что лицо Иудушки «осклабляющееся, слюнявое, все словно маслом подернутое... все проникнуто каким-то плотоядным внутренним сиянием». Лицо Степана Головлева — «распухшее», волосы на голове и бороде «растрепанные», голос «громкий, но сиплый», «простуженный», глаза «навыкате» и «воспаленные». Все эти слова служат обличительным целям, отвратительность героев подчеркнута и в их внешности.

В поэзии Фета, который стремился раскрыть поэтические стороны действительности, изобразить только прекрасное в ней, мы встречаем такие эпитеты, как день *лучезарный*, вечер *золотистый*, *ясный*; закат *нетленный* и даже почь *лучезарная*.

И у Салтыкова-Щедрина, и у Фета слова целенаправлены: они содействуют раскрытию идейного содержания произведения, подчеркивают авторский замысел.

Наконец, еще одно свойство языка художественной литературы — это его смысловая точность.

*

Язык подлинно художественного произведения — язык, по выражению Льва Толстого, «с единственно нужным размещением единственно нужных слов». Толстой утверждал: «В разговорной речи мало будет разницы, каким способом мы выскажем свою мысль, но в художественном произведении мы должны высказать ее идеальным способом. Мысль высказана в художественном произведении идеальным способом только тогда, когда ни одного слова к сказанному нельзя ни прибавить, ни убавить, ни изменить без того, чтобы не испортить произведения. К этому должен стремиться писатель».

Художественная речь самого Толстого полностью соответствует этому высказыванию.

Как же определить: выражена ли мысль в художественном произведении «идеальным способом»? По мнению Толстого, основной критерий — соответствие сказанного реальной жизни. Именно с этой точки зрения писатель должен рассматривать свое произведение, вплоть до каждого отдельного слова.

Незаменимость слов — свойство языка любого истинно художественного произведения. Можно ли лучше сказать о нарзане, чем о нем сказано Лермонтовым в «Герое нашего времени»: «Холодный кипяток нарзана».

В рассказе «Петр Петрович Каратаев» И. С. Тургенев, стремясь выразить безвольность бесталанного героя, напишет: «небольшие,

опухшие глазки глядели — и только». Как точно здесь употреблено слово *глядеть*: только смотрели, ничего не выражая.

Таковы основные свойства литературного языка и особенности языка художественной литературы.

В стихотворении в прозе «Русский язык» И. С. Тургенев назвал русский язык великим, могучим, правдивым и свободным. Для того, чтобы эти качества проявлялись в полной мере, всем нам необходимо кропотливо изучать русский язык и его законы.

Об умении владеть словом говорил Лев Толстой в трактате «О жизни»: «Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. Если можно употреблять слова как попало и под словами разуместь, что нам вздумается, то лучше уж не говорить, а показывать все знаками» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 26, М., 1928—1958).

Несомненно, знание свойств литературного языка и языка художественной литературы поможет нам лучше, глубже, отчетливее выражать наши мысли, чувства и переживания, наше понимание действительности.

В. А. КОВАЛЕВ

СРЕДИ КНИГ

А. А. З а л и з н я к

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

В издательстве «Русский язык» вышел «Грамматический словарь русского языка» (М., 1977). Основное его назначение, как указывает автор в «Предисловии», — «отразить современное русское словоизменение, то есть для каждого

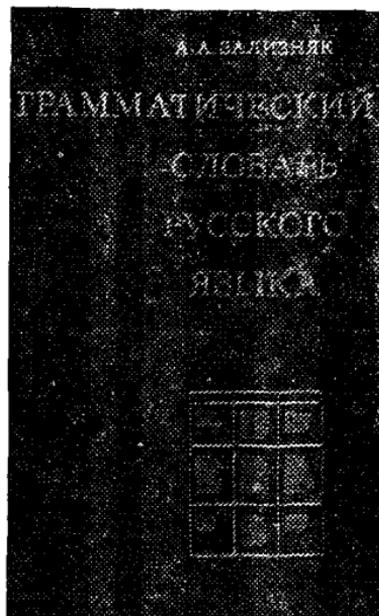
входящего в словарь слова дать сведения о том, изменяемо ли оно и если да, то как именно оно склоняется или спрягается. Иначе говоря, словарь дает возможность построить парадигму слова, т. е. совокупность всех его форм».

Словарь такого типа издаётся в нашей стране впервые. Он содержит грамматическую характеристику около 100 тысяч слов. Первоначальной основой словника послужил «Орфографический словарь» (изд. 6-е. Под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Ша-

пиро. М., 1965), за исключением узкоспециальных терминов, устаревших, просторечных и областных слов. Затем словарь «Грамматического словаря» был проверен по «Обратному словарю русского языка» (М., 1974), частично дополнен словами из словаря-справочника «Новые слова и значения» (под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971) и текущей печати. Слова расположены в обратном (инверсионном) порядке, то есть по алфавиту конечных, а не начальных букв слова. Такой порядок позволяет объединить большие группы слов с одинаковым или сходным словоизменением.

Словарь является нормативным: он указывает образования форм отдельного слова, отвечающие современной литературной норме. В некоторых случаях, однако, вводится помета «простореч.» (просторечное). Ее роль — предупредить возможную ошибку в образовании или ударении одной из форм слова. Так, при глаголе *есть* указывается повелительное наклонение *поежь* вместо просторечной формы *ежь*. Или: в страдательных причастиях прошедшего времени глаголов на *-лить* отмечено, что следует избегать ударения на корне (*нали́та, доли́та, сли́та*), так как литературной норме соответствует ударение на окончании: *налита́, долита́, слита́*.

«Грамматический словарь» включает в себя «Предисловие», «Грамматические сведения» и собственно словарь. Раздел «Грамматические сведения» занимает около 120 страниц; в нем изложены теоретические основы русской грамматики, особенности современного словоизменения (и ударения) и даны обобщающие таблицы и схемы,



Для каждого слова указываются словоизменительные и синтаксические характеристики, существенные для построения грамматически правильных фраз. Из синтаксических характеристик приводятся только те, которые в большей степени связаны со словоизменением: род, одушевленность и неодушевленность — для существительных; переходность и непереходность — для глаголов. Кроме того, в словаре даны сведения о словообразовательных возможностях слов.

Заглавное слово в «Грамматическом словаре» имеет при себе основной буквенный символ (грамматическую помету) и индекс, отсылающие к «Грамматическим сведениям», где «даны образцы склонения и спряжения, по которым читатель может установить словоизменение интересующего его слова» (Предисловие). У некоторых слов есть дополнитель-

ные пометы и указания. Они могут, например, отмечать отсутствие определенных форм или сложность их образования, наличие особых форм (род. пад. ед. ч. *ча́я* и *ча́ю*, предл. пад. ед. ч. *в ме́де* и *в ме́ду*), особенности склонения (*полча́са*, но *получа́са*) и спряжения (*маха́ть*, *маши́*, *ма́шет* и менее предпочтительно *маха́ю*, *маха́ет*). Специально рассматриваются словосочетания, в которых какая-либо форма главного слова отклоняется от своего обычного (нормального) вида: дат. пад. мн. ч. *ко́ням*, но *по ко́ням* (команда); им. пад. ед. ч. *цыга́н* — им. пад. мн. ч. *цыга́не* (вместо ожидаемого *цыганы*).

«Грамматический словарь» не является учебным, однако он принесет огромную пользу преподавателям и методистам русского языка, а также иностранцам, изучающим русский язык. Так, с помощью этого словаря легко установить количество всех возможных типов словоизменения, получить сведения о распространенности тех или иных словоизменяемых типов и выявить их особенности, а также о всех трудных или спорных случаях грамматической классификации слов.

Словарь может быть полезен и при изучении словообразования. Например, нужно узнать: с какими приставками употребляется глагол *вить*; у всех ли форм сравнительной степени прилагательных на *-ее* (*светле́е*, *суро́вее*) имеется вариант на *ей-*: *светле́й*, *суро́вей*. Глагол *вить* употребляется с приставками *за-*, *на-*, *об-*, *в-*, *под-*, *пере-*, *раз-*, *воз-*, *при-*, *до-*, *не-до-*, *по-*, *про-*, *с-*, *от-*, *вы-*; вариант на *-ей* есть у всех форм сравнительной степени на *-ее* за исключением *боле́е*, *да́лее*, *до́лее*, *ра́нее*, *ко-*

торые соотносятся не с прилагательными, а с наречиями.

Верно ли, что у всех существительных на *-ок* гласная *о* — беглая, как соотносятся количественно глаголы несовершенного вида с чередованием *о* — *а*: *заморо́зить* — *замора́живать* и без чередования: *замусо́бить* — *замусо́бливать*; какие чередования бывают при склонении существительных и спряжении глаголов. При изучении особенностей ударения, допустим, следует выяснять: все ли слова на *-еж* при склонении имеют ударение только на окончании? Мы узнаем, что эти слова имеют неподвижное ударение на окончании во всех формах ед. и мнж. числа: *чертеж*, *чертежа́*, *-у́*, *-бм*, *-е́*, *чертежи́* и т. д.

Ответы на подобные или другие вопросы трудно найти в учебниках и учебных пособиях, а «Грамматический словарь» поможет подготовить нужный материал для упражнений, образовать не только данную форму слова, но и установить всю группу слов, имеющих одинаковый или сходный тип словоизменения (или ударения).

Несомненно, что наибольший интерес «Грамматический словарь» представит для лингвистов разных специальностей, изучающих русский язык. Этот словарь не только ценный справочник по современному словоизменению, но и итог большой аналитической работы, результат которой — полное грамматическое описание русской лексики. Материал словаря может послужить основой для глубокого изучения и дальнейших обобщений отдельных сторон грамматической системы современного русского языка.

М. С. СУХАНОВА



Семья — это группа родственников, живущих вместе. Однако в родственные отношения вступают не только люди, но и животные, поэтому и у них бывают «семьи». Как же называют членов таких «звериных семей»? Очевидно, такое родство находит отражение и в словах, называющих животных, — зоонимах. Большая часть зоонимов имеет специальные суффиксы для выражения «родственных отношений». Наиболее показательны для этой категории слов образование названий самок и детенышей. От основ существительных мужского рода наименование самки образуется, как известно, путем прибавления суффикса *-иха*; млекопитающие: *волк — волчиха*, *еж — ежиха*, *заяц — зайчиха*, *барсук — барсучиха*, *шимпанзе — шимпанжиха*, *носорог — носорожиха*; птицы, насекомые и др.: *соловьяха*, *аистиха*, *дятлиха*, *журавлиха*; *паучиха*, *жучиха*, *кузнечиха*.

У небольшой группы зоонимов это значение передается суффиксом *-иц-*: *лев* — *львица*, *тигр* — *тигрица*. От некоторых существительных имеются образования с обоими суффиксами: *волк* — *волчица*, *волчица*; *медведь* — *медведиха*, *медведица*; *шакал* — *шакалиха*, *шакалица* и др. Однако язык стремится избавиться от дублетов: в одних случаях утрачивается одно из производных, чаще — существительное с *-иц-* (что обусловлено его малой продуктивностью); в других отмечается тенденция к разграничению сфер употребления. Так, *волчица*, *медведиха* чаще встречаются в фольклоре; *волчица*, *медведица* — во всех других жанрах: «...Кормит волчица волчонок» (сказка «Звериное молоко»); «В средней полосе европейской части волчицы приносят потомство в середине весны» (Сосновский. Питомцы Московского зоопарка); «Медведиха детей кормит» («Звериное молоко»); «Эта вылезала медведица. За ней вылезли два медвежонка» (Брянки. Лесная газета).

Животных безотносительно к полу называют не только словами мужского рода (*волк*, *лев*, *тигр*, *слон*), но и женского (*рысь*, *зебра* и т. д.). От таких существительных наименования самок также могут образовываться посредством суффикса *-их-*: *зебра* — *зебриха*, *рысь* — *рысиха*, *обезьяна* — *обезьяниха*, *ондатра* — *ондатриха*.

Итак, названия с суффиксом *-их-* создаются от большинства существительных, обозначающих диких животных, но они относятся преимущественно к разговорно-бытовой речи. В научном же стиле специалисты-зоологи отдают предпочтение сочетаниям *самец* и *самка* (животного). Если нет особой необходимости подчеркивать пол животного, применяется общее обозначение: *волк*, *лев*, *кенгуру*, *лиса*, *рысь* и т. д. Использование сочетаний *самец* и *самка* наблюдается не только в научном, но и в других стилях языка, например, в таких случаях: если по каким-то причинам невозможно создание суффиксального слова: «...Кадус-самка принесла детеныша от отца-куницы» («Юный натуралист», 1970, № 12); если говорящий или пишущий желает выделить, усилить это значение: «Лосихи шарахнулись и помчались ввиз..., а лось-самец захрапел» (Ю. Казаков. Тедди), избежать повторения однотипных слов: «Ревнивые самцы в брачный период самок способны убить жеребцов домашних лошадей, осмеливающихся приблизиться к куланхам» («Юный натуралист», 1978, № 9).



Своеобразие зоонимов ярко проявляется у названий домашних животных. Самца и самку животных, имеющих широкое применение в народном хозяйстве, называют разными словами: *борос* — *свинья*, *баран* — *овца*, *бык* — *корова*, *жеребец* — *кобыла*. Если нет необходимости подчеркивать пол домашних животных, то

используют либо слова, дающие обобщенные названия: *собака, лошадь*, либо множественное число существительных женского рода: *овцы, свиньи, куры, утки* и т. д.

Для наименования детенышей в русском языке употребляется суффикс *-онок (-енок)* — ед. ч., *-ат (-ят)* — множ. ч.: *волк — волчонок, лев — львенок, кролик — крольчонок, медведь — медвежонок, олень — олененок, нерпа — нерпенек; ягуар — ягуаренок, шимпанзе — шимпанзенек, кенгуру — кенгуренек* и т. п. «Мамонтенок, которого случайно вырыл из земли бульдозерист А. Логачев, вскоре был упакован в поролон и на рейсовом самолете доставлен в Ленинград» («Неделя», 1978, № 15); «Периода беспомощного существования у даманыт нет» («Вечерняя Москва», 24 апреля 1978).

О высокой продуктивности суффикса *-онок* свидетельствует и то, что с ним легко сочетаются названия редких животных. Используя материалы «Вопросника по словообразованию» (М., 1963), мы обратились к студентам со следующим заданием: «Представьте себе, что детский писатель решил написать книгу о зверятах. Помогите ему назвать детенышей следующих животных: *вилорог, каракал, иглошерст, панголин, кускус, тупайя, тафа, кабарга*». Из 84 человек 78 дали детенышам наименования *вилороженок, каракаленок, иглошерстенек, панголиненко, кускусенок, тупайчонок (тупайонок), тафенок, кабаржонок (кабаргенек)*.

Суффикс *-онок (-енок)* широко употребляется и при образовании слов, называющих птенцов: *кайра — кайренек, сорока — сорочонок, скворец — скворчонок, лебедь — лебеденок, чиж — чижонок, загара — загаренок* и др.

Реже детеныш животного может обозначаться при помощи суффикса *-оныш*: *тигреныш, волчоныш, дроздыныш* и др. Для названий детенышей диких экзотических животных (*гиппотам, крокодил, утконос, дикобраз* и др.) используются и другие средства, например, суффиксы уменьшительно-ласкательного значения: «А всего у этой пары родилось 11 *бегемотиков*» (Сосновский. Питомцы Московского зоопарка); «Проходит около трех месяцев, прежде чем писк готовых вылупиться из яиц *крокодильчиков* возвестит ей о необходимости раскопать гнездо» («Неделя», 1978, № 5); описательные конструкции со словами *маленький, крохотный, молодой, новорожденный* и др.: «Среди нас оказалась очень кусачая самка, два *маленьких гиппотамчика* и один *самец*» (Акимушкин. Следы невиданных зверей), а также сочетания слов *детеныш* + название животного: *детеныш бегемота* и др.

Обозначения домашних животных отличаются от наименований диких животных и по способу называния детеныша. Они обычно называются словами разных корней: *овца — баран — ягненок, курица — петух — цыпленок* и т. п.; ср.: *волк — волчица — волчо-*

нок, заяц — зайчица — зайчонок, лев — львица — львенок, еж — ежица — ежонок.

От зоонимов образуется большое количество слов с разнообразными размерно-оценочными значениями — уменьшительно-ласкательные: *ежик, словик, соболек; белочка, кошечка; мышка;* уменьшительно-пренебрежительные: *котышка, зайчишка; лошадежка, собачонка;* ласкательные: *медведюшка, лисушка; мышенька, собаченька;* увеличительно-оценочные: *зайчище, барсучище, медведище, волчина, волчище* и др. Эти существительные используются преимущественно в разговорной речи, в сказках, в детских книгах: «Некорош у тебя голос, *волчок*» (сказка «Лелея-Плачяя»); «*Котышка-коток, sereneкий лобок!* О чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?» (сказка «Плутышка кот»); «...она выскочила и облаяла — не мрачный цепной Полкан, а сумасшедшая и незлобивая *собакушка*» (Н. Носов. «Во субботу, день ненастный»).

Н. Г. ЮСУПОВА

Орехово-Зуево

Рисунок В. Толстоногова

СРЕДИ КНИГ

А. А. Брагина

РУССКОЕ СЛОВО В ЯЗЫКАХ МИРА

В 1978 году издательством «Просвещение» в серии «Мир знаний» выпущена книга А. А. Брагиной «Русское слово в языках мира» (для внеклассного чтения). Она как бы продолжает и развивает тему, начатую в книге В. Г. Костомарова «Русский язык среди других языков мира» (М., «Просвещение», 1975; см.: «Русская речь», 1976, № 4). Новая книга А. А. Брагиной — увлекательный рассказ о русских словах, которые раскрывают завесу веков, рассказывают о настоящем, прокладывают дорогу к взаимопониманию современных людей, представляют их друг другу, строят между ними мосты дружбы и сотрудничества. Главная мысль

автора — признание того, что слово представляет народ, носителя языка, его историю, настоящее, его жизнь и мировоззрение — как бы объединяет повествование.

За словами, которые служат своеобразной временной вехой, встает история взаимоотношений древних восточных, романских и славянских народов. Так, название кунцы заимствовано румынским языком в далекие времена, когда пшурка зверя заменяла деньги у восточных славян. Язык индейцев Помо хранит былые контакты с русскими первопроходцами. Русские несли свои предметы и названия, вошедшие в быт индейских племен: *logka* (ложка), *caska* (чашка), *musik* (мешок), *kuska* (кошка) и др. Исследователи языка старой английской драмы выделяют в ряду заимствований русизмы *квас, соболь*. Однако характер русских слов, их бытование в английском языке говорит об отдаленности

народов, об отсутствии непосредственного общения, бытового соприкосновения. Это были отдельные экзотизмы, проникавшие в общелитературный английский язык из делового языка, сферы дипломатических и экономических сношений.

Первые торговые и дипломатические связи Русского государства с Испанией отмечены словами *zag* (царь) и *sebellina* (соболь) в испанском языке. Во французском вместе с ввозом товаров появились их русские наименования: *sable* (соболь), *sterlet* (стерлядь), русские меры: *poud* (пуд), *archine* (аршин); названия блюд русской кухни: *borchtch* (борщ), *kalatch* (калач), *kissel* (кисель).

После Октябрьской революции русские слова, заимствуемые другими языками, которые принято называть советизмами, отражают социальные сдвиги, несут идейный заряд. Слова *Советы*, *советский* входят во французский, итальянский, немецкий и др. Особо автор останавливается на советизмах, шагнувших в другие языки уже в первые годы своего существования. *Soviet*, например, было зафиксировано английскими словарями в 1917 году, в течение же 1920—1931 годов на его основе появились английские новообразования.

Жизнь нового социалистического государства обусловила поток советизмов в языки разных стран. В английский язык вошли слова *большевик*, *ленинизм*, *ударник*, *комиссар*, *колхоз*, *комсомол*; во французский: *большевик*, *ленинизм*, *ударник*, *колхоз*, *совхоз*, *мичуринец*, *мичуринское учение*, *учение Павлова*, *комсомол*, *субботник*; в итальянский: *большевистский*, *ленинский*, *колхоз*, *пятилетка*, *комсомол*,



ударник; в немецкий: *большевик*, *комсомол*, *ленинизм*, *колхоз*, *пятилетка*, *Кремль*.

Немало заимствовали русских слов и славянские языки: болгарский — *коллектив*, *пятилетка*, *совещание*, *ударник*, *отличник* и другие; словацкий — *красногвардеец*, *большевик*, *разведчик*, *комсомолец*, *рабоч* и другие; чешский — *совхоз*, *стенгазета*, *хозрасчет* и другие.

По наблюдениям А. А. Брагиной, каждая значительная эпоха в жизни народа отражается в языке, создает свои слова-символы, слова-вехи, опираясь на которые можно воссоздать картину прошедшей жизни. Такие слова как бы находят на передней линии, многие из них переходят границы национального языка и становятся либо заимствованными словами в чужом языке, либо превращаются в интернационализмы. В период мирного строительства пришли в английский язык *Rationalisa-*

tion proposals (рационализаторские предложения), rationalisers (рационализаторы); в период Великой Отечественной войны в английский словарь включились stormovik (штурмовик), Jak (як-самолет), partisan (партизан). Самым ярким словом, вошедшим в последние годы во все языки мира, автор считает слово *разрядка*. Раздел книги, в котором проследивается жизнь этого слова в других языках, — один из самых интересных.

На большом материале представлена история слов *революция, коммуна, коммунизм, пролетарий, красное знамя, красный*. Особенно интересна судьба двух заимствованных русских языком слов — *агитация* и *пропаганда*. Обогащенные новым осмыслением, они превращаются в новые русские слова — «советизмы» и с этой пометой включаются даже в собрания неологизмов в словарях заимствующих языков.

В процессе проникновения русских слов в языки мира автор выделяет три этапа: первый — период до Петра I; второй — от эпохи Петра I до предреволюционной поры и третий — от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. В целом материал, представленный в книге, убедительно иллюстрирует мысль автора о том, что «ряды заимствованных слов, расположенные во временной последовательности, — это летопись роста страны, роста ее международного престижа, ее политического, культурного и научно-технического потенциала...» (с. 186).

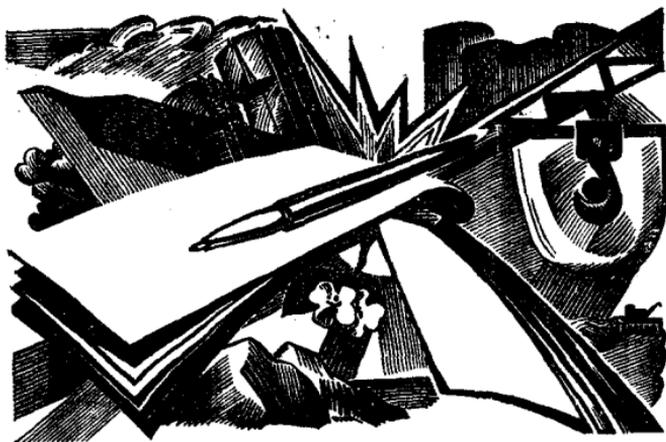
Нельзя не отметить, что А. А. Брагина в очень доступной форме преподносит юному читателю разнообразные теоретические и практические сведения как широкого лек-

сикографического характера, так и общелингвистического. Книга ставит также и определенные просветительские задачи. Помимо непосредственно языковедческого анализа и содержания, в ней, в связи с историей слов, излагаются сведения общепознавательного, общекультурного и страноведческого характера. Раздел книги «Русские имена на карте мира», например, представлен как историческая карта героических путешествий, открытий, поселений с увлекательными рассказами о подвижниках-первооткрывателях. Перед читателями проходит самоотверженная и героическая жизнь Федченко и Потаниных, Черских и Анненкова, Старостина и Дежнева и других.

Говоря о взаимосвязи русской литературы и русского языка, о значении переводов в популяризации русского слова, русской культуры за рубежом, А. А. Брагина сообщает, когда в Европе появляются первые сведения о Пушкине, кто был первым переводчиком поэта; анализирует переводы Пушкина, сделанные Энгельсом; показывает, как органично включались пушкинские строки в тексты сочинений Маркса и Энгельса. Видное место в приобщении французского народа к русской жизни, истории, культуре автор отводит Полю Вайяну-Кутюрье, писателю и общепознателю деятелю, одному из основателей Французской коммунистической партии.

Новая книга А. А. Брагиной насыщена богатым материалом, прекрасно подобранным и проанализированным; она обращена к широкому кругу читателей, интересующихся родным языком.

Г. И. МИСЬКЕВИЧ



А ТАКЖЕ...

В современном русском языке широко распространены составные союзы. Один из них — *а также* — очень употребителен в языке печати, в произведениях официально-делового стиля. Он встречается и в художественной литературе, хотя и намного реже. Видимо, именно это обстоятельство — значительно меньшая распространенность в художественной литературе — объясняет тот факт, что в толковых словарях русского языка он не отделяется от сочетаний *и также*, *но также* и не всегда квалифицируется как союз. Так, «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах дает его без какой-либо грамматической характеристики и без раскрытия значения. В «Словаре русского языка» в

4-х томах второе значение слова *также* определяется следующим образом: «В сочетании с союзами *а*, *и*, *но* образует сложные союзы с присоединительным значением: *а также*, *и также*, *но также*».

Однако сочетания *и также*, *но также* в текстах единичны, в то время как *а также* стало широко употребительным союзом. Рассмотрим наиболее характерные особенности его употребления.

Типичный случай использования этого союза — соединение однородных членов, выраженных именем существительным, и реже — прилагательным или причастием. *А также* может соединять еще и однородные сказуемые или части составного сказуемого. По значению и функции этот союз близок союзу *и*. Они соединяют однородные члены предложе-

ния; только союз *и* — равноправные, равнозначные, а союз *а также* присоединяет дополнительно такой однородный член, который необходимо отграничить. Кроме того, союз *а также* вносит некоторый оттенок книжности. Приведем примеры: «В еженедельнике публикуется примерный план занятий, *а также* примерная тематика практических занятий слушателям» («Правда», 17 декабря 1975); «...начат массовый выпуск восьмитопного грузовика ЗИЛ-133, *а также* холодильника улучшенной модели» («Известия», 6 февраля 1976); «В газете правильно и своевременно поставлены вопросы улучшения жилищного, *а также* соцбыткультурного строительства в пос. Лучегорск» («Известия», 22 марта 1976).

Второй однородный член, присоединяемый союзом *а также*, может содержать дополнительную информацию, которая дается в более общем виде. Тогда в его состав входят слова *некоторый, многих, другой*: «В Канаде в повестку дня все активнее ставится вопрос о национализации богатейших природных ресурсов страны, *а также некоторых* отраслей промышленности» («Правда», 20 января 1976); «Вдохновляющий лозунг „Мир и сотрудничество — Европе“ стал проникать глубоко в сознание трудящихся нашего континента,

а также многих реалистически мыслящих руководителей Запада» («Известия», 14 февраля 1976).

Союз *а также* соединяет группы однородных членов, в которых уже употреблен союз *и*. С одной стороны, *а также* дает возможность избегать повторения союза *и*, уже соединяющего равноправные, равнозначные однородные члены, с другой — подчеркивает смысловые различия групп однородных членов: «В ходе визитов была достигнута конкретная договоренность о расширении экономических и торговых связей, *а также культурных и туристических контактов*» («Правда», 10 февраля 1976).

Союз *а также* выступает как заключительный в том случае, когда он присоединяет последний однородный член к ряду других. На нем акцентируется внимание, поскольку он чем-то отличается от других однородных членов: «Стали достоянием практики новые процессы получения тугоплавких металлов, сверхпрочных сталей, *а также сплавов с особыми электрофизическими свойствами*» («Правда», 24 сентября 1975); «В Колонном зале Дома союзов состоялся концерт оркестра, в котором приняли участие известные советские композиторы, поэты-песенники, певцы, *а также зарубежные гости*»

(«Известия», 22 марта 1976).

Значительно реже союз *а также* соединяет однородные сказуемые или части составного сказуемого, выраженного инфинитивом. Обычно каждое сказуемое или часть составного сказуемого является распространенной: «Это *обязывает расширять* разработку, *увеличивать* добычу топлива, ценных металлов, строительных материалов, *а также совершенствовать* структуру промышленности за счет ускоренного развития таких отраслей, как электроника» («Известия», 6 февраля 1976); в произведениях художественной литературы: «Известно было, что он [гимназист Макаров] пьет, курит, *а также* играет на бильярде в грязных трактирах» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «Делегация студентов явилась выразить Василию Петровичу чувства солидарности, *а также* просить его повторить свой доклад в каком-то социал-демократическом кружке» (В. Катаев. Хуторок в степи).

Встречаются случаи соединения союзом *а также* двух предложений с разными подлежащими и сказуемыми: «В районе запуска геофизической ракеты „Вертикаль-3“ одновременно *был проведен запуск* двух метеорологических ракет М-100 с научной аппаратурой, изготовленной в Народной Рес-

публике Болгарии и Советском Союзе, *а также проводились* наземные измерения различных параметров ионосферы» («Правда», 3 сентября 1975).

Когда союз *а также* соединяет однородные члены, выраженные сочетанием имени существительного с предлогом, то, как правило, предлог при однородных членах повторяется. Он указывает на зависимость имени существительного от других слов в предложении и является его составной частью. Поэтому предлог употребляется непосредственно перед именем существительным при первом однородном члене и при однородном члене, присоединяемом союзом *а также*, особенно если однородные члены являются распространенными: «Специалисты НРБ, ГДР, ЧССР и СССР принимали участие в монтаже и испытаниях научной аппаратуры, установленной на ракете „Вертикаль-3“, *а также* в ее запуске» («Правда», 3 сентября 1975).

В языке газеты возможны пропуски предлога или сочетания, выполняющего его функцию, при однородном члене, если эти пропуски не искажают смысла фразы: «До сих пор Канада управляется на основе Акта о Британской Северной Америке, принятого в прошлом веке английским парла-

ментом на берегах Темзы, а также целого ряда дополнений и поправок к нему, одобренных парламентом в Оттаве» («Известия», 14 марта 1976); «С его именем (а также Станислава Брундзы из Вильнюса) связан прежде всего триумф советских раллистов в „Туре Европы-74“» («Известия», 14 марта 1976) — правда, в этой фразе лучше было бы повторить сочетание с именем: предложение было бы более четким.

Пропуск предлога при однородном члене предложения, присоединяемом союзом *а также*, может привести к неправильному построению словосочетания, являющегося однородным членом предложения:

«Покончено с латифундистской собственностью североамериканских монополий (на Кубе), а также помещицкой олигархии страны» («Правда», 17 декабря 1975); следует: «а также с помещицкой олигархией страны».

Таким образом, в современном русском языке расширяется употребление конструкций с союзом *а также*, в частности в языке газеты. Это заставляет быть особенно внимательным к построениям таких конструкций, помнить о том, что союз *а также* вносит в предложение официально-книжный оттенок.

Р. П. РОГОЖНИКОВА

Ленинград

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Чем вызваны изменения в написании китайских имен?» — спрашивают Т. Ф. Козлова (Львов), С. Б. Жулидов (Череповец), В. Беляев (Саратов) и другие. Действительно, раньше китайские имена писались по-иному: *Сунь Ят-сен*, *Е Хао-бо*, а теперь они пишутся так: *Сунь Ятсен*, *Е Хаобо*. Изменения связаны с тем, что с 1 января 1979 года в Китае в печатных изданиях на языках, использующих латинскую графику, китайские многосложные имена и географические названия пишутся без дефиса. Принята единая международная транскрипция их (см.: «Новое время», 1979, № 5).



Евгений Федорович БУДДЕ

1859—1929

Научная и педагогическая деятельность Евгения Федоровича Будде, видного русского языковеда, члена-корреспондента Академии наук СССР с 1916 года, была тесно связана с крупнейшими центрами русского языкознания конца XIX — начала XX века.

По завершении курса в Новороссийском университете (г. Одесса) в 1884 году Е. Ф. Будде проходил (1889—1891) профессорскую подготовку по русскому языку и сравнительному языкознанию в Московском университете. В это время университет являлся крупнейшим центром русского языковедения; здесь была создана Московская лингвистическая школа. Ее представители при анализе языковых явлений исходили из одинаковых теоретических предпосылок и применяли сходные приемы исследования. Теоретические положения Московской лингвистической школы разработаны академиком Ф. Ф. Фортунатовым и его учениками; в дальнейшем они получили признание в мировой науке. В 1891 году Е. Ф. Будде сдал в Московском университете магистерский экзамен и по прочтении двух лекций был удостоен звания приват-доцента.

Первые печатные труды молодого филолога-исследователя опубликованы в 1883 году, когда автор был еще студентом, в вышедших в Воронеже «Филологических записках» и посвящены проблемам устного народного творчества и литературы; но подавляющее большинство его более поздних работ относится к русскому языкознанию. Как показывает «Библиография трудов члена-корреспондента АН СССР, профессора Е. Ф. Будде», составленная А. Н. Мироносицкой (см.: сб. «Вопросы теории и методики изуче-

ния русского языка». Вып. 3. Йошкар-Ола, 1964), ученым опубликовано 133 работы. Среди них — статьи, отзывы, рецензии и отдельные книги, в том числе и учебники.

С августа 1893 года и до конца жизни Е. Ф. Будде работает на кафедре русского языка и словесности Казанского университета, а также в других учебных заведениях Казани. Здесь были сильны традиции другой лингвистической школы — Казанской, основанной известным языковедом профессором Иваном Александровичем Бодуэном де Куртене (1845—1929). Продолжая традиции Московской лингвистической школы, Е. Ф. Будде был самостоятельным исследователем и шел в языкознании собственным путем. Вместе с более ортодоксальными последователями Ф. Ф. Фортунатова (А. А. Шахматовым, В. К. Поржезинским, А. М. Пешковским, Д. Н. Ушаковым, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсоном и их учениками) в составе так называемой «формальной школы» Е. Ф. Будде и его ученики понимали грамматику как учение о формах языка и считали возможным изучать язык только с точки зрения форм. Но если фортунатовцы рассматривали форму как звуковое выражение значений, то Е. Ф. Будде считал возможным изучать ее вне связи со значением [см.: Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924]. Учениками профессора Е. Ф. Будде по Казанскому университету были известные языковеды и методисты — профессора А. М. Селищев, П. Я. Черных, С. И. Абакумов, В. А. Малаховский.

Среди работ Е. Ф. Будде видное место занимают труды по истории письменности и истории языка, а также русской диалектологии, где собран, критически оценен и систематизирован весьма значительный материал. Исследователь не боялся делать смелые выводы, и его увлечения часто были объектом острой научной критики и вызвали бурную полемику, продолжавшуюся и после смерти автора. В результате этих споров повышалось внимание к отдельным узловым вопросам истории и диалектологии языка, которые решались последующими поколениями ученых.

Е. Ф. Будде по праву считается одним из основоположников историко-языковедческой дисциплины — истории русского литературного языка. Его наблюдения в этой отрасли обобщены в книге «Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX век)», вышедшей в 1908 году в качестве 12-го выпуска «Энциклопедии славянской филологии» под редакцией академика И. В. Ягича. Дальнейшие работы советских ученых в значительной степени обогатили и обновили содержание данной дисциплины, и книга Е. Ф. Будде способствовала этому. До сих пор представляет большой научный интерес специальное исследование Е. Ф. Будде «Опыт грамматики языка А. С. Пушкина», вышедшее в

1904 году. В нем дан анализ системы склонения и спряжения в языке произведений великого русского поэта.

В свое время пользовались большой известностью «Учебник грамматики русского языка. Для средних учебных заведений» и другие труды Е. Ф. Будде по современному русскому языку и правописанию. Много усилий было приложено в этих и других его работах для поднятия уровня преподавания русского языка в школе и для устранения разрыва между научными знаниями о русском языке и школьным преподаванием. Этой проблеме посвящены книги «Вопросы методологии русского языка» (1917) и «Методология русского языкознания» (1926—1928). Поставленные в них вопросы в какой-то степени актуальны и в наши дни, когда по-прежнему стоят задачи создания подлинно научных учебников по русскому языку для школы.

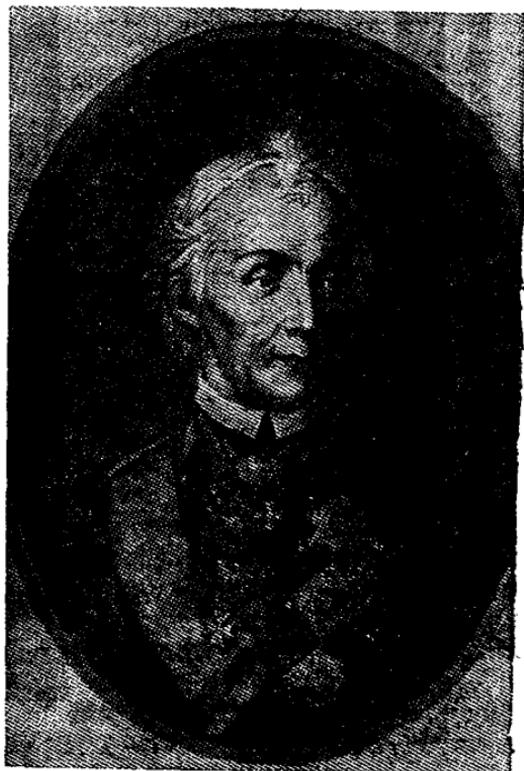
Много внимания ученый уделял словарной работе, содействуя пополнению и обработке многотомного академического «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением императорской Академии наук», оставшегося, к сожалению, неоконченным. Ученому принадлежит большая рецензия на первые три выпуска третьего издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, осуществленного под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене.

Евгений Федорович был знатоком и любителем старинной письменности. Собранный им коллекция рукописей XVII—XVIII веков хранится с 1929 года в Пушкинском Доме (Ленинград).

Будучи оригинальным лингвистом-исследователем, Е. Ф. Будде хорошо знал историю отечественного языкознания и творческое наследие русских языковедов и методистов. Их деятельность освещена в ряде статей по истории языкознания и педагогической мысли; сюда примыкают рецензии и отзывы ученого о трудах его современников, а также полемические статьи. Напечатанная в 1885 году «Речь о просветительской деятельности Кирилла и Мефодия» была первой работой Е. Ф. Будде о славянских просветителях. Несколько работ посвящено деятельности выдающихся русских языковедов и педагогов: М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслаева, К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, Ф. Ф. Фортунатова.

Широкая научная подготовленность исследователя ярко отражена и в его трудах литературоведческого и историко-этнографического содержания, которые есть в его обильном списке научных работ. Однако и в них много внимания уделено чисто языковедческим проблемам, поскольку Е. Ф. Будде постоянно оставался верен своему основному поприщу деятельности — русскому языкознанию.

И. Г. ДОБРОДОМОВ



К 250-летию
А. В. Суворова

Современники А. В. Суворова вспоминают: великий полководец часто говорил, что если бы не был военным, то стал бы писателем. Широко образованный, владевший многими иностранными языками, он любил и хорошо знал русскую и зарубежную литературу, с большим почтением относился к писательскому труду. До нас дошли некоторые поэтические опыты Александра Васильевича Суворова. Свойственные его характеру наблюдательность, живость, веселая насмешливость, а по отношению к врагам — беспощадная ирония нашли выражение в колких эпиграммах. Широкую известность получила суворовская эпиграмма на князя Г. А. Потемкина:

Одной рукою он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенныя берега.

На поприще стихотворчества Суворов не снискал большой известности, но все же прославился не только как



непобедимый военачальник, но и как замечательный мастер русского слова. Только раскрылась эта сторона суворовского таланта не в традиционных литературных жанрах, а прежде всего в его предельно краткой и образной, афористичной и остроумной, глубоко народной по своим истокам устной речи. Меткие словечки, находчивые ответы, неожиданные вопросы, полные скрытого смысла при сказки знаменитого полководца передавались из уст в уста. Свою манеру говорить Суворов переносил в письма и — что особенно примечательно — в военные донесения и приказы.

Быстро распространилось среди современников донесение, направленное Суворовым командующему дунайской армией П. А. Румянцеву: «Слава богу, слава вам; Туртукай взят, и я там» (здесь возможен каламбур: речь идет и о селении Ятам).

Румянцев действовал очень нерешительно, Суворов овладел Туртукаем без помощи главных сил, поэтому сло-

ва «слава вам» имели весьма прозрачный иронический смысл.

Потемкину, который не решался на штурм Очакова, Суворов сообщил о своих действиях:

Я на камушке сижу,
на Очаков я гляжу.

Суворовская манера выражения признавалась и признается образцом, эталоном предельной краткости, лаконизма. Н. Ф. Кошанский в своей «Общей реторике» (1829) пишет: «Никто из русских не отличался столько лаконизмом, как Суворов. Всем известны его донесения о Праге, о Туртукае, его тактика, слог его писем... но я расскажу известное предание... Капитан N. N., чудо храбрости, не раз слышавший похвалы себе из уст самого Суворова, никогда после сражений не был награждаем вместе с прочими. Все это знали, чувствовали, говорили, жалели и удивлялись. Но когда кончилась война, Суворов, объявляя высочайшие награды, заключает: „А капитану N. N. за Брест — Георгия крест. За Тульчин — полковника чин. За Прагу — золотую пшату. А в заключение, за долгое терпенье — 500 душ в награждение“. Вот лаконизм истинно суворовский. Суворов вместе с лаконизмом любил и фигуру (*Paronomasiam, созвучие*), приятную для русского слуха».

Наиболее полное и яркое выражение все замечательные черты суворовского языка нашли в знаменитой «Науке побеждать», особенно в ее второй части, названной «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом».

Обращает на себя внимание указание Суворова, что после учения штаб-офицер «начинает в присутствии всего генералитета, штаб и обер-офицеров говорить к солдатам их наречием наизусть...». Не случайно, конечно, офицер должен был не читать, а «говорить наизусть»: ведь «Словесное поучение» рассчитано было именно на живое устное произношение и слуховое восприятие. С точки зрения истории русской словесности особенно важной является предназначенность «Словесного поучения» специально для солдат и прямое указание, что оно изложено «их наречием». Обращение к народному языку в «Науке побеждать» было для того времени явлением чрезвычайным. Оно не только отражало отношение Суворова к солдату как к сознательному бойцу («каждый воин должен пони-

мать свой маневр»), но и ломало принятые в конце XVIII века традиции написания военных документов тяжелым «канцелярским» языком.

Было бы, однако, большим упрощением считать, что язык «Науки побеждать» — это точное воспроизведение некоего социально-профессионального диалекта, «солдатского наречия» со всеми особенностями неподготовленного, «спонтанного» употребления. На самом деле Суворов проявляет большое мастерство в организации текста, в построении его композиции «как системы динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» (В. В. Виноградов. О теории художественной речи). Из народного языкового употребления черпаются прежде всего такие черты, как образность и точность слова, предельная сжатость синтаксиса, пословично-поговорочный склад. В результате создается текст, поразительный по степени смысловой и эмоциональной насыщенности. Вот как, например, раскрываются в наставлении Суворова «три воинские искусства»:

«Первое — глазомер, как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать и бить.

Второе — быстрота... Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух и трех стах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй, с чем пришел, чем бог послал! Конница, начинай! Руби, коши, гони, отрезывай, не упускай! Ура! Чудеса творят братья!

Третье — наиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает».

Общие правила ведения боя Суворов представляет не в абстрактных рассуждениях, а в живых наглядных картинах. В наставлении о штурме крепостей изображено — и очень точно — реальное событие — ставшее легендарным взятие Измаила: «Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы! Быстро беги! Прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы! Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам! Колонны, лети через стены на вал, скальвай! На валу вытягивай линию! Караул к пороховым погребам! Отворяй ворота коннице! Неприятель бежит в город — его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо!.. В дома не ходи, бей на площадях! Штурмуй, где неприятель засел! Занимай площадь, ставь гауптвахт. Расставляй вмиг пи-

кеты к воротам, погребам, магазинам! Неприятель сдался — пощада!».

Текст «Науки побеждать» насыщен глаголами. Это само по себе вполне естественно, так как речь все время идет о действиях. Показательно то, что глаголы у Суворова особенно выразительны, образны, емки в смысловом отношении: *лети* через засек (ср. преодолевай засек), *лети* через стены (ср. перелезай через стены), *штурмуй*, где неприятель *засел* (ср. где неприятель закрепился) и т. п. Приведем еще некоторые примеры: «Бросься в ров, скачи через вал, ударь в штыки, коли, гони, бери в полон!»; «В двух шеренгах сила, в трех полторы силы: передняя рвет, вторая валит, третья довершает»; «Десяток верст отломал — ... ложись!»; «Солдат проберется и болотом»; «Казачи везде пролезут».

Суворов ценил в солдатах и офицерах самостоятельность («сам-четверт ефрейтор тот же генерал»), сообразительность, инициативу. Он не терпел выражения «не могу знать!», настойчиво и темпераментно боролся с «немогузнайством» и «немогузнайками». В «Науке побеждать» дана убийственная характеристика «немогузнайке». Если мы отметили выразительную роль глаголов, то здесь обратим внимание на ряд интересных в словообразовательном, семантическом и экспрессивном отношениях существительных: «Богатыри! Неприятель от вас дрожит. Да есть неприятель больше и богадельни: проклятая немогузнайка, намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежлилка, бестолковка... Стыдно сказать! От немогузнайки много, много беды!».

Суворовские наставления солдатам «о знании, для них необходимом» были сформулированы в четких афористических выражениях, многие из которых закрепились в языковом употреблении, стали крылатыми словами:

«Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Пуля обмишуются, а штык не обмишуются. Пуля — дура, а штык — молодец!».

«Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат не разбойник».

«Солдат дорог. Береги здоровье!».

Любовь к простоте и краткости выражения славный русский полководец пронес через всю жизнь. На его гербе было начертано: «глазомер — быстрота — натиск — победа». А на могиле надпись: «Здесь лежит Суворов».

А. И. ГОРШКОВ



Вид звездного неба издавна привлекал человека своей красотой. В одном из ранних памятников древней славянской письменности — «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского, написанном в X веке в Болгарии и распространенном на Руси в многочисленных списках, содержится поэтическое описание ночного неба, которое «как цветом добрым упестрено звездами». Ранние памятники древней письменности свидетельствуют об относительно высоком уровне астрономических знаний и дают возможность судить о той лексике, которая использовалась для обозначения научных понятий. Мы уже касались некоторых вопросов, связанных с астрономической терминологией «Шестоднева» Иоанна экзарха (см.: «Русская речь», 1977, № 3). В настоящей статье рассматриваются названия зодиакальных созвездий, одноименных в древности соответствующим знакам зодиака.

Помимо данных из «Шестоднева», привлекаются материалы из других памятников древнеславянской и древнерусской письменности. В первую очередь к ним относится Изборник 1073 года — вторая по древности датированная древнерусская книга, написанная в Киеве для князя Святослава, являющаяся, по определению уче-

ных, «первой русской энциклопедией, охватывающей широчайший круг вопросов». Изборник интересен также тем, что в нем содержатся древнейшие русские изображения знаков зодиака.

Как известно, Солнце в своем видимом годичном движении на фоне звезд описывает большой круг небесной сферы, называемый *эклиптикой*. Еще в древности *эклиптики* была разделена на 12 равных частей, каждая из которых именуется знаком зодиака и пересекает одно из 12 созвездий, называемых *зодиакальными*. Солнце движется по *эклиптике* в направлении с запада на восток, противоположном видимому суточному вращению небесной сферы, и последовательно проходит, начиная от точки весеннего равноденствия (в которой оно находится около 21 марта), следующие знаки зодиака: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы.

Совокупность зодиакальных созвездий названа в «Шестодневе» *животным кругом*: «ниже в зодиацъ лежатъ звѣзды, рекъше в животнемъ крутъ» (в переводе с греческого слово *зодиак* — «круг животных»). В глубокой древности большинство зодиакальных созвездий было названо именами животных, о них было сложено множество поэтических мифов и легенд. Годовой путь Солнца по зодиакальным созвездиям имел большое значение для жизни человека, ведь с ним были связаны явления равноденствия и солнцестояния, смена времен года и все сельскохозяйственные работы.

Названия зодиакальных созвездий были заимствованы древнерусским и старославянским языками из греческих источников и в ряде случаев оставались транслитерированными (непереведенными на славянский язык) грецизмами. Одновременно появлялись соответствующие славянские названия. В ранний период грецизмы и славянские названия сосуществуют в пределах одного произведения, поясняя друг друга. Это можно видеть на материале астрономов в «Шестодневе» Иоанна экзарха (астроном — собственное имя отдельного небесного тела, в том числе звезды, кометы, астероида — см.: Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978, с. 39). Нельзя не отметить, что славянские названия еще не упорядочены, зачастую выступают в разных вариантах (фонетических, лексических, словообразовательных).



ОВЕНЪ — КРИОСЪ (БАРАН) — «ОВЕН». В «Шестодневе» оба названия сосуществуют рядом: «и криосъ еже ся речеть овенъ». Иоанн экзарх отмечает, что, когда Солнце входит в созвездие Овна, наступает день весеннего равноденствия и начинается весна: «егда же убо зовомаго овна сълнце проидеть то тьгда въводитъ весньнаго (весеннего) года съвратъ равноднее (равноденствие)».

творе». Славянское название *Овенъ* представлено в другом раннем произведении — Изборнике 1073 года. В древнерусском и старославянском языках слово *овънъ* употреблялось для обозначения барана. С созвездием Овна был связан миф об овне — златорунном баране, на котором брат и сестра — Фрикс и Гелла — спасались от преследования злой мачехи Ино и который был принесен Фриксом в жертву Зевсу.



ЮНЬЦЬ — ТЕЛЬЦЬ — ТАВРОСЬ (БЫК) — «ТЕЛЕЦ». Из разнообразных вариантов названия этого созвездия в русском языке сохранился лишь один вариант, представленный уже в Изборнике 1073 года — *Тельць*. Названия *Юньць*, как и грецизм *Таврось*, содержащиеся в «Шестодневе», были утрачены. Слово *юньць* употреблялось в древнерусском языке в значении «бык, телец», слово *тельць* имело значение «молодой бык, бычок». В древнегреческой мифологии Телец — бык, похитивший Европу. По другим преданиям, это название связано с мифом об охотнике Орионе, преследовавшем сестер Плеяд, на пути которого встретился волшебный бык — Телец.



БЛИЗНЬЦИ — ДИДИМЪ (БЛИЗНЕЦЫ) — БЛИЗНЬЧЬНИКЪ — «БЛИЗНЕЦЫ». В Изборнике 1073 года находится славянское название *Близьници*, унаследованное русским языком, в «Шестодневе» Иоанна экзарха представлен грецизм *Дидимъ*. Однако в другом произведении Иоанна экзарха Болгарского — «Богословии» — для обозначения этого созвездия использован вариант *Близьньчъникъ*. По древнегреческим преданиям, близнецы — Диоскуры (Кастор и Поллукс, или Полидевк) нежно любили друг друга. В награду за их братскую любовь Зевс превратил их в одноименное созвездие.



РАКЪ — КАРКИНЪ (РАК) — «РАК». В «Шестодневе» оба названия сосуществуют: «каркинъ еже ся речеть ракъ». В этом произведении указывается, что со вступлением Солнца в созвездие Рака оно «преступает жатвенны соврат» (день летнего солнцестояния), тогда дни бывают большие, а ночи «худые и малые». Грецизм *каркинъ* служил в древнерусском языке не только для наименования знака зодиака, но и для обозначения рака и одноименной болезни. С созвездием Рака связан миф о борьбе Геракла с Лернейской гидрой (второй подвиг Геракла). Гера пыталась помешать Гераклу в его борьбе, послав к нему рака, который должен был вцепиться в ногу героя. Однако замысел Геры не удался, и она превратила рака в созвездие на небе под созвездием Геркулеса (латинский эквивалент имени Геракла).

 ЛЬВЪ — «ЛЕВ». По-видимому, это название сразу вошло и прочно укрепилось в старославянском и древнерусском языках; оно содержится в Изборнике 1073 года и «Шестодневе» и не подвергается вариативным колебаниям. Созвездие Льва названо в память о первом подвиге Геракла — его победе над Немейским львом.

 ДЪВИЦА — ПАРФЕНЪ (ДЕВУШКА) — ДЪВА — «ДЕВА». Как отмечено в «Шестодневе», когда Солнце минует созвездия Льва и Парфенъ, заканчивается лето и наступает осень. В «Шестодневе» содержится лишь грецизм *Парфенъ*, в Изборнике 1073 года представлен славянский вариант *Дъвица*. Название *Дъва* отмечено в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского лишь по памятнику XVI века. О созвездии Дева сохранились две поэтические легенды. Согласно первой из них, богиня справедливости Дике (одно из ее прозвищ Астрея, т. е. звездная) в золотом веке управляла миром. Когда же золотой век окончился, она превратилась в созвездие Девы. Вторая легенда связана с именами Икарня, Эригоны и собаки Меры, которые были превращены в созвездия Волопаса, Девы и Пса.

 ЯРЕМЪ — ПРЪВЪСА — ЗИГОСЪ — «ВЕСЫ». Греческое наименование *Зигосъ* и его варианты (*Зигия*, *Цигъ*) широко представлены в русских списках «Шестоднева» наряду с астрономим *Яремъ*, встречающимся также в Изборнике 1073 года и «Богословии» Иоанна экзарха. Слово *яремъ* употреблялось в древнерусском языке в значениях «ярмо», «вес, мера». Астроном *Пръвеса*, имеющийся в одном из поздних русских списков «Шестоднева», является, по-видимому, более поздним и по происхождению, так как в «Материалах для словаря древнерусского языка» приводится лишь по произведению XVI века. Здесь это слово известно в значении «весы». В древности в начале созвездия Весов Солнце находилось в день осеннего равноденствия, поэтому знак весов ассоциировался в сознании людей с равновесием дня и ночи, труда и отдыха.

 СКОРЪПИЯНЪ — СКОРПИИ — СКАРЪПИА — СКОРЪПИОСЪ — «СКОРПИОН». В «Шестодневе» это название варьируется по разным спискам, в Изборнике 1073 года оно выступает в форме *Скоръпиосъ*. Согласно мифу, от укуса скорпиона умер охотник Орион.

 СТРЪЛЬЦЪ — ТОКСОФЪ — «СТРЕЛЕЦ». В «Шестодневе» сохранилось лишь греческое наименование этого созвездия. Его сла-

вянский вариант *Стрѣльць* известен по таким ранним источникам, как Изборник 1073 года, «Богословие» Иоанна экзарха Болгарского. Слово *стрѣльць* употреблялось в древнерусском языке в значении «стрелок».



КОЗОРОЖЕЦЬ — КОЗИИ РОГЪ — КОЗЛЬРОГЪ — ЕГОКЕРА — «КОЗЕРОГ». В «Шестодневе» грецизм *Егокера* поясняется как *Козорожець*, *Козию рогъ*. Астрономы *Козорожець* — *Егокера* сохранились, по данным Словаря И. И. Срезневского, еще в XVI веке. В Изборнике 1073 года представлен вариант *Козльрогъ*. Как следует из «Шестоднева», в созвездии Козерога Солнце «дает вход» зиме, продолжающейся до тех пор, пока Солнце «ходит» в созвездиях Водолея и Рыб. В созвездии Козерога Солнце находится в «зимнем соврате» (точке зимнего солнцестояния).



ВОДОЛЪИЦЬ — ИДРУХИИ — ВОДОЛИЯТЕЛЬ — ВОДУЛЪЯИ — «ВОДОЛЕЙ». Название *Водолбиць* известно по Изборнику 1073 года, грецизм *Идрухии* — по «Шестодневу» Иоанна экзарха, название *Водулъяи* — по «Богословию» Иоанна экзарха. Астроном *Водолиятель* отмечен в Словаре И. И. Срезневского по памятнику XVI века.



РЫБА — ИХТУИ — «РЫБЫ». Название *Рыба* встречается в Изборнике 1073 года, тогда как грецизм *Ихтуи* — в «Шестодневе» Иоанна экзарха. Это созвездие названо в память о легенде, повествующей о бегстве Эрота и Афродиты от чудовища Тифона. Спасаясь от его преследования, беглецы кинулись в реку Евфрат и превратились в рыб.

Итак, в процессе наименования двенадцати зодиакальных созвездий и соответствующих знаков зодиака в произведениях древней письменности ясно прослеживаются две тенденции: одна из них связана с сохранением греческих названий («Шестоднев» Иоанна экзарха), другая — с употреблением соответствующих славянских названий (Изборник 1073 г.). Так, в «Шестодневе» Иоанна экзарха не встречаются некоторые славянские названия (Рыбы, Дева, Близнецы, Водолей, Стрелец). Однако в древнерусском языке названия-грецизмы были малоупотребительны и постепенно уступили место славянским астрономам. Неустойчивость терминов и названий, их варьирование в пределах одного произведения характерны для раннего этапа истории формирования естественнонаучной лексики.

Г. С. БАРАНКОВА
Рисунок С. Гавриловой



О традиционных иноязычных топонимах

В топонимической лексике русского языка особую группу составляют иноязычные географические названия, в настоящее время активно употребляющиеся в речи. К ним относятся некоторые наименования государств, больших городов, рек, заливов, островов, горных систем и других широкоизвестных географических объектов, как например, Финляндия, Гамбург, Гудзонов залив, Азорские острова, Альпы.

Особенной чертой этих топонимов является их употребление в так называемой традиционной форме, то есть в форме, значительно отличающейся от их принятого написания и произношения в языке-источнике. Например, всем известная форма топонима *Париж* (Paris) в местном французском произношении *Пари*, а в русском и некоторых других языках — *Париж*. Дело в том, что название города было заимствовано русским языком через германскую форму Paris, в которой звонкий согласный *s* произносился, как нечто среднее между *ж* и *з*, но был воспринят славянами, как звук *ж* — Париж.

Следует отметить, что выражение «традиционные топонимы» не совсем точное. Правильнее было бы считать таковыми не сами названия, а формы их передачи на русский язык. Ведь любое название можно передать по ныне действующим правилам и тогда форма перестанет быть традиционной. Например, с давних пор в русском языке известно название итальянского города Неаполь, однако название известной футбольной команды передается в современном виде — «Наполи». Здесь мы сталкиваемся с привычным, состоявшимся явлением — термин «традиционные топонимы» успел прочно войти в научный обиход.

Самую малочисленную группу традиционных топонимов представляют названия иностранных государств, например: *Австрия* вместо современной немецкой формы Österreich (Эстеррайх), *Авст*...



ралия — вместо английской Australia (Острейллия), *Швеция* — вместо исконной Sverige (Сверье), *Швейцария* — вместо современной немецкой формы Schweiz (Швайц) и другие.

Основную и самую многочисленную группу составляют иноязычные топонимы, часть которых вошла некогда в русский язык в той форме, в какой употреблялась (произносилась) в языке-посреднике.

Другая часть топонимов была оформлена в момент их заимствования по устаревшим к настоящему времени правилам передачи. В такой «неправильной» форме они и употребляются в современном русском языке. Так, традиционная форма *Рим* — нетрадиционная современная итальянская форма Roma (Рома); традиционная форма *Вена* — нетрадиционная современная немецкая Wien (Вин); традиционная *Гудзон* — современная английская Hudson (Хадсон); традиционная *Марсель* — современная французская форма Marseille (Марсей) и т. д.

Значительную группу составляют наименования, вошедшие в русский язык путем дословного перевода (калькирования) — древнейшего способа передачи топонимов, например, мыс *Доброй Надежды* представляет собой точный перевод английского названия Cape of Good Hope. Рейнские Сланцевые горы — точный перевод немецкого названия Rheinisches Schiefergebirge.

В некоторых случаях калькирование приводит к курьезам. Так, название бухты *Серебрянникова* на Аляске, данное по фамилии русского землепроходца Р. Серебрянникова, превратилось в американской передаче в Silver, то есть в *Серебряную*, а название горы *Перелешина* истолковывается как производное от слова pearl — «жемчуг», то есть *Жемчужная* и т. д.

В более ранние эпохи географические названия с чужих языков передавали в большинстве случаев по принципу «как слы-

шим — так и пишем». Интересно в этом плане сравнить название столицы Швеции, зафиксированное в ряде памятников древнерусской письменности в форме мужского рода — *Стекол(ь)н*, с современной формой — *Стокгольм*. В Никоновской летописи под 1496 годом читаем: «Августа 19, в пяток, приидоша пѣмци из замориа, из Стеколна Свейскаго государства...».

В отчете русского посла в Швеции И. М. Воронцова о посольстве 1567—1569 годов сказано: «И того же дни в Стекольне у пристанища на берегу встретили послов бояре королевские...» (Путешествия русских послов. Статейные списки. М.—Л., 1954).

Мнение о том, что форма *Стекольн* (*Стекольна*) возникла якобы исключительно потому, что московских послов удивили стекла вместо слюды в домах шведской столицы, следует считать преувеличенным, возникшим под влиянием ложной этимологии. В действительности же, форма *Стекольн* — один из примеров упрощенно-фонетического освоения иноязычного названия (см.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 395).

В отчете русского посла в Англии Г. И. Микулина встречаем английские топонимы, также переданные на русский язык в основном в упрощенно-фонетической форме с английского произношения: «А город Лунда Вышегород камен, не велик, стоит на высоком месте...; а через реку Темзь меж посадов мост камен» (Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 годах). Транскрипция топонимов *Лунда*, *Вышегород*, *Темзь* настолько далека от современной, что, пожалуй, только контекст и написание этих слов в языке-источнике позволяют «узнать» широко известные ныне названия: Лондон (London), знаменитый лондонский кремль Тауэр (The Tower), который переведен в тексте как Вышегород, и Темзу (The Thames). Текст в современной интерпретации звучал бы так: *город Лондон с Тауэром (кремлем) — каменный, небольшой, расположен на высоком месте, а через реку Темзу между кварталами — каменный мост.*

Правила передачи иноязычных топонимов на русский язык в различные эпохи были различными. Полного и абсолютно точного сближения исходной формы в языке-источнике с ныне принятой достичь в большинстве случаев трудно. Фонетические системы даже родственных языков имеют ряд значительных расхождений, поэтому *правильное* сегодня с течением времени может стать *неправильным*. Фонетическая норма — понятие исторически подвижное. Кроме того, все языки находятся в процессе постоянного развития. Поэтому едва ли было целесообразно менять, например, уже закрепившуюся традиционную форму широкоизвестного топонима Лос-Анджелос на Лос-Анджелес.

Проблема разграничения иноязычных топонимов по принципу:

«традиционное-нетрадиционное» осложняется тем, что четкого критерия для определения самого понятия «географическое название в традиционной форме» пока не выработано. До сих пор «нет полной определенности в вопросе о том, что дает право какому-нибудь названию считаться традиционным, какая степень известности для этого требуется, где кончаются собственно традиционные названия и начинаются просто ошибки и искажения» (Е. М. Поспелов. Сб. Транскрипция географических названий. М., 1957).

Среди исследователей данной проблемы единого мнения нет. Одни высказываются за передачу топонимов по соответствующим современным правилам, другие предлагают сохранить все без исключения традиционные формы географических названий. Очевидно, оба подхода следует признать односторонними, поскольку в этих случаях не учитываются важные признаки географического «традиционного названия» — частота и давность его употребления в заимствующем языке и образование от топонима ряда производных слов.

А. А. Реформатский в сборнике «Транскрипция географических названий» (М., 1960) пишет: «образование производных, и в частности нарицательных, — верный признак того, что производящее слово — факт данного языка, и если такое слово существует сто — двести — триста лет, то вычеркнуть его и его производные из языка уже невозможно...».

Действительно, трудно исключить из словарного состава русского языка такие привычные прилагательные, как *неаполитанский* (Неаполь), хотя правильная форма — *наполитанский* (от Наполи), *парижский* (Париж), *римский* (Рим), тем более, что сложились такие фразеологические сочетания, как *римский папа*, *римское право* и другие.

Давность заимствования, степень известности и активность словопроизводства в современном русском языке — вот, по нашему мнению, главные отличительные признаки традиционных географических названий. Топонимы, не имеющие этих признаков, нельзя считать традиционными — их следует передавать на русский язык по правилам современной транскрипции. Причем важно обеспечить стабильность в передаче иноязычных названий и не вносить научно необоснованных изменений в транскрипцию. Не потеряло своей актуальности замечание, сделанное более двухсот лет тому назад М. В. Ломоносовым: «Ежели для точнаго произношения разных иностранных речений вымышлять новыя писмена, то российская азбука (со временем) вдвое прибудет, и людей занадобится снова грамотъ переучивать».

А. В. БАРАНДЕЕВ
Рисунок В. Толстоногова

ОЛИМПИЙСКИЕ
АРЕНА
МОСКВЫ



На Сиреневом бульваре, одной из центральных магистралей Измайлова, завершается сооружение универсального спортивного зала с необычной кровлей-мембраной. Летом 1980 года этот зал станет местом встречи олимпийских тяжелоатлетов.

Старинное название *Измайлово* известно с конца XIV века. Так именовалось село, находившееся недалеко от столицы. В основе его названия, по-видимому, лежит фамилия *Измайлов*. В эпоху феодализма много наименований населенных пунктов образовывалось от антропонимов — фамилий, имен, прозвищ тех людей, которые были владельцами селений или же первопоселенцами в этой местности.

Некоторые исследователи связывают название Измайлова с родом бояр Измайловых, но достоверных доказательств этому нет. Известный историк И. М. Снегирев писал: «Доселе наверное не известно, от чего получило свое название Измайлово, принадлежавшее к Васильцову стану и упоминаемое в писцовых и приправочных книгах 1571 и 74 годов. В Нижегородской губернии есть село Измайлово, откуда, по большей части, переселены были крестьяне на это место царями Михаилом Федоровичем, Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем...» (Воспоминания о подмосковном селе Измайлове).

С середины XVI века село Измайлово являлось вотчиной бояр Романовых. При царе Алексее Михайловиче (XVII век) оно значи-

тельно разрослось. Появились различные дворцовые постройки, стенольный завод, сады и оранжереи, в которых выращивались дыни, арбузы, виноград; зверинец с редкими животными и птицами (о нем сейчас напоминают названия: улица и переулок Измайловского зверинца).

На протекавших по Измайлову речках Измайловке (Серебрянке) и Пехорке «работными людьми» и солдатами было создано около 20 прудов. В них разводилась рыба. Были в Измайлове пруды и специального назначения: Пиявочный, в котором для лечебных целей разводились пиявки, Стекланный, который обслуживал стеклянный завод, Зверинский, вода которого шла на нужды большого зверинца. На острове, расположенном на Круглом пруду (или Виноградном), был построен царский деревянный дворец, окруженный вдоль берегов пруда каменными стенами.

Примечательна история названия Оленьего пруда. На старинных планах Измайлова и в архивных документах этот пруд называли *Оленьим*, а *Ольняным*. Дело в том, что царь Алексей Михайлович приказал прислать в Измайлово из Пскова «мастеровых людей по два человека, которые лес секут, и которые лес мочат и стелют, и которые лес строят на торговую руку, и которые Коленские полотна делают» (Русская историческая библиотека). Для замачивания льна был выкопан пруд, который получил название *Льяной*. Приехавшие псковичи в соответствии с особенностями своего говора называли его *Ольняной* и *Олляной*. Со временем в московской речи данное наименование превратилось из непонятного *Олляной* в более близкое и прозрачное, но неправильное *Олений*.

В Измайлове в детские и юношеские годы неоднократно и по долгу бывал Петр I. В один из своих приездов царь случайно обнаружил в амбаре близ Ольняного пруда судно — ботик, который потом был назван «дедушкой русского флота». Петр испытал его тут же, на реке и на Проспянском пруду.

Издавна в Измайлове процветал ткацкий промысел. В середине XVIII столетия здесь были шерстопрядильные и шелкоткацкие заведения, развито было и рукоделие. Об этом говорит старинная песня:

Во селе, селе
Измайлове,
Во приселочке —
Во Черкизове,
У дуба зеленого
Сидит девка, что ягода,
Точит пояс разных цветов,
Семи шелков.

Шерстоткацкая фабрика, открытая в начале XIX века в Измайлове, явилась родоначальницей огромной Измайловской мануфактуры, в просторечии называемой *Измайловкой*.

Почти до Великой Октябрьской социалистической революции Измайлово считалось дворцовым садом. Простому народу было запрещено даже гулять в Измайлове. В начале XX века рабочие Измайловской мануфактуры (и соседних с ней заводов и фабрик) часто проводили в Измайловском лесу конспиративные сходки, собрания.



Таким же древним, как *Измайлово*, является название *Крылатское*. Так теперь именуется олимпийский комплекс, расположенный на западе Москвы. Когда-то на этом месте находилось старое подмосковное село, упоминаемое в 1417 году в духовной грамоте великого Московского князя Василия Дмитриевича: «А ись сель из Московских даю своеи княгини... сельце Федоровское Свиблово на Юзъ и с мельницею, да Крылатское село, што было за татаромъ» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV—XVI вв.). Крылатское всегда было великокняжеским и вотчинным селом.

В дни Олимпиады-80 здесь будут проходить соревнования по гребле, велоспорту, стрельбе из лука. Уже в 1973 году в Крылатском (в Татаровской пойме) был открыт гребной канал с двумя дорожками протяженностью в 2300 метров. Рядом с каналом построено здание в виде ладьи. Это крытый велотрек, вмещающий шесть тысяч зрителей. Недалеко находятся «поля» для стрельбы

из лука с трибунами для зрителей, а также трасса для шоссейных велогонок, протяженностью 13,5 км.

Что значит название *Крылатское*, пока точно не известно. Историки не знают человека с такой фамилией, имевшего отношение к данному селу. Значит, это наименование происходит не от фамилии.

Слово *крылатский* нам встречается в памятнике письменности XVI века, называемом «Кормчая Балашова»: «Чловѣкы крылатскы ж яко орель по высокоу паря».

Возможно, что название села *Крылатское* связано с формой оврага, рядом с которым село находилось (от этого оврага и сейчас отходят маленькие овражки, напоминающие крылья). Подобные случаи в топонимике известны. Так, например, села *Корытня*, *Корытинка*, *Корытное*, расположенные в центральных областях РСФСР, получили название по форме близлежащих оврагов, напоминающих корыто.

Второе название местности — *Татаровская пойма* — довольно прозрачное: пойма — низменность, луг у реки, заливаемые в половодье; Татаровская — принадлежащая татару (татарину). Принадлежала она, видимо, какому-то татарскому мурзе, уехавшему из Золотой Орды на службу к великому Московскому князю. Село *Крылатское*, вероятно, было дано ему в кормление, то есть он получил возможность собирать с этого села различные поборы.

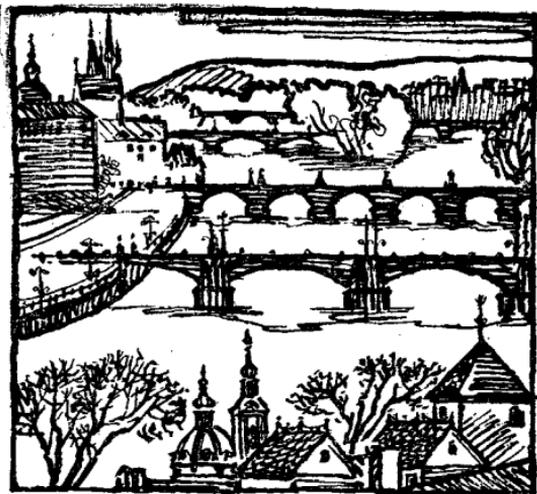
Давно исчезли подмосковные села *Измайлово* и *Крылатское*. Память о них сохраняется в названиях: *Измайловская улица, площадь, Измайловский проспект, бульвар; Крылатская улица, Крылатский переулок* и др.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Рисунки В. Комарова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Многие читатели интересуются значением и происхождением пословиц и поговорок, крылатых слов, а также литературой по фразеологии. Рекомендуем ознакомиться с такими словарями и книгами: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (М., 1967); Н. С. и М. Г. Ашукины. Крылатые слова (М., 1960); Н. М. Шанский. В мире слов (М., 1971); В. М. Мокиенко. В глубь поговорки (М., 1975) и др.



РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

ЯЗЫК ДРУЗЕЙ

Русский язык
в СССР

Подсчетами исследователей установлено, что знание русского языка открывает сейчас доступ к 60—75 процентам всей информации, существующей в мире. Поэтому понятно, что число изучающих русский язык за рубежом и прежде всего в социалистических странах растет быстрыми темпами.

Изучение русского языка в Чехословакии восходит еще к середине XIX века. Уже тогда русистика как самостоятельная дисциплина преподавалась на философских факультетах Карлова университета в Праге, Университета имени Пуркине в Брно.

В 1937 году профессора Университета имени Пуркине в Брно опубликовали воззвание: «Ввести преподавание русского языка в средних школах!». До этого русский язык изучали в отдельных школах по инициативе учителей-энтузиастов.

Освобождение Чехословакии от гитлеровского фашизма в 1945 году стало поворотной вехой в истории страны. Программой строительства новой жизни в ЧССР предусматривалось всестороннее сотрудничество с Советским Союзом. В выполнении поставленных задач немаловажная роль принадлежала специалистам в области русского языка. В связи с этим в 1945—1946 учебном году русский язык был введен в учебные планы общеобразовательных и средних школ. Возникла острая необходимость в квалифицированных преподавателях, учебниках, словарях, методике обучения русскому языку. Всесторонняя помощь со стороны правительственных и партийных организаций помогла решить эту проблему. Большую поддержку молодым русистам оказали в этот период научные работники старшего поколения. Они вместе трудились над разработкой

программ, выпуском учебников и методических пособий, вместе создавали тот уровень чехословацкой русистики, которым мы вправе теперь гордиться.

С самого начала была очень ценной помощь Советского Союза, который уже в 1946 году принял первые группы чехословацких студентов в советские вузы. Среди них были и будущие университетские кадры русистов. В 1953 году был основан Институт русского языка и литературы в Праге, где советские и чехословацкие специалисты совместно готовили будущих преподавателей-русистов и переводчиков.

Чтобы обеспечить школы квалифицированными кадрами, с 1946 года преподавание русского языка было введено в педагогических вузах, а с 1961 года русский язык стал одним из обязательных предметов во всех вузах Чехословакии.

Программы, учебники, методические пособия были подготовлены сотрудниками Исследовательского педагогического института [русского отделения].

В 1949 году был создан Совет Экономической Взаимопомощи [СЭВ]. С этого момента русский язык в ЧССР ставится составной частью не только двусторонних, а и многосторонних связей в социалистическом содружестве. Под влиянием деятельности СЭВ расширяются и общественные функции русского языка. Он становится необходимым средством международного общения и широко употребляется в разного рода учреждениях. Так, например, НИИ угольной промышленности в Остраве — Радваницах в 60-е годы отказался от переводов научно-технической литературы на чешский язык, так как многие сотрудники, участвующие в работе СЭВ, уже овладели русским языком.

Большую роль в обучении русскому языку взрослого населения страны сыграли Народные курсы русского языка, которые были организованы в 1948 году Союзом чехословацко-советской дружбы (СЧСД). Это было первым воплощением в жизнь стремления обучить массы трудящихся русскому языку, чтобы облегчить и ускорить с его помощью решение государственной задачи целенаправленного использования советского опыта в строительстве социализма.

За 10 лет (1949—1959) на Народных курсах русского языка, организованных Союзом чехословацко-советской дружбы, обучалось 3,5 миллиона трудящихся, а с 1959 по 1965 год, когда они были заменены разного рода специализированными курсами, — свыше 7 миллионов человек.

Курсы ставили перед собой задачи практические — использование знания русского языка при решении народнохозяйственных проблем; познавательные — ознакомление чехословац-

ких трудящихся с жизнью Страны Советов через русский язык; воспитательные — овладение русским языком в целях укрепления дружбы между чехословацким и советским народами. Успехи народных курсов русского языка — неоспоримы.

Международная конференция русистов в Праге в 1975 году отметила ценные положительные стороны тридцатилетнего обучения русскому языку в ЧССР и прежде всего роль русского языка в укреплении дружбы с народами Советского Союза, в развитии чехословацко-советского сотрудничества.

Современный этап общественных функций русского языка в ЧССР характеризуется усилением роли русского языка в общественных процессах социалистической Чехословакии. Учитывая это, междисциплинарная группа Института русского языка при Педагогическом вузе в Остраве задалась целью исследовать общественные функции русского языка в современных условиях. Методы исследования, первые его результаты представлены в сборнике докладов и выступлений на международной конференции русистов, состоявшейся в Остраве в 1977 году.

Исследование ведется при активном участии и конкретной научно-организационной помощи со стороны ряда советских учреждений, прежде всего Института русского языка имени А. С. Пушкина в Москве и его чехословацкого филиала, открытого в Праге в 1976 году, а также Института русского языка и Института языкознания АН СССР.

В настоящее время в стране продолжается интенсивное изучение русского языка, преподавание его в качестве одного из общеобразовательных предметов в школах, вузах, на подготовительных курсах. В технических вузах и на нефилологических факультетах университетов русский язык изучается, как правило, в течение года. Основная цель его изучения — чтение литературы по специальности, общение в повседневных ситуациях.

На педагогических факультетах университетов и в вузах, готовящих учителей основных девятилетних школ, русский язык является профилирующим предметом для студентов-русистов и основным иностранным языком для студентов других специальностей.

Особое место среди филологических вузов занимает институт переводчиков при Университете им. 17 ноября в Праге. Из пяти иностранных языков, которые здесь преподаются, два — обязательные, причем русский — основной иностранный.

Огромную работу в подготовке преподавательских кадров научных работников ведет Чехословацкая Академия наук [Отделение русского языка].

При изучении русского языка в филологических институтах особое внимание в настоящее время уделяется изучению культуры советского народа. В программу включены такие дисциплины, как русская и советская литература, русская и советская история, страноведение СССР.

В практику работы педагогических институтов в последние годы вошло новое начинание, ставшее своеобразной традицией, — установление непосредственных контактов с советскими вузами: приглашение советских лекторов, обмен студенческими группами и т. д. Так, при Волгоградском педагогическом институте имени А. С. Серафимовича (СССР) уже более 10 лет действуют курсы русского языка, созданные для студентов национального чехословацкого отделения. Стажироваться чехословацкие студенты приезжают в Волгоград после двухгодичного изучения будущей специальности (преподаватель русского языка) в вузах ЧССР (см: «Русская речь», № 4, 1978, с. 102).

Большим успехом пользуются в стране летние курсы русского языка для преподавателей, а также лагеря для учащихся основных девятилетних и средних школ, куда также приглашаются советские специалисты.

В городах и селах, в школах, на заводах и других учреждениях работают клубы русского языка для молодежи и взрослых (сейчас их более 900 в ЧССР).

Ежегодно в стране проводятся олимпиады по русскому языку, в которых участвуют тысячи школьников.

Большую помощь изучающим русский язык оказывают курсы русского языка по радио и телевидению.

Из сказанного ясно, что широкое изучение русского языка в ЧССР — явление закономерное и постоянно развивающееся. И сегодня с особым уважением вспоминаешь слова, которые произнес еще в прошлом веке словацкий деятель культуры М. М. Годжа: «Нет сомнения, что от русского языка каждый получит большее удовлетворение, чем от любого другого иностранного языка. Всенародным органом славянства, действительно, является русский язык». Добавим только, что теперь внимание всего мира обращено к русскому языку, языку правды и разума, международному языку народных масс.

ЙОЗЕФ СКАЦЕЛ,

*профессор Педагогического института
г. Острава, Чехословакия*

Рисунок В. Комарова



ФЕХТОВАНИЕ И «ФЕХТОВАЛЬНЫЕ» СЛОВА

Великий француз Мольер, живший в век, когда оскорбление чести дворянина вело к поединку на шпагах, назвал фехтование «искусством наносить удары, не получая их». В более широком смысле фехтование — система приемов нападения и защиты, позволяющая успешно действовать любым холодным оружием.

Эти практические навыки испокон веков реализовывались или в бою (к нему следует отнести и поединок чести), или в том, что имитировало бой, — в зрелищном единоборстве. Смертельно опасное мастерство вести бой холодным оружием демонстрировали еще римские гладиаторы — эти профессиональные «фехтовальщики». В средние века владение холодным оружием считалось одной из благородных страстей рыцаря. До середины XIX столетия фехтование было важным элементом дворянского обучения.

Но фехтование — это не только «искусство наносить удары». Вряд ли мы назовем кровавую схватку греков и персов у Фермопиды (480 год до нашей эры) фехтованием. И вряд ли шекспировский Ромео, превзошедший Тибальдо в мастерстве владения шпагой и заколовший его, в данный момент занимался фехтованием.

Фехтование, приближающееся к его современному пониманию, началось тогда, когда владение холодным оружием стало контролироваться регламентом, а поединок приобрел характер публичного соперничества.

Фехтование — в тех основных регламентированных формах, которые дошли до наших дней, — зародилось в Западной Европе в XV веке. В России оно появилось (не умение владеть холодным оружием, которое искони было присуще русскому народу, а именно фехтование) в позднюю Петровскую эпоху, само же название пришло через польское языковое посредство из немецкого языка (*fechten* «сражаться, фехтовать»). Фехтование культивировалось в основном в военно-дворянской среде, а его словесное наименование стало у нас фактом литературного языка: «Через сие сообщается: ежели кто детей своих для обучения в танцевании и фехтовании помянутому танцмейстеру отдать изволит, те б пожаловали — приезжали к нему, Безонкуру, на двор» («Санкт-Петербургские Ведомости», 1741, № 19). Разумеется, слово *фехтование* не было одиноким: рядом с ним бытовали однокоренные *фехтовать* и *фехтовальный* (*фехтовальная школа, фехтовальный зал, фехтовальный мастер, чаще называемый фехтмейстером*): «По долгом сражении, при котором все фехтовальное искусство как в наступлении, так и в обороне видеть можно было, потащил каждый победитель побежденного с места долой» («Примечания на Ведомости», 1738, ч. 49).

В XVIII веке большое распространение у нас получило дуэльное фехтование. Кто не помнит сцену из «Капитанской дочки» Пушкина: «... мы остановились у самой реки и обнажили шпаги... Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника... Наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку».

Исторически сложилось четыре разновидности фехтования: военно-прикладное (обучение ведению боя), дуэльное, спортивное и сценическое, имитирующее бой или дуэль. В наше время массовым является только фехтование спортивное.

Пройдя длительный путь развития и «испробовав» множество видов холодного оружия (меч, копьё, саблю, шпагу и т. д.), нынешнее (имеется в виду спортивное) фехтование охватывает три вида клинкового оружия. На чемпионатах СССР, Европы и мира, на Олимпийских играх единоборство проводится по рапире (мужчины и женщины), сабле и шпаге (мужчины). До 1958 года в СССР существовал и четвертый вид спортивного фехтования — на карбинах с эластичным штыком.

Уступая в популярности таким видам спорта, как футбол, хоккей и др., привлекающих внимание миллионов людей, спор-

тивное фехтование тем не менее привело в литературный язык несколько слов. Прежде всего — в соответствии с основными разновидностями нынешнего фехтования — это наименование спортсменов: *рапирист* (и *рапиристка*), *саблист* и *шпажист*, выпорхнувшие из фехтовальных залов на страницы многотиражных газет и журналов в 60-х годах: «Рапиру называют матерью фехтования. Наверное, поэтому и чемпионат мира начался с личного турнира рапиристов» («Комсомольская правда», 7 июля 1966); «Сложная обстановка возникла на турнире саблистов, которые оспаривают в Москве титул чемпиона мира» («Советская Россия», 10 июля 1966); «Когда шпажисты закончили выступления в финале, их шпага, казалось, уже накалилась до предела» («Сельская жизнь», 11 декабря 1969).

Если существенные, обозначающие виды холодного оружия (*рапира*, *сабля*, *шпага*), и соответствующие прилагательные (*рапирный*, *сабельный*, *шпажный*) давно известны русскому языку (с «дофехтовальной», то есть дошetroвской поры), то слова *рапирист*, *саблист*, *шпажист* ввел в литературный обиход именно фехтовальный спорт.

Одному из «фехтовальных» слов неожиданно повезло: оно стало широко известным. Это *мушкетер*: «Сейчас перед мушкетерами сборной СССР стоит трудная задача» («Комсомольская правда», 7 июля 1966); «О популярности фехтования среди молодежи говорит хотя бы такой факт, что в нынешней сборной представлены мушкетеры из девяти городов страны» («Известия», 4 апреля 1969).

Как же получилось, что старинный солдат, вооруженный мушкетом, превратился в современного фехтовальщика? Цепочка понятий здесь такова: мушкетеры — пехотинцы, вооруженные мушкетами (XVI — XVII века); мушкетеры — конная гвардия французских королей (XVII—XVIII века), состоявшая из дворян, имевших на вооружении мушкеты, а в качестве личного оружия (и по дворянской традиции) — шпагу; мушкетеры — герои прославленного романа А. Дюма «Три мушкетера», достигающие своих целей храбростью, дружбой и конечно же шпагой. Отсюда — по законам ассоциативного мышления — рукой подать и до нынешних мушкетеров: «Даже д'Артаньян мог бы позавидовать ловкости и темпераменту юных мушкетеров, которые завершили... розыгрыш лично-командного первенства страны по фехтованию» («Сельская жизнь», 11 декабря 1969). [Подробные сведения об истории современного слова *мушкетер* — в статье В. С. Шварцкопфа «Есть мушкетеры, есть!» — «Русская речь», 1968, № 5].

Появившись лет пятнадцать назад в спортивной прессе в новом значении, слово *мушкетер* вошло в арсенал выразительных

средств языка. Только сразу же следует отметить, что оно не стало подлинным синонимом слова *фехтовальщик*: этому мешает его экспрессивный, «романтический» характер, задержавший слово на уровне текстуального синонима (такие синонимы живут лишь бок о бок, в одном контексте со своими стилистически нейтральными собратьями): «Золото мушкетеров... Победой ленинградских шпажистов вчера в Одессе завершился чемпионат СССР по фехтованию» («Вечерний Ленинград», 14 мая 1973); «На чемпионате мира по фехтованию среди юниоров советская команда набрала 40 очков, опередив ближайших соперников — румынских мушкетеров — на 11 очков» («Правда», 17 апреля 1974). Как видим, в образовании нового значения слова *мушкетер*, в прямом значении давно известного русскому языку, приняли участие история, художественная литература и образное мышление.

Предстоящие московские Олимпийские игры привлекут к соревнованиям и к спортивной информации внимание миллионов. Спортивная лексика на какое-то время станет основной лексикой дня. В речи комментаторов и болельщиков, на страницах специальной и общей прессы зазвучат и «фехтовальные» слова. Успехи наших фехтовальщиков (рапиристов и рапиристок, саблистов и шпажистов), короче — наших мушкетеров будут способствовать популяризации в стране не только самого фехтования, но и фехтовальной лексики.

Е. А. ЛЕВАШОВ

Рисунок В. Комарова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Немалое место среди читательской корреспонденции занимают письма, авторы которых обращаются с просьбами к редакции журнала помочь им приобрести номера «Русской речи», различные словари и справочники. К сожалению, помочь редакция может только советом. С вопросами, связанными с приобретением номеров журнала, следует обращаться в Центральную контору «Академкнига» (103124 Москва, К-12, Б. Черкасский переулок, 2/10). Справочную литературу можно заказать в ближайших магазинах «Книга — почтой» (адреса приведены в 1 номере газеты «Книжное обозрение» за 1979 год).



«ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ»

Восстань, пророк, и вждь,
и внемли,
Исполни волюю моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

А. С. Пушкин. Пророк

СТИХОТВОРЕНИЕ Пушкина «Пророк» связано с раздумьями над вопросом о назначении поэта, о целях поэтического творчества. Высокая тема общественного долга поэта — быть глашатаем великих истин — определяет обращение к той специфической группе слов книжной лексики, которая несет на себе окраску особой торжественности или поэтичности. Привлечение их соответствовало нормам поэтического языка той поры. Естественно поэтому наличие в стихотворении Пушкина слов *глагол* 'слово, речь', *глас* 'голос', *десница* 'правая рука; рука вообще', *зеницы* 'глаза', *уста* 'губы', *восстать* в первоначальном значении 'встать, подняться', *перст* 'палец руки', а также архаических грамматических форм повелительного наклонения глаголов — *внѣмли* (с ударением на первом слоге; от *внимать*) и *виждь* (от *видеть*).

Между тем высокая стилистическая окраска, «торжественность» не всегда были присущи слову *глагол*. Это существительное восходит к общеславянскому лексическому фонду и наряду с однокорневыми *глаголати* 'говорить', *глаголание* и *глаголение*, *глаголивый* 'имеющий способность говорить, говорящий', *глагольник* 'оратор, обвинитель' является одним из древнейших в русском языке. Материалы «Словаря русского

языка XI—XVII вв.» свидетельствуют о том, что перечисленные слова первоначально употреблялись в разнообразных видах письменности (в житийной литературе, летописных списках, «сказаниях»), а это указывает на их нейтральный характер. Не имели они в древности и какой-либо дополнительной экспрессии.

*

В XVIII — начале XIX века, в связи с формированием норм литературного словоупотребления, в словарном составе русского языка происходят существенные изменения. Они коснулись и слов с корнем *глагол*.

Одни из названных слов безвозвратно уходят из языка. Например, *глаголивей* и *глагольник* (последнее вытесняется заимствованным *оратор*). Это, однако, не исключает возможности использования их (пусть крайне редко) в художественной литературе. Так, в романтической повести декабриста А. А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур» встречаем: «Дагестанские горожане, народ необыкновенно церемонный и *красноглаголивей*, — достойные подражатели персиян».

Другие заметно архаизируются и выходят из речевой практики, но остаются при этом достоянием языка литературы. К ним относится существительное *глагол*, которое употребляется в основном в языке поэзии: «Небесно вдохновенье! Не скрыто от тебя сердечное движенье, Ты в старцевы уста *глагол* вложило сей И сладость оно влило в сердца князей» (К. Н. Батюшков. Освобожденный Иерусалим); «Но лишь божественный *глагол* До слуха чуткого коснется, Душа поэта вострепнется, Как пробудившийся орел» (А. С. Пушкин. Поэт); «И устремлялися все взоры на него, И силой слова своего Вития властвовал народным произволом, — Он знал, кто он; он ведать мог, Какой могучий правит бог Его торжественным *глаголом*» (Е. А. Баратынский. Рифма).

Эти и подобные употребления существительного *глагол* в стихотворных текстах, а также отсутствие его в разговорной, деловой, научной речи позволяют утверждать, что в первой трети XIX века слово *глагол* употреблялось в литературе в ряду стилистически окрашенных слов, создающих атмосферу особой приподнятости, торжественности. Сходную функцию выполняет оно и позднее: используется чаще всего в поэтической и торжественно-публицистической речи: «Из уст певца течет, благовествуя, Как колокол гудящей твой *глагол*» (В. Г. Бенедиктов. Поэзия); «Но кто в самом себе уверен, Того хулы не потрясут — Его *глагол* величествен, Ему чужой не нужен суд» (А. К. Толстой. «Пусть тот, чья

честь не без укора...»); «Когда поэзия есть живой глагол действительности,— она великая вещь на земле» (В. Г. Велинский. Русская литература в 1844 г.).

Сейчас существительное *глагол* воспринимается как явно устаревшее. Однако оно остается в арсенале художественных средств современной литературы и публицистики — с сохранением стилистической окраски «высокого», «торжественного». Показателем архаичности данного слова является тот факт, что его применение в литературе нередко перекликается со словоупотреблением Пушкина. Например, отзвук словесного выражения Пушкина сразу ощутим в тексте передовой статьи «Правды» (5 июня 1944), перефразирующей заключительную строку «Пророка»: «Слово о Родине, о великих деяниях народа, о событиях его истории, о великих людях нации должно быть страстным глаголом, зажигающим сердца».

*

Поэтической традицией, а иногда и определенным назначением мотивировано обращение к этому слову современных поэтов: Е. Винокурова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др. (см. об этом: Н. Н. Иванова. Высокая и поэтическая лексика.— В кн.: «Языковые процессы современной русской художественной литературы». Поэзия. М., 1977).

Интересно отметить, что со временем у некоторых слов того же корня сокращается круг значений. Так, слово *глаголати*, имевшее в древности, по данным «Словаря русского языка XI—XVII вв.», три значения — ‘говорить’, ‘называть’, ‘наговаривать на кого-либо’, в пушкинское время употребляется только в значении ‘говорить’: «Байрон... глаголат и пел от избытка чувств, а не подносил песен своих на суд почтеннейшей публики» (П. А. Вяземский. Новые книги).

Сужение смыслового объема слова *глаголати* выражается и в том, что в XIX веке оно в основном встречается в составе устойчивых выражений, пословиц. Например: «Аминь, аминь глаголю вам. Он [Языков] всех нас, стариков, за пояс заткнет» (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 9 ноября 1826); «— Мудрость, мудрость глаголет твоими устами: ручку... — говорил Опенкин (И. А. Гончаров. Обрыв); «Устами младенца глаголет истина»; «Язык мой — враг мой: прежде ума глаголет».

Часть слов рассматриваемого словообразовательного гнезда в период формирования русского литературного языка видоизменяет значение и приобретает экспрессивную окраску. Это было выз-

вано потребностью в речевых средствах сниженного стилистического тона. Например, суффиксально-префиксальное образование *разглагольствовать* в течение длительного времени имело значение, определявшееся корнем, и применялось как нейтральное в значении 'разговаривать, беседовать'.

Еще в конце XVIII — начале XIX века оно употреблялось в этом значении без отрицательной оценочности. Так, в издававшемся И. А. Крыловым журнале «Почта духов» встречаем: «Вельможи *разглагольствовали* таким образом с государем» (Письмо 45).

Материалы показывают, однако, что именно в последние десятилетия XVIII века под воздействием диалектного *голоболить* 'говорить что-либо забавное, шутить', а, возможно, вследствие иронического переосмысления первоначального значения, у слова *разглагольствовать* возникает оценочное значение, известное и современному языку — 'многословно, бессодержательно или высокопарно рассуждать'. Показателен такой имеющийся в Картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.» пример из литературы 80-х годов XVIII века: «Мужик... начал было кой что еще *разглагольствовать*, но сапожник, который был, как говорится, себе на уме, пресек его балы». Новое значение слова и его экспрессивность особенно отчетливо проступают здесь благодаря наличию в контексте существительного *балы*, которое определяется в «Словаре русских народных говоров» так: 1. Пустые, веселые разговоры, шутки, беседы на досуге; болтовня; 2. Сплетни, ложь.

Наметившееся в XVIII веке значение с упомянутой стилистической отмеченностью свойственно слову *разглагольствовать* на протяжении XIX века и в последующий период: «Мечеть эта,— так станете вы *разглагольствовать*, пощелкивая указательным пальцем по табакерке..., по всей вероятности, была в старину христианскою церковью» (А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур); «Во всю дорогу герр Клюбер *разглагольствовал*... и *разглагольствовал* один; никто, никто не возражал ему, да никто и не соглашался с ним» (И. С. Тургенев. Вешние воды). «Порфирий Владимырьч *разглагольствовал* долго, не переставая. Слова бесконечно тянулись одно за другим» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); «Никитин учил мальчишку столярному делу и за неимением собеседника часами *разглагольствовал* с ним о старинной мебели, о различных свойствах дерева...» (К. Г. Паустовский. Северная повесть).

Подобные изменения в семантике и стилистической окраске происходят также в отглагольных существительных *разглагольствие* и *разглагольствование*. Сферы их употребления в конце XVIII — начале XIX века свидетельствуют о сосуществовании двух окрасок — нейтральной и стилистически маркированной. Подтверж-

дением нейтрального употребления слова *разглагольствие* может быть использование его Н. Яновским — составителем одного из словарей начала XIX века. Определяя слово *диалог*, Н. Яновский применяет слово *разглагольствие* как нейтральное в смысле 'рассуждение'. «Диалог,— пишет Н. Яновский,— это разговор, род сочинения, в котором содержатся *разглагольствия* о какой-либо материи...» (Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803). Однако начиная с первой трети XIX века существительное *разглагольствие*, а также *разглагольствование* употребляются в новом значении — 'многословное, бессодержательное или высокопарное рассуждение', имеющем отрицательную эк-



спрессию: «Вот все, что могу отвечать Вам на Ваши вопросы, да и места нет для большего *разглагольствия*» (П. А. Вяземский. Письмо Я. К. Гроту, 1874 г.); «Возгласами и *разглагольствованиами* дело не спорится; криком изба не рубится» (В. И. Даль. Полтора слова о русском языке); «Жоржзандовские *разглагольствованиа* никак не очистят той, которая раз уронила себя перед самою собою» (В. К. Кюхельбекер. Дневник).

Таким образом, в первой трети XIX века происходит разграничение слов с корнем *глагол* по стилистической окраске, степени употребительности, сфере распространения.

Е. П. ХОДАКОВА

Привычное слово *шапка* удивительно многозначно и способно выступать переносно в составе образных выражений. Так, в стихотворении С. Есенина «Разбуди меня завтра рано...» читаем:

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

В современном русском языке *шапка* является прежде всего общим обозначением головного убора, преимущественно теплого. Впервые слово отмечается в русских письменных памятниках начала XIV века и относится к тюркским по происхождению заимствованиям.

Первоначально, видимо, употреблялась форма *шапа*. Так, например, в одной из описей имущества 1771 года встречаем: *шапа триповая*.

Определенное время форма *шапа* и уменьшительная *шапка* существовали, затем первая почти бесследно исчезла, а слово *шапка* быстро утратило уменьшительное значение, как например, *феска*, *фуражка*, *кепка* и т. п., где *-к-* уже не воспринимается в качестве суффикса уменьшительного значения.

Одним из наиболее ранних значений *шапки* было «венец». Так, в материалах картотеки словаря древнерусского языка XI—XVII веков находим: «и взял шапку, сиречь венец, да перекрестил великого князя крестом, и положил на него шапку» (1547). Не случайно в качестве венца великих князей и царей русских употреб-

лялись шапка *Великокняжеская*, шапка царства *Казанского*, *Алмазная шапка ц. Петра Алексеевича*, шапка *Мономаха*.

Однако это значение слова сравнительно рано вышло из употребления и отмечается только архангельскими говорами: шапка — «венец, который накладывался в церкви во время венчания...».

Возможно, первоначально шапка относилась только к царско-княжеской одежде. Она являлась мужским головным убором определенного фасона, из дорогого меха и материала, украшенного яхонтом и жемчугом. Но уже памятники XVI века при помощи определений *мужская* и *женская* отражают употребление шапки в качестве общего головного убора.

Менялись покрой, материал, принадлежность, назначение шапки, и расширялась сфера её использования. Постепенно слово шапка превратилось в родовое название, приложимое к любым головным уборам. Правда, в отдельных говорах шапка до сих пор соответствует какому-либо определенному виду головного убора: так, в терских говорах — это «папах»; в печерских — «пуховой колпак»; в архангельских — «кепка» и «капюшон» и т. д.

Русские диалекты отражают большое число специальных названий шапки: шапка-наушка, шапка-заломачка, шапка-ушанка, шапка-валёнка, шапка-рогачка, шапка-кубашка, шапка-колпак и т. д.

Широкое вхождение самого предмета в обиход и активное использование его названия в речи способствовали образованию устойчивых сочетаний, в которых шапка получила различные фразеологически закрепленные значения. Общеупотребительными являются такие выражения, как *Получать по шапке* — «быть наказанным»; *Шапками закидаем* — «легко и быстро победим, одолеем»; *На воре шапка горит* — «кто-либо невольно или случайно сам обнаруживает, выдает то, что больше всего хочет скрыть»; *По Сеньке и шапка* — «кто-либо того и достоин, что-либо того и заслуживает».

В Рязанской области известны сочетания: *Шапку (или Шапки) не ломать* — «не здороваться, не обращать внимания на кого-, что-либо»; *Не возьму шапку золотых* — «ни за что»; *Под шапку шептать* — «говорить за глаза».

В томских говорах отмечено: *Подойматься под шапку* — «подниматься шапкой (о тесте)». На Брянщине и Орловщине еще в начале столетия говорили: *Шапку сниму* — «угроза кредитора».

обесчестить должника в случае неплатежа последним денег в срок».

Широко представлено слово в поговорках и пословицах. Уже в «Письмовнике... Н. Курганова» (1790) встречаем: *Времена шапки, береги шапки*. Очень много фразеологизмов, включающих *шапку*, представлено в Толковом словаре В. И. Даля: *Каков Пахом, такова и шапка на нем; Без жены, как без шапки; И под дырявой шапкой живет голова* и другие.

Большая образность слова *шапка* проявилась в развитии у него переносных значений. В русских народных говорах известно до двадцати значений, возникших путем переноса наименования шапки на различные предметы. Так, в хозяйственно-бытовой терминологии шапка выступает в значениях «деревянная посуда» и «верхняя часть сундука»; в речи строителей *шапка* — «верхний косяк у окна» и «верхняя горизонтальная перекладина между ушками дверной и оконной рамы». В качестве специального термина полиграфистов *шапка* обозначает «заглавие». Особенно широко представлено слово в сельскохозяйственной терминологии.

Во многих местах европейской части СССР известны травянистые растения под названиями: *шапка бурачья, шапка болотная, шапка полевая, шапошник*. Почти повсеместно в русских говорах слово *шапка* употребляется для обозначения «верхнего снопа копны». А в архангельских говорах *шапкой* или *шапочкой* называют бутон, цветок, соцветие, шляпку гриба, гребешок курицы и птичье гнездо.

Одним из наиболее старых переосмыслений, наблюдавшихся еще в древнерусском языке, является *шапка денег*. В сказке П. П. Ершова «Конек-горбунок» читаем: «...Продаешь ты?» — «Нет, мевяю». — «Что в промен берешь добра?» — «Два-пять шапок серебра».

Изменение исходного значения слова *шапка* шло различными путями. Наиболее широко представлен метафорический перенос на основе внешнего сходства предметов: «цветы, верхний сноп»; по тождеству функции: «заглавие»; по сходству эмоциональных восприятий: «волосы шапочкой», «собрать волосы в шапку». Такие значения, как «шляпка гриба», «голова», представляют результат переноса по смежности.

В художественных текстах нередки случаи образного использования слова *шапка*. Так, в сказке П. П. Ершова «Конек-горбу-

нок» есть пример употребления *шапки* как «меры измерения света»:

...Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван,
«Что, — сказал он, — за шайтан!
Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо — огонек!»

Но если данное образное значение *шапки* остается лишь индивидуально-авторским средством создания особой выразительности, то, напротив, некоторые из переносных значений являются общеупотребительными. Так, в стихотворении С. Есенина «Инония» читаем:

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер,
Вижу тебя, Инония,
С золотыми *шапками гор*.

В значении «то, что покрывает что-нибудь куполообразно, шапообразно» встречается *шапка* в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: «...а дальше синелись зубчатою стеною горы и из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке».

В результате переосмыслений, вызванных разного рода ассоциациями, слово *шапка* вышло за рамки своей «законной» тематической принадлежности и стало использоваться в ряду многих других терминологических систем.

Р. А. ЮНАЛЕЕВА

Рисунок В. Комарова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Различием в словах *поднимать* — *подымать* и *видеть* — *видать* интересуется В. В. Филиппов из Тулы. Слова *поднимать* — *подымать* совпадают в значении, но различаются стилистически: *поднимать* — нейтральное слово, *подымать* — разговорное. То же можно сказать о *видеть* — *видать*. Кроме того, глагол *видать* также употребляется в значении «видеть неоднократно, много раз».

ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Не иссякает поток читательских писем с вопросами о происхождении фамилий. К сожалению, далеко не все указывают при этом, где возникла фамилия, а это очень важно: ведь одно и то же слово в разных местностях имеет совершенно разные значения (*бурак* в южной и средней полосе — «свекла», а на севере — «корзина» и т. п.). Не всегда указывают читатели и место ударения в фамилии.

Из сотен фамилий, о которых спрашивают читатели, десятки не поддаются объяснению. В некоторых случаях бывает ясна основа, но не прямая, а отдаленная, например: Буравцов — налицо связь с *бурав* «сверло», но ведь непосредственная основа фамилии, конечно, *буравец* — это слово отмечено у В. И. Даля с тем же значением, что и *бурав* («Буравецъ или сверло, сверлякъ». — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Наше обращение к читателям с просьбой подумать над загадками некоторых фамилий принесло хорошие плоды: многие откликнулись и помогли решить несколько сложных задач, в том числе раскрыть происхождение такой трудной фамилии, как Понтанов. Просим читателей, особенно историков языка и диалектологов, продолжить поиск этимологий следующего ряда фамилий: Абанеев (Ставроп. край), Гандурин (Ивановск. обл.), Гасьмаев, Кандауров или Кондоуров, Лябин, Мурунов, Фиронов (Белгород. обл.), Чекулаев, Чикалев, Чувилкин, Чуфарин, Шевальцев, Шиванов (предположительно Горьковское Заволжье), Щепетов.

Африя. Спрашивает читательница Н. Африна (Свердловск. обл.). Первоначально — отчество от краткой формы *Афра* (*Афря*) канонического мужского имени *Африкан* (были еще имена *Афр*, *Афродисий*, но они употреблялись реже).

Ванчиков. Спрашивает Г. Б. Ванчикова (г. Закаменск, Бурятской АССР). Первоначально

но — отчество от уменьшительной формы *Ваньчик* из канонического мужского имени *Иоанн* (*Иван*).

Векушкин (Ю. М. Векушкин, гор. Шумерля, Чуваш. АССР). Возможны различные предположения. Наиболее вероятно связь с нарицательным *векошь* «обноски, лом»; это слово привел в своем Словаре В. И. Даль, с пометой «твер-

ское». По можно привлечь и старинные русские слова *векша* «белка», *векоушка* «засидевшаяся в девках». Надежность этимологий обратно пропорциональна их количеству. По сообщению читателя, его родственники на Урале прозносили эту фамилию с ударением на 1-м, а не на 2-м слоге.

Вендеров. А. В. Вендеров (Москва) рассказывает семейное предание. В 80-х годах XIX века его дед, возвратясь с военной службы в родные места (Гороховецкий уезд Владимирской губ.), вместо прежней фамилии Венгеро́в, «привез» измененную — Венде́ров. Так и закрепилась она в этой форме за последующими поколениями потомков на родине, а также в Москве и Ярославле. Фонетическое изменение *г^в → д^в* не было регулярным. Но пример с фамилией не единичен. Так, «Словарь русских народных говоров» (вып. 4, Л., 1969) приводит донское название передней части русской печи: *венгерка* и *вендерка*; широко известен сорт слив *венгерка*, а в тульских говорах — *вендерка*. В детстве (Симбирск, первые десятилетия нашего века) я много раз слышала *андела*, вместо *ангела*. Подобное фонетическое изменение объясняется близостью артикуляции звуков *г^в* и *д^в*.

Гаранин. Интересуется происхождением своей фамилии А. И. Гаранин (Новосибирск). Первоначально — отчество от уменьшительной формы Гараня из канонического мужского имени Герасим (древнегреч. «почтенный»). Та же форма возможна и от канонических имен Герон, Геронтий, но их очень редко употребляли в России.

Горшков. спрашивает Л. А. Горшкова (Владимир). Отче-

ство от прозвища или нецерковного мужского имени Горшок, которое часто встречается в документах XVI—XVII века.

Гурьянов. спрашивает товарищ Гурьянова из гор. Шевченко Казахской ССР. Первоначально — отчество от разговорной формы Гурьян из канонического мужского имени Гурий.

Дормидонтов. Читательница из Апхабада цитирует: «Моя девичья фамилия была Дормидонтова. Еще в школьные годы я задумывалась над своей странной фамилией. За 58 лет ни разу не встречала однофамильцев». Первоначально — отчество от канонического мужского имени Дормидонт (древнегреч. «копьем владеющий»). В русской речи имя приняло форму Дормидонт. Правда, оно не стало слишком распространенным у русских, но встречалось не редко. Сейчас, например, в Москве среди владельцев личных телефонов — 21 Дормидонтов, 4 Дормидонова, 5 Дормидошиных.

Дронов. интересуется Н. В. Дронова (Московская обл.). Отчество от краткой формы Дрон, образованной из канонического мужского имени Андроник (древнегреч. *андрос* — «человек»).

Дрюини. спрашивает читатель А. П. Дрюини (Пермск. обл.). Фамилия связана с диалектным уральским словом *дрюпа* «брюква». Возможно, что в основе фамилии лежит прозвище Дрюпа из диалектного *дрюпень* «вялый, сонный» (симбирск.) или «разиня, простофиля» (тверск.), ярославское *дрюпить* «дрыхнуть, много спать» («Словарь русских народных говоров», вып. 8, Л., 1962).

Дулепов. спрашивает семья Дулеповых (г. Нижняя Тавда,

Свердлов. обл.). Отчество от прозвища Дулеп из нарицательного *дулеп* «бестолковый, высокий, неповоротливый» («Словарь русских народных говоров», вып. 8, Л., 1972).

Дырдин. Объяснить фамилию просит читатель А. Н. Дырдин (Московск. обл.). Отчество от прозвища Дырда из диалектного нарицательного *дырда* «длинноногий». Отчество от прощично-ласкательной формы того же прозвища стало фамилией Дырочкин (записана в Ульяновске, 1930).

Егачёв. Егин. Спрашивают Т. Машкова из Мурманска, А. Егин из Волгограда. Возможна связь с диалектным глаголом *егать* «злиться, горячиться» и «суетиться» (в пермских говорах). Глагол мог употребляться и в других местах, но не был, очевидно, записан. Возможно, что *ега* связано с «баба яга» или с диалектным уральским *ега* «шубы из козьей или волчьей шкуры». В отношении Егачёв не исключена тюркоязычная основа.

Зюбин. Спрашивает В. И. Зюбин (Киевск. обл.). Очевидно, это изменение украинской фамилии Дзюба (сочетание *дз* необычно для русского языка), укр. *дзюб* — «клюв», *дзюбаги* — «клевать». Но скорее всего фамилия связана с украинским нарицательным (а позже прозвищем) *дзюба* «девушка с лицом, изрытым оспой». Фамилия Дзюба достаточно часта, ее носил и выдающийся советский поэт, более известный по псевдониму Багрицкий.

Зюков. Спрашивает Л. Зюков (Москва). — Вероятно, это — отчество от прозвища или церковного мужского имени Зюк. Многие русские говоры сохранили слово *зюк* в значениях «звук, молва, слух, разговор, стук», а глагол *зюкать* —

«говорить» (калужск.), «сказать необдуманно» (смоленск.), «щентаться» (курск. и орловск.), «сильно бить, колотить» (тверск. и псковск.); в Словаре В. И. Даля указано и значение «пьянствовать» (без обозначения территории).

Казарин. Спрашивает Ю. Казарин (Свердловск. обл.). — В этой форме оказались тождественны имя, отчество и фамилия. В XV—XVI веках Казарин — только имя или отчество. Оно могло возникнуть из *хазарин* (в прошлом Нижнее Поволжье называли Хазарией, поэтому такое имя могло быть и у русского человека, жившего там) или из *козарь* «пасущий коз», или *казара* «гусь». Опричник *Казарин Дубровский*, казненый Грозным, — здесь Казарин еще имя, а не фамилия. Позже получили такую фамилию костромские купцы Казарины, как полагают, потому, что торговали с Нижним Поволжьем — Хазарией (но это объяснение не надежно).

Кандалинцев. Спрашивает В. М. Зотов из Оренбурга. — Первоначально отчество по имени отца, названного так по местности — *кандалинец*, то есть житель села Б. Кандаля или живущий у реки Кандаля (в левобережье Средней Волги, Ульяновск. обл.). Исторически правильно не Кандаля, а Кондала, по аккающее русское литературное произношение способствовало замене *о* → *а* — *кандала* (к слову *кандаль* не имеет никакого отношения).

Кокшаров. Интересуется происхождением фамилии Н. М. Кокшаров (Петрозаводск). Эта фамилия — отчество от именованя отца по местности Кокшенга (на юге Архангельской обл.). В XV веке город Кокшарск упорно от-

ставал свою независимость от Великого князя московского, который в 1452 году «город взял, а кокшаров сек множество». Те, кто бежал из города, подались на Урал и в Сибирь — там и стала частой фамилия Кокшаров.

Кондаков. Спрашивает В. М. Зотов (Оренбург). — Отчество от прозвища Кондак. В прошлом у слова *кондак* было 4 значения: «богослужебная песнь»; у церковнослужителей — «заплетенный в косичку и подвязанный на затылке пучок волос»; «хитрый, злобный»; «гнусавый».

Крнев. Интересуется А. Ф. Крнев (Москва). — Фамилия возникла в глубине Тамбовской губернии... Не исключена связь фамилии со словом *крень* «наклонить» (но не от *крень* «наклон»); архангельские *крени* «дровни» и «изогнутое бревно, на котором вращалась ветряная мельница» территориально далеки и ударение в них не на том слогe. Ряд примеров в истории русской лексики позволяет предположить, что существовало слово *крень* со значением «изгиб», но в русский литературный язык оно не попало.

Оболонский. Читатель Д. Е. Оболонский из Чебоксар спрашивает о происхождении своей фамилии. — Истоки происхождения этой фамилии следует искать в названии местности, из которой прибыл первый ее носитель. Старинное русское слово *оболонь* имеет значения — «обширная, болотистая и безлесная местность» и «слободка, предместье».

Пакулин. Спрашивает читательница С. Пакулина (г. Махачкала). Первоначально — отчество от прозвища Пакула из диалектного *пакула* «левша».

Пешкин. Читатель И. С. Пешкин (Москва) правильно

отмечает, что его фамилия «если не редкая, то малораспространенная». Он сообщает три предположения о ее этимологии, высказанных ему учителем еще в дореволюционной школе, когда возникла серьезная трудность в написании: *е* или *ѣ* (ять)? По словам автора, фамилия может иметь связь со словом *печка* (подобно Швепников из Свечников), или с еврейским женским именем Пеша (Пеша); действительно, фамилии от еврейских женских имен с суффиксом *к* нередки — Рывкин, Хайкин, Саркин и другие. Наконец, от *пешка* в современном значении, но таким ли частым было это слово, чтобы от него возникло прозвище, отчество от которого превратилось в фамилию? Скорее всего фамилия возникла из отчества от формы Пешка (более ранняя — Пешко), полученной из нарицательного *пешко* «пеший». Только от Пешка могло возникнуть отчество Пешкин (сын), так как лишь от основ на *а* образуются притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин* (основы на *о* требовали суффикса *-ов* — Пешков). Возникновение формы Пешка не исключено и из Пеша от канонического мужского имени Петр.

Пипа. Читательница Т. И. Ищенко (Донецк) спрашивает, не связана ли фамилия со старинной мерой ёмкости? — Действительно, такая мера ёмкости была: *пипа* — бочка на 40—50 ведер. Но фамилия едва ли связана с ней. Скорее следует искать связь с диалектным (псковск., тверск.) словом *пипа* «подслеповатый, близорукий».

Прудников. Отвечаем читательнице А. И. Прудниковой. Первоначально — отчество от именования отца по занятию:

в прошлом *прудник* — 'мельник на водяной мельнице'.

Пядочкин. В. Д. Пядочкин считает, что «фамилия бытовала в тургеневских местах (где и тургеневский Пеночкин)». Действительно, это территория самого густого скопления фамилий на *-очкин, -ечкин*, то есть возникновения отчества от насмешливо-ласкательной формы именованья с *-очк(а), -ечк(а)* и другими (в бассейне Верхнего Поочья — смежные уезды Калужской, Орловской, Тульской губерний). Фамилия Пядочкин возникла из отчества Пядочкин «сын Пядочки». Основа же могла быть связана с мерой длины: *пядь (пядя)* — «четверть аршина», расстояние между концами вытянутых пальцев руки — большого и указательного.

Руженцев. Спрашивает С. В. Руженцев (Новгород). — Первоначально отчество от именованья отца по его социально-

му положению: *руженец*. В основе именованья — *руга*: это установленная мера сборов на духовенство. На Севере этот сбор существовал долго (см. происхождение фамилии Ружников). Но автор письма сообщает, что фамилия — смоленская; он отмечает также, что среди предков были представители духовенства. Возможно, фамилия указывает, что и на смоленщине руга существовала поздно. *Руженец* — очевидно, 'состоящий на руге', то есть «живущий на ружный сбор».

В № 3 (1979) нашего журнала ложная этимология фамилии Ружников из «ружейный мастер» по мосей вине приписана Ю. А. Федосюку, в работах которого ее нет. Приношу Ю. А. Федосюку и читателям глубокие извинения.

В. А. НИКОНОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Почти каждый день в редакцию поступают письма, адресованные В. А. Никонову, автору систематически публикуемых материалов «Из словаря русских фамилий». Ответы на некоторые из них помещаются в «Русской речи». Рассказать о происхождении и истории всех фамилий нет возможности. Ведь изучение происхождения каждой — это научное исследование, требующее больших усилий и времени. Всем интересующимся происхождением фамилий рекомендуем следующую литературу: А. Угрюмов. Русские имена (Вологда, 1962); Л. В. Успенский. Ты и твое имя. Имя дома твоего (Л., 1972); Ю. А. Федосюк. Русские фамилии (М., 1972); Е. Н. Поляков. Из истории русских имен и фамилий (М., 1975); «Русская речь», начиная с 1 номера за 1976 год.

■ ВЗИМАЕТСЯ ... ПЕНИ?

При заполнении различных финансово-платежных документов — операции, которую в повседневной жизни неоднократно совершает каждый взрослый человек, — нередко можно встретить грозную фразу о денежном наказании в случае просрочки платежа: «В случае несвоевременной уплаты взимаются пени». Довольно часто глагол и существительное употребляются в форме единственного числа, и тогда мы читаем: *взимается пеня*. Однако порой можно встретить и сочетание *взимается пени*. Написания такого рода наводят на мысль, что пишущие не всегда достаточно отчетливо представляют себе, как употреблять слово *пеня* (*пени*) и что оно значит.

По сведениям этимологических словарей слово *пеня* восходит к индоевропейскому корню **kaína*, от которого в разных языках (в том числе и в русском) образованы слова, значительно отличающиеся друг от друга как по внешнему (фонетическому или графическому) облику, так и по значениям. Это различие объясняется тем, что каждый язык, который перенял от языка-предшественника или заимствовал из другого языка корень **kaína*, подчинил его произношению своим фонетическим законам, а производным от него словам придал несколько иные, отличные от прежних, характерные для этого корня, значения.

Так, например, русские слова *цена* и *пеня*, употребляемые соответственно в значениях «стоимость в деньгах, плата» и «штраф за невыполнение в срок каких-либо установленных законом или договором обязательств», являются по происхождению однокоренными, то есть восходят к одному корню **kaína*. Как же получилось, что один и тот же корень, лежащий в основе разных слов, стал «неузнаваемым»?

Старославянский язык, который по наследству перенял индоевропейский корень **kaína*, преобразовал дифтонг (два звука) *ai* в долгий звук, который на письме обозначался буквой *ѣ* (ять). Однако перед *ѣ*, согласно фонетическим законам старославянского языка, не могло быть звука *к* — он мог видоизменяться в *ц*. Так образовалось старославянское слово *цѣна*, вошедшее позднее в рус-

ский язык и после орфографической реформы 1918 года получившее современный облик — *цена*.

Иной путь проделал корень *kaina прежде чем дойти до нас в русском слове *пеня*.

В древнегреческом языке индоевропейский корень *kaina был преобразован в роіne. Латинский язык, заимствовав этот уже греческий корень, фонетически и графически изменил его в роіna и в этом виде «передал» старославянскому языку. Однако в старославянском дифтонг *oi* также изменялся в *ѣ*. Так получилось старославянское *пѣна*. Русский же язык, куда это слово пришло из старославянского, смягчил согласный звук *н*, тем самым придав слову современный вид — *пеня*.

В современном русском языке *пеня*, как и любое исконно русское слово, изменяется по падежам и числам и имеет как единственное число — *пеня*, так и множественное — *пени*.

Слово *пеня* издавна употреблялось в официальных документах: договорах, различных грамотах, судебных актах, где чаще всего встречалось в форме *пени*, то есть в форме множественного числа, например: «А занесеть вѣтръ Немецкого ловца на Псковскую сторону, ино в том пени нет» (Грамота о перемирии Пскова и Новгорода с Дерптом, 1474). Как книжное слово *пеня* не было известно простому люду. Понятие денежного наказания выражалось иными словами: *вира*, *расплата*, *взыскание*, *платить недоимки*, наконец, словом *штраф*. Вероятно, ограниченный характер употребления слова и, кроме того, наличие в русском языке *пеня* с иным значением — «упрек» (от этимологически однокоренного слова *пенять* «упрекать») привели к тому, что форма множественного числа стала ошибочно восприниматься говорящими как начальная, исходная, а *пени* — как какое-то неизменяемое слово, оканчивающееся на *-и*. Наверное, только таким образом можно объяснить, почему так часто употребляется сочетание *взимается пени*, хотя оно нарушает правила согласования по числу подлежащего и сказуемого. Впрочем, в официальных документах мы подобных ошибок не встретим. См., например, употребление слова *пеня* в Гражданском кодексе РСФСР: «Если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка (штраф, пеня), то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (штрафом, пеней)».

Новые времена, новые общественные отношения обуславливают не только переход того или иного слова из активного употребления в пассивный запас, но и наоборот, часто дают как бы новую жизнь забытому или малоизвестному слову, которое становится широкоупотребительным. И *пеня* — яркий тому пример.

Н. В. СОЛОВЬЕВ

■ ПАМЯТНЫЙ МЕМОРИАЛ

И. И. Говядинов из поселка Дусты Таджикской ССР спрашивает, допустимо ли выражение *памятный мемориал*? Нет ли здесь тавтологии, так как в переводе на русский язык это означает *памятный памятник*.

Тавтология (от греч. *tauto* то же самое и *logos* — слово) — явление нередкое в нашей письменной и устной речи, и поэтому проблема тавтологических сочетаний, то есть сочетаний слов, в которых определение повторяет признак, уже содержащийся в главном слове сочетания, представляется важной для культуры речи. Чаще всего тавтология возникает при сочетании заимствованных и исконных слов: *прейскурант цен, хронометраж времени, памятный сувенир, автобиография жизни*.

Рассматривая сочетание *памятный мемориал*, необходимо, в первую очередь, обратиться к этимологии слова *мемориал*, а также определить его современное значение.

Мемориал — происходит от латинского *memorialis* (памятный). В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940) зафиксированы следующие значения слова: «книга для записей» (с пометой *устар.*) и «в торговом и промышленном деле — бухгалтерская книга» (с пометой *спец.*). В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1950—1965) даются те же значения. А вот в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова издания 1972 года приводятся иные: 1. «Спортивное соревнование в память выдающихся спортсменов. 2. Мемориальное архитектурное сооружение».

Этот факт свидетельствует о том, что в наши дни слово *мемориал* приобрело новые значения: «спортивное соревнование в память выдающихся спортсменов» и более позднее — «архитектурно-скульптурный ансамбль в память о ком-либо, о чем-либо».

Мемориал (как наименование мемориального комплекса, ансамбли) получает особое распространение в современной публицистической речи в связи с развернувшимся в последние годы в нашей стране строительством грандиозных ансамблей, посвященных памяти героев Великой Отечественной войны: «Мемориал героям битвы под Москвой в Яхроме» (Ю. Скотников, К. Белов. По местам Великой Битвы под Москвой); «О Пискаревском кладбище — самом крупном послевоенном ленинградском мемориале — знает вся страна, слышала большая часть человечества» (В. В. Косточкин. Поясом Немеркнувшей Славы).

Мы видим, что в значении слова *мемориал* уже содержится указание на памятный характер сооружения, поэтому сочетание

памятный мемориал тавтологично, а слово *памятный* в этом случае избыточно, не нужно.

Совершенно очевидно, что с позиций строгих литературных норм это словосочетание (как и подобные ему — *мемориальный памятник*, *памятный сувенир*) — явление нежелательное.

В. В. Бакеркина

■ АС

«Расскажите, пожалуйста, о слове *ас*, которым часто в последнее время называют выдающихся спортсменов, специалистов», — с такой просьбой обратился в редакцию Л. М. Комаров из Саратова.

«Звание „ас“ первыми получили лучшие летчики мировой войны 1914—1918 годов, причем это неофициальное звание присваивалось летчику, сбившему не меньше 10 вражеских самолетов... Асы — это своего рода воздушные снайперы, и отсюда своеобразие их тактики. Они свободны в выборе места и цели. Они не ждут противника, а ищут его, находят и уничтожают... Наш ас участвует не только в свободном поиске, выискивая и уничтожая сильнейших летчиков вражеской авиации, — он сражается и в групповых боях, являясь вожаком и задавая тон всем остальным летчикам», — читаем мы в книге выдающегося советского авиаконструктора А. С. Яковлева «Цель жизни».

В русском языке слово *ас* 'лучший летчик' стало употребляться незадолго до Великой Отечественной войны. Пришло оно через немецкий из французского, где имело значения 'туз', 'мастер своего дела', а впоследствии — 'лучший летчик'.

О правописании слова и в связи с этим об истории его заимствования уже рассказывалось в заметке М. Гухман «Ас или асс?» (сб. «Вопросы культуры русской речи», 1955, вып. 1). Нас же интересует семантическая история этого слова, которое попало на страницы советской периодики в годы Великой Отечественной войны. Вот первые примеры: «Читальня лётчиков помещалась в бревенчатом домике в лесу... По стенам висели плакаты. На одном из них был изображен знаменитый асс, гвардии старший лейтенант Петров» (В. Инбер. Почти три года, «Ленинградский дневник», 4 сентября 1942); «Советский ас — это летчик-истребитель, достигший в своем боевом мастерстве высокого уровня («Красная звезда», 1 июля 1943).

В 1952 году слово *ас* в значении 'Выдающийся по летному и боевому мастерству летчик' было зафиксировано в «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова,

Впоследствии *асом* стали называть человека, обладающего мастерством, доведенным до совершенства, виртуозности. Слово стало приобретать в нашем языке свое прежнее широкое значение 'мастер своего дела'. Вот ранний пример такого употребления: «Негустые, очень негустые познания. А ведь мне придется соревноваться с западными журналистскими *асами*, мастерами своего ремесла» (Б. Полевой. Дневники 1945—1946 гг.).

Особенно пришлось по душе слово *ас* спортивным репортерам. Ведь участникам спортивных боев нужны бойцовские, классные, «асовские» качества. В 60-е годы на страницах периодической печати появляются *асы мирового хоккея, асы снежных трасс, асы водной дорожки*.

С этого времени коротким словом начали называть и выдающихся тружеников: «Класс водителя может быть и первый, но настоящих *асов* не так уже много» («Комсомольская правда», 9 февраля 1967); «*Ас* земледелия В. Первицкий» («Литературная газета», 10 августа 1968); «Работа токаря-*аса* не нуждалась в дополнительном контроле» («Правда», 15 июля 1973); «Кардиохирургия стала доступной не отдельным *асам*, а широкому кругу врачей» («Советский Союз», 1973, № 1).

Как и наши летчики, *асы* гражданских специальностей не выделяют себя из массы трудящихся. Являясь передовиками производства, новаторами, наставниками, они вдохновляют всех своим творческим отношением к труду.

Ас прочно утвердилось в нашем языке. Однако чрезмерное употребление этого слова грозит ему превращением в тусклый штамп. У *аса* есть синонимы: *мастер, умелец, искусник, волшебник, маг, художник, виртуоз, знаток, золотые руки, мастер своего дела*.

И. К. Марковский

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Правомерно ли употребление выражения *быть может статься?*», — спрашивает М. Х. Дрозд (г. Горловка Донецкой обл.).

В нашем языке существуют выражения *быть может* и *может статься*. *Быть может статься* образовано путем их соединения (контаминации). Такое сочетание является ошибочным и употреблять его не следует.

РУССКИЕ ИМЕНА

Окончание. См. 1979, № 4, 5

Макар. Имя греческого происхождения: μακαριος — «счастливыи, богатый».

Максим. От латинского maximus — «самый старший (в семье)». Ср. Павел.

Маргарита. От латинского margarita — «жемчуг».

Марина. Латинское marinus означает «морской».

Мария. Библейское имя; буквально «желанный (ребенок)».

Николай. Имя образовано от греческих слов νικη — победа, λαος — народ; означает «повелитель народа».

Ольга и Олег. Эти имена связаны с древневерхнемецким словом heilig «святой».

Павел и Полина. От латинского paulus «маленький» (т. е. младший в семье).

Петр. Имя греческого происхождения petros «камень».

Софья. Греческое слово sophia означает «мудрость».

Степан. От греческого stefanos «корона».

Тамара. Имя восточного происхождения: тамар — пальмовое дерево, финиковая пальма. Очевидно, имя Тамара буквально означает «стройный, как пальма».

Татьяна. Значение этого имени — спорно. Имя Tatianus носили многие мученики, святые и апологеты христианской церкви, происходившие из Сирии или из Малой Азии. Возможно, в основе этого имени лежит тюркское слово tatu — единство, мир, связанное, видимо, с tat, taty «быть сладким, вкусным».

Федор. Греческое theos — бог и doron — дар; имя буквально значит «дар божий».

Феликс. Латинское felix — «счастливыи».

Филипп. Имя греческого происхождения: philo — люблю и hippos — лошадь; «любитель лошадей».

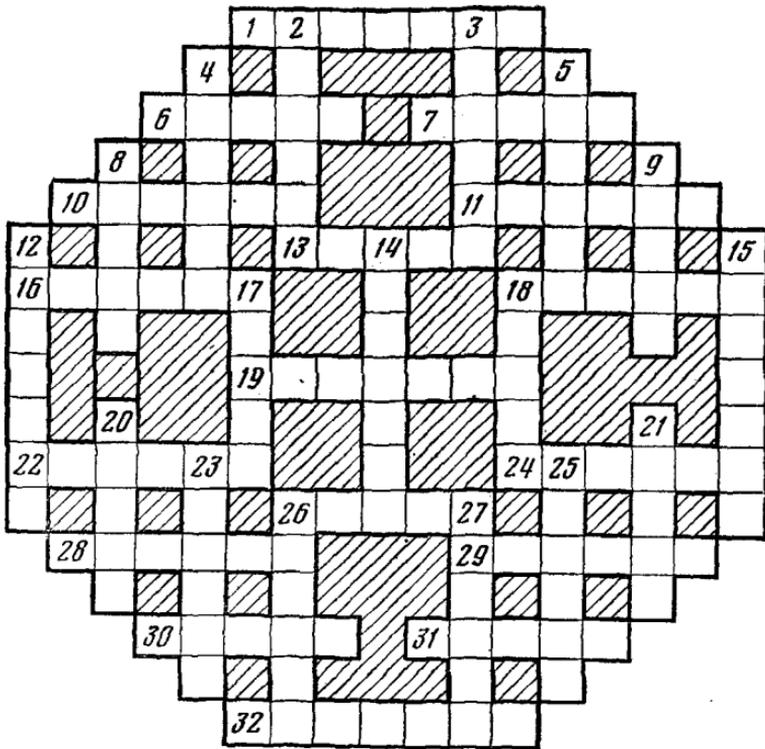
М. М. МАКОВСКИЙ

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 5

По горизонтали: 5. Альманах. 6. Контекст. 9. Калька. 10. Десерт. 12. Острог. 13. Арапат. 14. Историзм. 16. Армавир. 17. Теремок. 18. Колокол. 21. Обломов. 24. Фонетика. 27. Имярек. 29. Орадай. 30. Шарада. 31. Кираса. 32. Ударение. 33. Григорий.

По вертикали: 1. Фломастер. 2. Аяцлаг. 3. Анкета. 4. Эсперанто. 7. Карат. 8. Адели. 9. Карета. 11. Туапсе. 14. Иероглиф. 15. Метафора. 19. Олимпиада. 20. Огарыш. 22. Оттава. 25. Набат. 26. Итака. 23. Обращение. 28. Курень. 29. Оказия.

КРОССВОРД



По горизонтали: 1. Местное наречие, говор. 6. Черточка между частями сложного слова или двумя словами. 7. Лицевая сторона монеты, а также медали. 10. Направление зрения на кого-то-н. 11. Ударение в слове, а также знак ударения. 13. Прозрачный драгоценный камень. 16. Одна из пряностей. 18. Остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье. 19. Обозначенная цена (на товаре, денежном знаке). 22. Представитель народности, проживающей в бассейне реки Амура. 24. Старинное название переводчика. 26. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 28. Мастерская живописца или скульптора. 29. Певчая птичка из отряда воробьиных. 30. Небольшая дальневосточная сельдь. 31. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Гроза». 32. Согласный звук.

По вертикали: 2. Древнегреческая эпическая поэма, приписываемая Гомеру. 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 4. Рассказ А. П. Чехова. 5. Государство на Балканском полуострове. 8. Сильное возбуждение, задор, увлечение. 9. Государство на юге Азии. 12. Имя, которым назвалась героиня повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». 14. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 15. Высокая наблюдательная башня над зданием пожарной команды. 17. Ягненок как жертвенное животное (устар.). 18. Спортивный снаряд для метания. 20. Газета итальянских коммунистов. 21. Название буквы греческого алфавита. 23. Большая открытая посуда, употреблявшаяся в древней Руси для вина. 25. Словесное выражение. 26. Ошибка, омонимия, непроизвольное упущение. 27. Низменное место.

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1979 год

Брежнев Л. И. Осуществляется ленинская мечта	5
Важные вехи жизни партии, народа	3
Александрова О. И. Как создаются прозвища	4
Альбеткова Р. И. «Из-под таинственной холодной полумаски...» М. Ю. Лермонтова	1
Артеменко Е. А., Лазутин С. Г. Поэт земледельческого труда	5
Ахметова Г. Д. «Кара-Бугаз» рукописный	5
Бабай Н. Г. «Труден подъем к простоте»	3
Бабишин С. Д. Как учили писать на Руси	5
Балахонова Л. И. Дрочёна	5
Барандеев А. В. Братск	1
Барандеев А. В. О традиционной форме географических названий	6
Баранкова Г. С. Зодиак	6
Белов С. В. Почему братьев Карамазовых было трое?	4
Белькова В. А. «Ты, березонька, рябая, Черно-пегая моя»	5
Биргегорд Улла. Славянский словарь Спарвенфельда (XVII в.)	4
Биржакова Е. Э. Рог изобилия	4
Богородский Б. Л. Так держать!	2
Брагина А. А. Чужое — свое	2
Браун А. А., Егорова Т. Н. Макаров — лексикограф	5
Бычкова Н. Г. Профессионализмы и жаргонизмы в очерке	5
Вакуров В. Н. Аз да буки — и все науки	4
Валгина Н. С. Необычное... в обычном (заметки о пунктуации А. Ахматовой)	6
Виноградов В. А. Петр Саввич Кузнецов (1899—1968)	2
Виноградов С. И. Отвечает «Служба языка»: Характеристика Иванова или на Иванова? Заявление Иванова или от Иванова? Аттестация Иванова или па Иванова?	1
Пара ножниц, пара слов	2
Летосчисление	3
Запасной или запасный	4
Представить и предоставить	5

Ответственность за выполнение плана — ответственность за невыполнение плана	6
Волкотруб Г. К. Парцелляция в фельетонах М. Кольцова	5
Вомперский В. П. Образ автора в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка»	3
Галманова М. А. Драма «Маскарад». Арбенин — М. И. Царев	5
Галманова М. А. Мастер народной речи	2
Галманова М. А. Устремленность в коммунистическое будущее	1
Ганиева Т. А. Энциклопедия «Русский язык»	3
Гладышева Л. А. «Никто не забыт и ничто не забыто»	3
Голуб П. Б. Ищите «свои слова»	4
Гольщенко В. С. VIII Международный съезд славистов	2
Горбаневский М. В. См. Смоленская Г. П.	1—6
Горбачевич К. С. Русское ударение	1—3
Горшков А. И. А. В. Суворов — знаток и мастер русского слова	6
Горшков А. И. О языке Фонвизина-прозаика	2
Горшков А. И. Язык «действительной живописи»	3
Граудкина Л. К. «И стали вновь понятными Старинные слова»	5
Граудкина Л. К. «Наш век породил подснежник и цифру»	1
Даниленко В. П. Термины в современном русском языке	3
Даньковский А. В. Слово в драматургии эпохи классицизма	2
Денисов П. Н. Индивидуальный стиль В. И. Ленина и общелитературный язык	2
Добродомов Н. Г., См. Стеценко А. Н.	4
Добродомов Н. Г. Евгений Федорович Будде (1859—1929)	6
Дылок Е. В. Русский язык на африканском континенте	5
Егорова Т. Н., См. Браун А. А.	5
Еремича Л. И. Диалоги в романе «Русский лес»	3
Еремич В. А. «...А дело его останется»	1
Ефимов А. И. Великий мастер русского художественного слова	5
Жизнина А. Д. Во славу жизни	4
Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании»	4
Пльвинская И. С. Советские писатели о современном русском языке	6
Исаев М. И. Новый труд по социолингвистике	1
Исаев М. И. «Рядом льется наша „мова“ С русской Волгой речевой»	5
Ицкович В. А. Всевозрастающий и все возрастающий	4
Кабанова Н. П. О жизни одного суффикса	4
Касаркин В. В. «Над словом работаю...»	1
Киндякова Е. Н. О языке народных рассказов и повестей Л. Н. Толстого	4

Клюев Е. В. Живое слово уральцев в произведениях Ба- жова	5
Ковалев В. А. Литературный язык и язык художественной литературы	6
Ковалев В. П. Неологизмы художественной прозы	1
Кожин А. Н. В слове Леонова — пульс времени	3
Колесов В. В. Финист — ясный сокол	5
Кондратьева Т. Н. Кузьмодемьян-свадебник	1
Кононенко В. И. «Несказанное, синее, нежное...»	2
Кононенко В. И. «Россия, Украина — дружба вечна»	3
Коровин В. И. «Язык простой и страсти голос благородный»	5
Костомаров В. Г. В. В. <i>Виноградов</i> . История русских линг- вистических учений	1
Котков С. И. Наедине с минувшим	6
Кузьмин А. И. «Царскосельская статуя» А. Ахматовой	1
Кудряшов А. И. К расширению сотрудничества	4
Лазутин С. Г., См. Артеменко Е. А.	5
Литературная страница: «В земле корни, в глубине...» (из дневников Александра Яшина)	1
Николай Асеев — поэт неугасающей молодости	4
А. Платонов. Цветок на земле (рассказ)	6
«...Под сенью Пушкина росли» (Пушкин в советской поэзии)	3
В. Шукшин. Думы (рассказ)	5
Левашов Е. А. Зарядка	1
Левашов Е. А. Фехтование и «фехтовальные» слова	6
Лопатина Л. Е. Симеон Полоцкий (1629—1680)	5
Луценко Е. И. Сложность «простого»	5
Львов М. Р. Родителям — о развитии речи детей	5
Магидов Ш. Г. Язык, который понятен всем	4
Максеев А. В. Русское слово в Южном Йемене	2
Макеева Г. М. Батрак	1
Маковский М. М. Русские имена	4—6
Мартынова А. Н. Обращение в русской колыбельной	1
Мизяева Л. А. На седьмом небе	3
Милославский И. Г. Доктор пришел — доктор пришла	1
Миськевич Г. И. <i>Брагина А. А.</i> Русское слово в языках мира	6
Митрофанова В. В. Загадка, разгадка, да семь верст правды (в ней)	4
Михайлова Н. М. Студеный, холодный	5
Михайловская Н. Г. Древность легенды и молодость литера- туры	5
Михайловская Н. Г. Русский язык в творчестве Ювана Шеста- лова	1
Михаликне Т. В Венгрии учат русский	3
Мокшенко В. М. Как с гуся вода	4
Мокшенко В. М. Убить бобра	5
Молева Н. М. Гоголь в Москве	2
Морозова Л. А. Употребление В. И. Лениным пословиц	2
Морозова С. Е. Восточнославянские языковеды	2

Некрасова Е. А. Синее, голубое у С. Есенина	4
Немзер А. С. О названиях повестей Гоголя	2
Нестерв М. Н. Частотные словари русского языка	3
Нестерская Л. А. Острый — нож, соус, язык	2
Низаметдинова Н. Х. Максим Грек	3
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	1—5
<u>Никонов В. А.</u> Ответы на письма читателей	6
Одинцов В. В. О стиле монологов Чацкого	1
Одинцов В. В. Поворот Пушкина к реализму	6
Орешкина М. В., См. Протченко И. Ф.	6
Орешкина М. В. Русский язык — язык дружбы и сотрудни- чества народов СССР	5
Осетров Евгений. Народное многоголосье	1
Осипов Б. И. Особенности старинного русского письма	2
Отин Е. С. Древние названия на Воронежской земле	4
Перетрухин В. Н. «Такая короткая долгая жизнь»	3
Петрищева Е. Ф. Зачинщик и зачинатель	3
Платникова В. А. «Медный всадник», «Кумир на бронзовом коне...»	3
Платникова В. А. Спусти или через	6
Попов И. А. Первая диалектологическая карта восточносла- вянских языков	4
Потанова Е. А. Об эпитетах Ф. Тютчева	1
Протченко И. Ф., Орешкина М. В. Животворное взаимодейст- вие	6
Ревенская Н. А. Новые контуры в лингвистической геогра- фии	2
Рогожникова Р. П. А также	6
Руднева Н. П. Мыслитель и художник	4
Русинов Н. Д. Канавино и кума-чародейка	2
Сергеева Т. В. Названия некоторых сибирских деревень	1
Сергеев В. Н. Как пользоваться словарями	4
Сидорец В. С. В поисках точного слова	5
Скацел Й. Язык друзей (Русский язык в ЧССР)	6
Скворцов Л. И. К. С. Горбачевич. Нормы современного рус- ского литературного языка	5
Скворцов Л. И. О культуре русской речи	5
Скворцов Л. И. Сергей Алексеевич Копорский (1899—1967)	3
Скляревская Г. Н. Атом и его родственники	1
Смирнов С. В. Румянцевский кружок	2
Смолицкая Г. П. Кудеяр	1
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Zubовский бульвар. Сретенка	4
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Измайлово. Крылатское	6
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Лужники	1
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Проспект Мира	2
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Сокольники	3

Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Химки-Ховрино. Ленинградский проспект. Улица Горького	5
Степанов А. В. А. И. Ефимов (1909—1966)	5
Стеценко А. И., Добродомов И. Г. И. А. Василенко (1899—1970)	5
Суелова А. В. Н. М. Тушиков и его Словарь	3
Суханова М. С. <i>Зализняк А. А.</i> Грамматический словарь русского языка	6
Суханова М. С. Обратные словари	3
Тимофеев В. П. «Собирал человек слова...»	2
Травников С. Н. Язык и стиль «Путешествия Иоанна Лукьянова» (1701—1703)	1
Филатов В. А. Закром	1
Филатов В. А. Оборот с предлогом <i>кроме</i>	4
Филин Ф. П. Насущная потребность нашего времени	4
Филишинов В. С. Балаган	2
Формановская Н. И. Речевой этикет	4
Формановская Н. И. Речевой этикет и речевая ситуация	5
Хаустова Ю. Ф. В. Я. <i>Дерягин.</i> Беседы о русской стилистике	3
Ходакова Е. П. «Глаголом жги сердца людей»	6
Ходакова Е. П. Начало новой традиции	3
Ходакова Е. П. От конкретного — к абстрактному	4
Хохлачева В. Н. Из наблюдений над стилистикой «Мертвых душ»	2
Чудакова М. О. Булгаков и Гоголь	2—3
Чурмаева Н. В. Заметки по словообразованию	4
Чурмаева Н. В. Подблюдные песни. Суженый-ряженый. Рыже. Присяга	2

Взнимается... пени	6
Вологодчина, Туретчина, Одесчина	4
«Все флаги в гости будут к нам...»	3
Двойные и одиночные согласные в заимствованных словах	3
Десант строителей	4
За счет	5
Инатовский метод	5
Меж- и между-	3
Ни грана — ни грамма	1
«Обуялый» и «обуянный»	1
Опытно-экспериментальный	5
Ордена и их названия	1
Ошибки — они бывают разные	4
Памятный мемориал	6
Премьер, премьера	5
Руководство сектора или сектором?	3
Салага	1
Шпаклевка или шпатлевка?	1
Эозиновый	2
Кроссворд	4—6
